С. Струмилинъ.

Городская бесплат
БИБЛІОТЕКА-ЧИТ
имени Н. В. Го

Аристократія духа и профаны.

Два идеала.

Съ приложеніемъ критическаго очерка

Символика „Черныхъ Масокъ“ Л. Андреева.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„Новый Міръ“
С.-Петербургъ, Перекупной, 9.
1910.

Цѣна 1 р. 25 к.

Пр[illegible]5

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
367

С. Стружилихъ.

Аристократія духа и профаны.

Два идеала.

Съ приложеніемъ критическаго очерка

Символика „Черныхъ Масокъ“ Л. Андреева.

СПБ., Типографія Д. П. Вейсбрута, Троицкій пр., 5.

Вмѣсто вступленія.

Различаютъ три вида аристократіи: родовую, финансовую и интеллектуальную. Болѣе или менѣе откровенное презрѣніе къ „черни“ въ соединеніи съ хуже или лучше обоснованной претензіей господствовать надъ ней—вотъ наиболѣе характерный психологическій признакъ аристократіи всѣхъ этихъ трехъ видовъ. Всякая аристократія представляетъ собою, конечно, ничтожное меньшинство общества, и требовать себѣ подчиненія громаднаго большинства во имя своихъ узко-групповыхъ или классовыхъ интересовъ было бы съ ея стороны по меньшей мѣрѣ утопично. Немудрено поэтому, что аристократы всѣхъ временъ и оттѣнковъ предпочитаютъ становиться на сверхклассовую точку зрѣнія и обосновываютъ свою претензію на власть самыми высоко-идеалистическими аргументами — во имя общечеловѣческихъ или даже сверхчеловѣческихъ идеаловъ.

Самый обычный изъ этихъ аристократическихъ аргументовъ сводится къ тому, что народъ или, какъ они его называютъ, vulgus—крайне нуждается въ благожелательной опекѣ; что громадное большинство человѣчества, будучи предоставлено само себѣ, неизбѣжно погибло бы, какъ заблудшее стадо безъ пастырей. По этой „теоріи“ господа аристократы берутъ на себя, стало быть, тяжелое бремя власти надъ презрѣнной толпой „ради ея же собственной пользы“. И тутъ различіе между разными видами аристократіи проявляется лишь въ томъ, на чемъ именно каждый изъ нихъ обосновываетъ свое право причислять

себя къ сонму призванныхъ опекать, а не быть опекаемыми.

Одни основываютъ это право на своемъ „благородствѣ“ или, говоря точнѣе, *породистости*, о которой, де, можно судить по числу занесенныхъ въ родословныя книги чистокровныхъ предковъ претендента. Если чистота породы, соображаютъ они очевидно, такъ высоко цѣнится даже при выборѣ скаковыхъ лошадей или тамъ какихъ-нибудь густопсовыхъ кобелей, то почему бы ей не цѣниться и при избраніи народныхъ опекуновъ?.. Другіе обосновываютъ то же право на своей „экономической независимости“ или, говоря проще, *тугой мошнѣ*, которая, дескать, необходима для того чтобы имѣть время заниматься „чужими дѣлами“, и при томъ заниматься ими безкорыстно и неподкупно. Наконецъ, третьи достаточный доводъ въ защиту своей претензіи опекать профановъ видятъ въ превосходствѣ своего ума и образованія.

Таковы простѣйшіе аргументы въ защиту принципа власти. Для тѣхъ, кому они показались бы недостаточно убѣдительными, всякая правящая аристократія имѣетъ, конечно, въ запасѣ цѣлый ассортиментъ болѣе тонкихъ религіозныхъ и метафизическихъ аргументовъ. Когда же и они теряютъ свою силу, на сцену выдвигаются для „обузданія“ профановъ наиболѣе вѣсскіе аргументы—изъ свинца и желѣза.

Эти излюбленные доводы всякой когда-либо властвовавшей аристократіи густопсовой породы или тугой мошны говорятъ за себя и сами достаточно краснорѣчиво.

Но другое дѣло аристократы духа. Познакомиться *съ ихъ* аргументаціей есть смыслъ. Вѣдь это художники и философы. Это цвѣтъ современной интеллигенціи. Ихъ руки не запятнаны отъ соприкосновенія съ властью. Правда, и они выступаютъ рѣшительными противниками послѣдовательной демократіи. Правда, и они громятъ „тарантуловъ-уравнителей“. Но вѣдь они громятъ ихъ во имя интересовъ культуры, красоты... во имя автономной личности. А

если это такъ, то вправѣ ли мы даже сопоставлять хотя бы на минуту этихъ рыцарей духа съ грубыми феодалами и пошлыми плутократами.

Вправѣ ли мы это дѣлать—пусть рѣшитъ самъ читатель. Мы же ограничимся лишь соотвѣтствующей группировкой и освѣщеніемъ необходимаго для этой цѣли матеріала На новизну темы или оригинальность ея обработки мы не особенно претендуемъ. Пусть лишь настоящій трудъ послужитъ *нашему* читателю предохранительной прививкой противъ гипноза того очарованія, въ ореолѣ котораго являлись за послѣднее время инымъ профанамъ разные мандарины духа съ ихъ идеологіями, и мы сочтемъ себя вполнѣ удовлетворенными.

Аристократія духа не у власти. Она еще едва лишь мечтаетъ о ней. Но какъ идейный врагъ демократіи, она, и не опираясь на силу штыковъ, вполнѣ заслуживаетъ нашего вниманія. Развѣнчать ее, этотъ послѣдній, наиболѣе эфемерный, а потому и наименѣе уязвимый, оплотъ аристократизма—это задача вполнѣ достойная нашего времени, если мы только дѣйствительно переживаемъ эпоху переоцѣнки всѣхъ цѣнностей.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Аристократія духа.

„Массы заслуживаютъ, по моему мнѣнію, вниманія въ трехъ отношеніяхъ: во первыхъ, какъ расплывчатыя копіи великихъ людей на плохой бумагѣ, сдѣланныя плохимъ клише, во вторыхъ, какъ препятствіе для великихъ, въ третьихъ, какъ орудіе великихъ, а въ остальномъ,—побралъ бы ихъ чортъ и статистика".

Ф. Ницше.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ

Аристократія духа.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Воители древняго Рима сражались съ людьми, а не съ богами. И потому, готовясь къ нападенію они обращались къ богамъ своихъ враговъ съ почтительной просьбой заблаговременно покинуть арену борьбы, чтобы и имъ не попало случайно въ пылу битвы. Борьбу нашего времени, напротивъ, слѣдовало бы назвать борьбой богоборческой по преимуществу, то-есть борьбой не противъ людей, а противъ тѣхъ идей-фетишей, вокругъ которыхъ они группируются. Выступая, напримѣръ, на брань противъ всѣхъ земныхъ и небесныхъ авторитетовъ, современные борцы отнюдь не зрятъ на лица и направляютъ свои стрѣлы не въ тѣхъ или иныхъ сущихъ или возможныхъ властителей, а въ самый принципъ ими отстаиваемый. Римляне, однако, были, повидимому, очень плохого мнѣнія о богахъ, если думали, что тѣ могутъ малодушно покинуть своихъ поклонниковъ въ минуту наибольшей опасности. Мы лучшаго мнѣнія о людяхъ и не зовемъ ихъ оставить безъ боя, на произволъ судьбы, своихъ старыхъ идоловъ и фетишей. Но именно поэтому никто не въ правѣ пенять на насъ, если стрѣлы,

заостренныя нами противъ идоловъ, попадутъ иной разъ и въ идолопоклонниковъ.

Въ спеціальномъ примѣненіи къ аристократамъ духа это значитъ вотъ что. Мы, правда, ставимъ своей задачей развѣнчать ихъ антидемократическій идеалъ. Но у насъ нѣтъ ни надобности, ни охоты бросать съ этой цѣлью грязью въ отдѣльныхъ носителей этого идеала. И все же, поскольку никакой идеалъ невозможно вполнѣ отдѣлить отъ его выразителей, мы не можемъ быть особо мягкими и къ симъ послѣднимъ.

Однако къ дѣлу. Присмотримся повнимательнѣе къ этому любопытному психологическому типу „рыцарей духа", какими они рисуются намъ въ жизни и литературѣ. Выслушаемъ ихъ самихъ и взвѣсимъ на вѣсахъ безпристрастной критики все, что они могутъ противопоставить нашимъ демократическимъ идеаламъ.

Само собой понятно, что намъ хотѣлось бы брать для этой цѣли не всѣхъ разряженныхъ въ звѣздную мантію духовнаго аристократизма гіенъ и шакаловъ, а только подлинныхъ и безпримѣсныхъ аристократовъ духа. Но, къ сожалѣнію, это болѣе, чѣмъ трудная задача. Дѣло въ томъ, что и порода, и капиталъ, и образованіе, составляя при виллегію только верхушекъ современнаго общества, такъ тѣсно сплетаются въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, что большей частью совсѣмъ невозможно сказать, гдѣ кончается феодалъ-баринъ, гдѣ его смѣняетъ плутократъ-баринъ и гдѣ начинается духовный аристократъ-баринъ.

Конечно, *теоретически* установить грань между всѣми этими видами аристократіи возможно. Феодалы и плутократы всѣхъ ранговъ, какъ бы ни старались затушевать свою хищническую природу сверхклассовой фразеологіей, рано или поздно должны таки выдать себя своими шкурными вожделѣніями и классовыми аппетитами. Другое дѣло аристократы духа вродѣ Генриха Гейне или Фридриха Ницше, Генриха Ибсена или Леонида Андреева. Он-

то ужъ не на словахъ только, а и въ самомъ дѣлѣ цѣлой головой выше той барски-мѣщанской классовой среды, изъ которой вышли. Подлинные аристократы духа это прежде всего личности *деклассированныя*. Они слишкомъ тонко организованы, чтобы не задыхаться въ томъ мелкомъ и вонючемъ болотѣ, въ которомъ родились. Но вырваться вонъ изъ этого переполненнаго гніющими міазмами болота и переселиться въ другую, болѣе здоровую стихію они не могутъ. У нихъ уже атрофировались жабры, но еще не развились легкія. Они отрываются отъ дряхлыхъ отживающихъ классовъ, но вполнѣ сродниться съ тѣми классами, передъ которыми все будущее, они безсильны. И потому остаются чуждыми и тѣмъ, и другимъ.

Однако, такое серединное положеніе „ни павы, ни вороны“ между двухъ борющихся стихій крайне неустойчиво. Оно мыслимо лишь теоретически. Фактически же аристократы духа, откачиваясь то вправо, то влѣво отъ этой серединной линіи, тысячами переходовъ приближаются то къ чисто буржуазной, то къ пролетарской идеологіи. И при томъ къ буржуазной гораздо чаще и ближе, чѣмъ къ пролетарской. Барскіе навыки жить и мыслить оставляютъ въ нихъ, повидимому, слѣды неизгладимые. Въ иныхъ аристократахъ духа породившее ихъ барски-мѣщанское болото, казалось бы, не оставило по себѣ ужъ ничего, кромѣ самой жгучей ненависти или гордаго презрѣнія ко всему, что только отзывается этимъ болотомъ. Анъ, глядишь, барскіе навыки и въ нихъ нѣтъ-нѣтъ да и скажутся въ чемъ-нибудь пренепріятной классовой отрыжкой.

„Оно, пожалуй, барство то, какъ оспа!“ невольно приходитъ здѣсь на память мѣткій афоризмъ горьковскаго Луки со „дна жизни“. „И выздоровѣетъ человѣкъ, а знаки остаются“.

Въ результатѣ получается такая картина. Съ одной стороны витающіе высоко „надъ классами“ рыцари духа благодаря цѣлой гаммѣ качаній и переходовъ оказываются

въ непосредственной близости съ самыми вульгарными рыцарями капитала. Съ другой же стороны и эти послѣдніе не прочь бываютъ при случаѣ прикрыть свою духовную наготу хотя бы фиговымъ листкомъ ницшеанской фразеологіи. Такъ что провести рѣзкую грань между тѣми и другими далеко не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Послушайте, напримѣръ, какъ разговариваетъ эксплоататоръ-предприниматель Гольгеръ въ драмѣ Бьернсона „Сверхъ Силъ".

„Необходимо — заявляетъ этотъ хищникъ — вернуться назадъ и предоставить власть только тѣмъ, кто имѣетъ мужество и геній. Я не знаю, когда кончится борьба, но что я могу съ увѣренностью сказать вамъ, это то, что побѣдитъ *личность, а не масса*". „Нѣтъ, милостивые государи, если бы благодаря голосованію или чему-нибудь другому, власть оказалась въ рукахъ подобнаго большинства, не знающаго что такое порядокъ, лишеннаго духа послѣдовательности, привычки къ дѣламъ, наконецъ всѣхъ традицій ума и искусства, необходимыхъ для нашей организаціи, намъ оставалось бы сдѣлать только одно. Холодно, рѣшительно мы отвѣтили бы имъ крикомъ: Пушки впередъ!".

Вотъ какъ громко и сильно каркаетъ буржуазное воронье, разодѣвшись въ павлиньи перья духовнаго аристократизма. „Масса" чужда всѣхъ традицій ума и искусства... Къ власти призваны лишь тѣ, за кѣмъ мужество и геній... Да, геній и... *и пушки*!.. Однако мы пройдемъ пока мимо этого вороньяго карканья, чтобы прислушаться къ тѣмъ же лейтмотивамъ въ исполненіи неподдѣльныхъ павлиновъ. У нихъ эти лейтмотивы звучатъ на нашъ слухъ, если и не музыкальнѣе, то хоть натуральнѣе.

Начнемъ хоть съ отношенія аристократовъ духа къ „черни".

Само собой разумѣется, что „пошлая чернь" по ихъ представленію совершенно неспособна уразумѣть тѣ глу-

бокія и возвышенныя идеи, носителями которыхъ они себя почитаютъ. Въ этомъ они всѣ сходятся. При всемъ многоразличіи своихъ философскихъ воззрѣній и при всей разнокалиберности ихъ отъ Иммануила Канта до Фридриха Ницше и отъ Владимира Соловьева до Леонида Андреева, всѣ они одинаково искренно презираютъ „толпу“ и брезгливо отъ нея отворачиваются.

„Философъ долженъ краснѣть отъ одобрѣнія черни!“ восклицаетъ, напримѣръ, метафизикъ Кантъ *).

„Кто при сношеніяхъ съ людьми—поддерживаетъ Канта философскій антиподъ его Ницше—не мѣняется въ лицѣ, не зеленѣетъ и не блѣднѣетъ отъ омерзенія, пресыщенія, состраданія, меланхоліи, тотъ навѣрно человѣкъ не высшаго вкуса...“ „Гдѣ народъ ѣстъ и пьетъ, даже гдѣ онъ поклоняется, тамъ всегда стоитъ вонь. Не слѣдуетъ ходить туда, гдѣ есть плебсъ, если хочешь дышать чистымъ воздухомъ“ **).

Религіозный мистикъ Владимиръ Соловьевъ даже въ лицѣ соціалистическаго пролетаріата усматриваетъ изъ своихъ заоблачныхъ высотъ „только умственный и нравственный vulgus“. А прямой антиподъ его, андреевскій атеистъ Савва, разражается такой тирадой по адресу всѣхъ сочеловѣковъ:

„Уговаривать этихъ барановъ свернуть съ ихъ скотской тропы, ловить каждаго за рога и отводить въ сторону, надѣть фракъ и читать имъ лекціи? Какъ будто мало ихъ учили? Какъ будто для нихъ имѣютъ значеніе слова, мысли... Нѣтъ, сестра, жизнь коротка и тратить ее на диспуты съ баранами я не намѣренъ“.

Подумать только! Какъ глубоко надо презирать этотъ несчастный плебсъ, чтобы выражать свое презрѣніе къ

*) Сравните съ этимъ также вольтеровское: „Когда чернь пускается разсуждать—все потеряно“.

**) *Ф. Ницше.* По ту сторону добра и зла. Изд. Клюкина М. 1900 г., отрывки 26-ой и 30-ый.

нему въ подобныхъ тирадахъ!.. Правда, въ *тонѣ* этого презрѣнія звучатъ иной разъ очень явственныя нотки *барскаго* высокомѣрія. Вспомните, напримѣръ, выраженіе Ницше: „Гдѣ народъ... тамъ всегда вонь". Вспомните горделивую фразу Гейне:

„Если бы самодержавный народъ удостоилъ меня своимъ рукопожатіемъ, я вымылъ бы послѣ этого руки!" *).

Но *тонъ* не дѣлаетъ еще музыки. И въ презрѣніи аристократовъ духа къ „черни" можно отгадать нѣчто гораздо болѣе глубокое, чѣмъ простую отрыжку барскаго воспитанія: Царящее нынѣ повсюду *духовное мѣщанство*— вотъ что питаетъ собой гнѣвное презрѣніе духовной аристократіи.

II.

Мѣщанство—категорія соціальная. Но мѣщанинъ кромѣ своей частной собственности имѣетъ еще и свой особый психологическій обликъ. И потому соціальное господство въ той или другой странѣ мѣщанства означаетъ собой прежде всего господство въ этой странѣ мѣщанскаго образа мыслей и чувствъ. Мѣщанская психика носится тамъ въ воздухѣ, какъ зараза, и все отравляетъ своимъ тлетворнымъ дыханіемъ. Ея филистерскій отпечатокъ духовной узости воспринимаютъ при этомъ въ той или иной формѣ не только пассивныя „массы", но и тѣ активныя одиночки, которыя энергично борются съ этой узостью. Но если мѣщанская психика вообще крайне узка и ограничена, то въ странахъ *мелкаго* мѣщанства за отсутствіемъ рѣзко выраженныхъ классовыхъ антагонизмовъ и великой борьбы во имя далекихъ цѣлей эта психика еще уже и ограниченнѣе.

Замурованная, какъ въ свинцовомъ гробу, въ тѣсныхъ рамкахъ мелко-мѣщанскихъ интересовъ духовная жизнь

*) *Г. Гейне.* Сочиненія. Перев. подъ ред. Вейнберга, т. X, Спб. 1882 г., с. 46.

этихъ странъ замираетъ и въ лучшемъ случаѣ становится достояніемъ немногихъ книжныхъ червей. Что же касается „народа“, то онъ дѣйствительно является тамъ такимъ, какимъ его рисуютъ себѣ аристократы духа, то есть, говоря словами Г В. Плеханова, „совершенно неразвитой массой, погруженной въ умственную спячку и отличающейся отъ ведущихъ ее за носъ „столповъ общества“ только болѣе грубыми манерами и менѣе чистыми жилищами“ *). Конечно, дѣйствіе равно противодѣйствію. И на почвѣ наиболѣе грубаго духовнаго мѣщанства естественно ждать расцвѣта и наиболѣе яркихъ цвѣтковъ духовнаго аристократизма. Вотъ почему, быть можетъ, такія классическія страны мелкой буржуазіи, какъ Германія до 1870 года, Скандинавія и Россія дали намъ Ницше, Ибсена и Андреева.

Этимъ людямъ, творящимъ новыя цѣнности въ области духа, естественно, самымъ дорогимъ и высокимъ въ жизни представляется идея, мысль. Но мѣщане опошлили и отравили даже эту для многихъ наивысшую цѣнность жизни.

„Мысль! Чистая, несчастная мысль!“ восклицаетъ тономъ, близкимъ къ отчаянію, андреевскій Савва. „Они развратили ее, научили мошенничать, сдѣлали ее продажной тварью, что отдается за пятакъ“... Да, даже душу души человѣческой они развратили. Какъ же тутъ не реагировать на это огненнымъ негодованіемъ такому подлинному аристократу духа, какъ alter ego Андреева—Савва.

„Сломать тюрьму, въ которую запрятаны идеи, и дать имъ крылья, и открыть имъ новый, великій, невѣдомый просторъ“—вотъ чего жаждетъ душа Саввы. И одушевленный этой великой цѣлью, онъ чувствуетъ за собой силу безпощадно казнить всѣхъ тюремщиковъ идеи. „Освободить человѣка и уничтожить всю эту двуногую болтающую тварь!“—вотъ его лозунгъ. А когда его спрашиваютъ, кто

*) *Г. Плехановъ.* Генрихъ Ибсенъ. Спб. 1906 г. с. 35—36.

далъ ему на это право и власть, Савва гордо бросаетъ въ лицо всему мѣщанскому міру свой вызовъ:

„Кто далъ мнѣ право? Вы дали. Кто далъ мнѣ власть? Вы дали. И я держу ее крѣпко,—попробуй, отними! Вы—вашей злостью, вашимъ безуміемъ, вашимъ подлымъ безсиліемъ. Право! Власть! Превратили землю въ помойную яму, въ бойню, въ жилище рабовъ, грызутъ другъ друга и спрашиваютъ: кто осмѣлился схватить ихъ за горло! Я! Понимаешь? Я!“

И, конечно, этому аристократическому „Я“ невольно вторитъ здѣсь и наше демократическое „Мы“. Въ ненависти къ мѣщанству во всѣхъ его видахъ современные борцы-профаны не уступятъ и наиболѣе яркимъ аристократамъ духа. Ихъ цѣль: „освободить мысль! освободить человѣка!“... вполнѣ намъ близка и понятна. И до тѣхъ поръ пока они выступаютъ лишь въ качествѣ отрицателей мѣщанскихъ устоевъ, мы готовы идти не только рядомъ, но даже впереди ихъ.

Но дальше наши пути расходятся въ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ. И не потому, что аристократы духа идутъ, какъ это представляется, напримѣръ, г. В. Брюсову, слишкомъ далеко для насъ *). О, нѣтъ. Напротивъ, дѣло въ томъ, что власть мѣщанской идеологіи надъ аристократическими душами, повидимому, гораздо сильнѣе, чѣмъ это имъ самимъ кажется. И вотъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда,—съ переходомъ отъ критической работы молотомъ къ положительному творчеству идеаловъ,—профаны направляются дальше по разъ избранному пути, аристократы духа круто поворачиваютъ назадъ и открываютъ „попятное движеніе“ къ поверженнымъ кумирамъ.

„Когда преодолѣна метафизика, тогда необходимо *попятное движеніе*, т. е. къ метафизикѣ же“—пророчески

*) См. его стих. „*Близнецы*“ въ сб. „Факелы“ № 1, 1906 г.

БИБЛІО... АКАДЕМІИ...

предвосхищалъ это настроеніе еще Ницше *). А въ недавніе дни повальнаго бѣгства разныхъ бывшихъ людей въ лагерь „идеализма“ этотъ попятный лозунгъ сталъ уже злободневнымъ. Безсильные идти до конца по тому пути, на который ихъ толкнула исторія, и чувствуя, какъ быстро родная имъ почва выскальзываетъ у нихъ на этомъ пути, изъ подъ ногъ, они уже теперь „съ тоской *оглядываются*“ по выраженію Ницше, „на время несовершеннаго строя и полуварварскаго общества, на... *наше время*“ и взываютъ съ отчаяніемъ: Назадъ къ Канту, назадъ къ Соловьеву, назадъ къ Мѣщанину!..

Какъ бы тамъ ни было, однако, но *по пути* намъ съ аристократами духа лишь до перваго перекрестка. А тамъ... Профаны пойдутъ дальше по большой дорогѣ соціализма и станутъ дружно строить „*реальное основаніе*“ той „высшей общественной формы, основной принципъ которой,—по выраженію Маркса,—есть полное и свободное развитіе каждой отдѣльной личности“. А рыцари духа разбредутся тѣмъ временемъ врозь по извилистымъ тропинкамъ индивидуализма, заберутся каждый въ свою литературную келью подъ елью и въ пику профанамъ займутся тамъ декламаціей на брюсовскую тему:

„Ломать я буду съ вами, строить—нѣтъ!“

Аристократы духа—индивидуалисты. И это весьма понятно. Вѣдь каждый изъ нихъ страшно *одинокъ* въ той мѣщанской средѣ, какая выбрасываетъ ихъ изъ своихъ нѣдръ на поверхность. И не подумайте, что они сами ищутъ одиночества. Трагедія ихъ жизни какъ разъ въ томъ, что это одиночество вынужденное.

„Глубокому человѣку друзья необходимы“, исповѣдуется, напримѣръ, Ницше въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ своей, Но гдѣ ихъ было взять ему? „Только inter pares—воскли-

*) См. у *Невѣдомскаго* въ предисл. къ *Лихтенбергеру* „Философія Ницше“ Спб. 1901 г. с. LXXI.

цаетъ онъ—можетъ быть настоящее, совершенное, полное общеніе! Только *между равными* можетъ быть и совершенная дружба! Inter pares! Отъ этихъ словъ опьянѣть можно: столько сулятъ они утѣхъ, надеждъ, сладости, блаженства человѣку, который всегда роковымъ образомъ жилъ одинъ,—человѣку „неодинаковому", которому ни разу нигдѣ не удавалось найти себѣ близкаго—въ настоящемъ смыслѣ этого слова, хоть онъ и старался искать,—по всевозможнымъ дорогамъ искалъ.. " *).

Въ словахъ „по всевозможнымъ дорогамъ", есть, конечно, преувеличеніе. Спуститься въ своихъ поискахъ за равными внизъ, на дно жизни, ему, вѣроятно, не приходило и въ голову. „Славные парни нивеллировщики" казались ему несомнѣнно слишкомъ ужъ „неотесанными" для этой цѣли. Ихъ отдѣляла отъ него цѣлая соціальная пропасть. Найти же себѣ близкихъ среди людей своего круга Ницше дѣйствительно не могъ, ибо вѣдь это все были филистеры—Передоновы. Имѣть съ ними что либо общее было бы постыднымъ. Бороться же съ этими филистерами аристократу духа невозможно иначе, какъ рѣзко противопоставивъ ихъ коллективной пошлости свою автономную индивидуальность. А отсюда остается ужъ одинъ только шагъ до „великаго открытія" ибсеновскаго „врага народа" доктора Штокмана:

„Сильнѣе всѣхъ тотъ, кто остается одинъ!"

Да. Наиболѣе сильнымъ борцомъ въ мѣщанской средѣ противъ мѣщанства будетъ тотъ, кто чувствуетъ себя въ этой средѣ наиболѣе одинокимъ. Это несомнѣнно. И потому, аристократъ духа, будучи таковымъ, не можетъ не быть крайнимъ индивидуалистомъ. Посмотрите, напримѣръ, на типичнаго въ этомъ отношеніи Савву. Развиваемыя

*) Съ этимъ признаніемъ Ницше стоитъ сопоставить одно мѣсто изъ его „Несвоевременныхъ Размышленій" гдѣ онъ перечисляетъ „величайшія страданія личности: *отсутствіе единства между людьми* непрочность основныхъ воззрѣній, *неравенство*..."

имъ нигилистическія теоріи чрезвычайно смахиваютъ на общеизвѣстное ученіе анархизма. Но Савва не желаетъ себя признать даже анархистомъ, лишь бы сохранить за собой право горделиво бросить свое:

„У меня нѣтъ товарищей!“

Конечно, за этимъ исключительнымъ высокомѣріемъ Саввы въ немъ невольно чувствуется что то надломанное, больное. Вспомните, напримѣръ, его демоническую угрозу міру „свѣтопреставленіемъ“. Дѣло не въ томъ, конечно, что этотъ „врагъ рода человѣческаго“, какъ его аттестуютъ мѣщане, готовъ ихъ всѣхъ смести съ лица земли. „Что за бѣда раззорить лживое общество?“ сказалъ уже до него другой „врагъ народа“, докторъ Штокманъ: „Его *надо* стереть съ лица земли! Живущихъ во лжи надо истреблять, какъ вредныхъ животныхъ!..“ Дѣло значитъ не въ содержаніи и не въ рѣзкости даже Саввиныхъ угрозъ, а въ той самооцѣнкѣ, какою онѣ сопровождаются. „Огнемъ ихъ надо! Огнемъ!“ звучатъ эти угрозы: „*Пусть надолго запомнятъ день, когда пришелъ на землю Савва Тропининъ!*“

Такъ говорятъ лишь больные маніей величія.

Въ извѣстной дозѣ эта манія должна впрочемъ составлять неизбѣжную „профессіональную“ болѣзнь всѣхъ аристократовъ духа. Видѣть вокругъ себя всегда, говоря слогомъ Ибсена, только „почтенныя лошадиныя морды, упрямыя ослиныя рыла, вислоухія, низколобыя собачьи черепа и жирныя свиныя головы“ и не переоцѣнить себя нисколько, не почувствовать себя по меньшей мѣрѣ сверхчеловѣкомъ въ такой компаніи—задача слишкомъ мудреная. Но именно такая компанія обычно и окружаетъ аристократовъ духа. Посмотрите въ самомъ дѣлѣ продуктомъ какой среды является хоть бы тотъ же андреевскій Савва.

Кто его окружаетъ? Тунеядцы монахи, которые „отъ сытости плохо спятъ“ и бредятъ чертовщиной. Монахи, которые, торгуя распивочно и навыносъ своими святынями,

„распродали бы по кусочкамъ“, если-бъ смогли, даже своего безсмертнаго Бога. Монахи, которые даже свои восторги выражаютъ отвратительнымъ „хрюканьемъ“... За ними слѣдуютъ изломанные жизнью калѣки-изувѣры, полусумасшедшіе философы-гробокопатели, пропойцы, убогіе, слѣпцы, уроды. Таковъ общій фонъ. А ближе, въ собственной семьѣ кто? Отецъ—почтенный вампиръ-трактирщикъ, братъ Тюха—маньякъ и пропойца, сестра Липа—блаженная, истеричка. И ни одного свѣтлаго пятнышка вокругъ, въ этой душной атмосферѣ тупости и мертвечины, сыска и предательства!.. Кромѣ развѣ беззаботно радостныхъ дѣтскихъ игръ.

Такая среда не располагаетъ къ смиренію и кротости. И не мудрено, что Савва почувствовалъ себя въ ней титаномъ и заговорилъ пламеннымъ языкомъ Іереміи. Но выйти изъ нея неповрежденнымъ даже подлинному титану было бы не подъ силу. И нашъ Іеремія мѣщанства самъ признаетъ это словами:

„Я человѣкъ отравленный,—отъ меня ихнею мертвечиною пахнетъ“.

И впрямь пахнетъ. Мертвящей ограниченностью мѣщанскаго кругозора вѣетъ уже отъ основной его мысли, что „динамитъ сильнѣе ихняго бога“, то есть, что адской машинкой можно взорвать на воздухъ тысячелѣтнюю идею. Ему недоступенъ даже тотъ уже набившій оскомину трюизмъ, что механической силой можно подрывать лишь механическіе же устои, но противъ идей одинаково безсильны, какъ штыки, такъ и динамитъ. И эта ограниченность роковымъ образомъ приводитъ его къ пораженію. Распространять свои идеи путемъ проповѣди Савва считалъ ниже своего достоинства. Динамитъ же не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ. И вотъ Савва трагически гибнетъ, *никѣмъ не понятый, никѣмъ не поддержанный*.

Конечно, самъ Андреевъ вовсе не ставилъ своей цѣлью обнаружить банкротство столь близкаго ему по духу героя. Это вышло само собой. По замыслу Андреева его мона-

стырскій посадъ символизируетъ собой, очевидно, весь современный міръ тупого и пошлаго паразитизма, въ которомъ нѣтъ, дескать, мѣста ни для кого, кромѣ физическихъ калѣкъ да моральныхъ уродовъ. Къ *такому* міру обращаться съ проповѣдью, конечно, не стоитъ. *Такой* больной дѣйствительно не заслуживалъ бы иного лѣченія, кромѣ лѣченія огнемъ. И все же Савва не правъ.

Картина Андреева полна художественной правды. Но, къ счастью, въ ней не вся еще правда. Крайне характерно, что въ этой символической картинѣ совсѣмъ не нашлось мѣста для рабочихъ. Проходя по міровой кунсткамерѣ, авторъ любовно нанизываетъ на свои отравленныя булавки всевозможныхъ букашекъ и таракашекъ, но слона современности даже не примѣчаетъ. И это не случайность. Такой своеобразный дальтонизмъ, эта однобокая слѣпота присуща, повидимому, всѣмъ аристократамъ духа. Они не прочь бываютъ высказать мимоходомъ сочувствіе пролетарію, иной разъ даже удѣлить ему скромный уголокъ въ своемъ творчествѣ. Но отвести ему то центральное мѣсто въ этомъ творчествѣ, какое онъ занимаетъ по праву въ жизни, аристократы духа не властны. Ужъ слишкомъ „сѣрымъ и обыкновеннымъ“ представляется онъ для этого ихъ аристократическому оку. И въ концѣ концовъ каждый изъ нихъ охотно отмахнулся бы отъ этихъ сѣрыхъ рабочихъ, какъ отъ докучливыхъ мухъ, энергичной фразой Ницше:

„Побралъ бы ихъ чортъ и статистика!“

А между тѣмъ попробуйте перенести того же Савву изъ монастырскаго посада въ рабочую слободку, и вы сразу же почувствуете, какъ нелѣпа и его фразеологія, и его тактика. Повторите, напримѣръ, имѣя въ виду рабочихъ, гнѣвную тираду Саввы о „скотахъ“ и „баранахъ“, его отказъ „надѣть фракъ (!) и читать имъ лекціи“, его угрозу „огнемъ“!... Какой грубой фальшью по отношенію къ рабочимъ звучала бы его фраза:

„Какъ будто *ихъ* мало учили! Какъ будто для нихъ имѣютъ значеніе слова, мысли!“

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, говоря все это, Савва не могъ имѣть въ виду рабочихъ. Но не странно ли, что, обращаясь якобы ко всѣмъ людямъ вообще, онъ имѣлъ въ виду только мѣщанъ? Развѣ „человѣкъ“ для этого сына трактирщика начинается лишь съ фра́чнаго мѣщанина, подобно тому, какъ для поколѣнія феодаловъ, онъ начинался—съ барона? Мы не думаемъ этого. Нѣтъ, витая въ радужныхъ эмпиреяхъ сверхклассовыхъ отвлеченностей, Савва просто не далъ себѣ труда подумать о той сѣрой реальности, какую представляютъ собой копошащіеся гдѣ то тамъ внизу, въ пыли и копоти строители будущаго. И въ этомъ опять таки нельзя не усмотрѣть легкаго отпечатка барской психики. Отпечатка, который невозможно было бы, конечно, открыть у „мужика“ Саввы, если-бы тотъ не унаслѣдовалъ его отъ своего духовнаго отца, Андреева.

III.

Однако пойдемъ дальше. Мы сказали, что аристократы духа—индивидуалисты. *Возстаніе личности противъ общества*—вотъ ихъ знамя. И потому лишь мощныя индивидуальности представляютъ собою извѣстную цѣну въ глазахъ аристократіи духа. Великія личности, герои духа—вотъ цѣль. Все остальное только средство.

„Толпа есть только сырой матеріалъ, изъ котораго мы, лучшіе люди, должны создать народъ“—говоритъ докторъ Штокманъ. А „народъ—въ свою очередь по образному выраженію Ницше*)—есть окольный путь природы, чтобы дойти до шести-семи великихъ людей“ говоря короче, великіе люди это и источникъ и цѣль цивилизаціи“.

„Счастіе массъ—пытается обосновать эту мысль Бран-

*) *Ф. Ницше.* По ту сторону... отр. 126.

десъ *)—не въ томъ, чтобы всѣ обладали нѣкоторыми элементарными свѣдѣніями по физіологіи, а въ томъ чтобы одинъ Пастеръ имѣлъ возможность развивать свои геніальныя способности... Одно открытіе Пастера дороже обученія грамотѣ тысячи посредственностей"... Слишкомъ очевидно, однако, что Брандесъ вступаетъ здѣсь на шаткую почву. Судить о томъ, въ чемъ „счастіе массъ", слѣдовало бы предоставить имъ самимъ.

Впрочемъ, и самъ Брандесъ не придаетъ, повидимому, большой цѣны этому сомнительному аргументу отъ утилитаризма, обыкновенно исключающій это соображенія отъ эстетики. Кто знаетъ, спрашиваетъ онъ, не хуже ли было бы, еслибъ не было тѣхъ прискорбныхъ условій, благодаря которымъ явилась Жанна д'Аркъ? И не пришлось ли бы намъ пожалѣть о тѣхъ болѣзнетворныхъ бациллахъ, безъ которыхъ не было бы и Пастера? „Можемъ ли мы сказать, что *красота* подобнаго явленія куплена слишкомъ дорогой цѣной"!..

Тутъ ужъ, очевидно, „счастіе массъ" не при чемъ. Но и эстетика Брандеса весьма подозрительна. Конечно, и на зловонномъ болотѣ вырастаютъ иногда очень душистыя лиліи. Но развѣ ихъ благоуханіе не теряется въ общемъ зловоніи? Попробуйте найти эстета, который ради лилій сталъ бы жить въ болотѣ. Другое дѣло, если любоваться болотными лиліями съ облаковъ. Съ облаковъ аристократизма дѣйствительно трудно понять, что „красота подобнаго явленія куплена слишкомъ дорогой цѣной". И Брандесъ смѣло дѣлаетъ свой выводъ:

„Главною заботою человѣчества должна быть выработка, развитіе и сохраненіе такихъ великихъ личностей".

„Все человѣчество—еще рѣшительнѣе высказывается Ницше—должно неустанно работать надъ тѣмъ, чтобы

*) *Г. Брандесъ.* Великіе люди, какъ источникъ и цѣль цивилизаціи. Научн. Обозр. 1902 г. №№ 8 и 9.

воспитать нѣсколько великихъ личностей, *это его задача и другой задачи у него нѣтъ*“ *).

Намъ видятся, положимъ, и другія, болѣе грандіозныя, задачи. Напримѣръ, „воспитать“ вмѣсто нѣсколькихъ великихъ людей—великое человѣчество. Но чтобы не быть придирчивыми, попробуемъ согласиться съ аристократической постановкой вопроса, и спросимъ только: При какомъ же строѣ жизни аристократы духа видятъ всего больше шансовъ для успѣха въ разрѣшеніи этой задачи?

Для Брандеса „этотъ вопросъ остается еще открытымъ“. Ясно для него лишь то, что этотъ искомый строй—*не* демократія. Въ прошломъ, говоритъ онъ, „условія, облегчающія развитіе талантовъ, составляли одну изъ главныхъ заботъ королей и папъ... Эпохи, подобныя вѣку Людовика XIV, создавали условія, дѣлавшія возможнымъ полное (!) ихъ развитіе“. Слушайте, слушайте! Атмосфера придворнаго разврата и льстивой лжи, низкопоклонства передъ титулованными ничтожествами и заискиванія передъ ихъ наложницами, или, говоря короче, состояніе въ королевскихъ *шутахъ и приживалкахъ* — вотъ условія, дѣлавшія возможнымъ *полное* развитіе аристократическихъ душъ!

Увы, увы! Все это было, но прошло. „Въ настоящее время—горько жалуется Брандесъ—этотъ принципъ (меценатства), бывшій достояніемъ папъ и королей, ничѣмъ не замѣненъ въ республикахъ, весьма часто покровительствующихъ посредственности въ ущербъ талантамъ“. Демократія, видите ли, имѣетъ дерзость утверждать, „что человѣчество уже болѣе не нуждается въ руководителяхъ“ и потому относится, де, „съ пренебреженіемъ къ аристократіи ума и таланта“. Мудрено ли поэтому, заключаетъ Брандесъ вслѣдъ за Генри Меномъ, что съ ростомъ демократіи во всѣхъ странахъ „все болѣе и болѣе распространяются самые плоскіе и пошлые способы мыслить и чув-

*) См. у *Лихтенбержс*, с. 63.

ствовать, и что въ концѣ концовъ прогрессъ, создаваемый только (!) великими личностями, остановится и наступитъ эпоха застоя".

Плоскіе и пошлые способы мыслить и чувствовать дѣйствительно распространяются. Правда, не съ ростомъ демократіи, а съ расширеніемъ сферы вліянія мѣщанства. Но аристократическая психика не терпитъ столь „тонкихъ" различеній. Она не мирится съ демократической идеей равенства и баста. Носители этой идеи, въ особенности если они оплодотворяютъ ее идеей коммунизма, являются въ глазахъ аристократа духа злѣйшими врагами не только культа геніевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всей культуры. Какъ же ему удержаться тутъ на высотѣ безпристрастія.

И дѣйствительно, засыпая своихъ противниковъ цѣлыми тучами ядовитыхъ сарказмовъ и полемическихъ стрѣлъ, аристократы духа обнаруживаютъ обычно гораздо больше остроумія, чѣмъ желанія понять этихъ злокозненныхъ „тарантуловъ-уравнителей".

Послушайте, напримѣръ, Генриха Гейне, занятаго „возстановленіемъ чести покойнаго царя Прокруста". Какъ язвительно доказываетъ онъ, „что объ этомъ Прокрустѣ имѣли до сихъ поръ такое фальшивое представленіе потому, что онъ шелъ впереди своего времени и, живя въ героически аристократическомъ періодѣ, старался осуществить плебейскіе идеи нашихъ дней". „Никто не понималъ, для чего онъ укорачивалъ большихъ людей и вытягивалъ маленькихъ до тѣхъ поръ, пока они не приходились по мѣркѣ его желѣзной кровати равенства".. *)

Никто не понималъ „Понялъ"—это лишь Гейне. И не удивительно, что при *такомъ* пониманіи демократія будущаго рисуется ему отнюдь не въ розовыхъ краскахъ. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько выдержекъ для образчика.

„Демократія—по словамъ Гейне—ненавидитъ поэзію".

---

*) *Г. Гейне.* Сочиненія, т. VIII изд. 1881 г. с. 123.

„Демократія бѣсится на всѣхъ, воспѣвающихъ любовь... Къ чему воспѣвать розу, аристократъ! Воспѣвай демократическій картофель, прокармливающій народъ!“ „Господство демократіи влечетъ за собой конецъ литературы, вводя свободу и равенство въ слогѣ. Всякому дозволяется писать по своему усмотрѣнію,—язвитъ Гейне,—но при этомъ такъ скверно, какъ ему угодно. И однако никто другой не имѣетъ права стать выше его въ стилистическомъ отношеніи, писать лучше его“. „Стань коммунисты во главѣ правленія“. замѣчаетъ Гейне, по другому поводу, они „въ бѣшеномъ стремленіи къ равенству“ ниспровергли бы, конечно, и Вандомскую колонну—„этотъ памятникъ и символъ жажды славы“. „По ихъ понятіямъ ни одинъ человѣкъ и ни одно человѣческое произведеніе не должно выходить изъ общаго уровня, и строительному искусству, точно такъ же какъ эпической поэзіи, грозитъ погибель“. *)

Какъ видимъ, торжество демократіи совсѣмъ не улыбается эстету Гейне. Мудрено ли поэтому, что его страшитъ все, способное ускорить это торжество, и прежде всего всѣ „такъ называемыя радикальныя средства“, то есть революція. Эти средства, замѣчаетъ нашъ неистовый поклонникъ красоты, „уничтожатъ развѣ только общественную коросту, но не внутреннюю гнилость“. Все улучшеніе пойдетъ при этомъ въ ущербъ „послѣднимъ слѣдамъ красоты“. „Вылѣчившійся филистеръ встанетъ съ постели въ отвратительномъ госпитальномъ платьѣ, пепельно сѣромъ костюмѣ равенства и станетъ жить со дня на день...“ „Несвоевременная побѣда пролетаріевъ—повторяетъ Гейне въ другомъ мѣстѣ—не можетъ быть продолжительна и должна составить несчастіе человѣчества, потому что эти люди въ своемъ безумномъ упоеніи равенствомъ разрушаютъ все прекрасное и возвышенное, и воздвигаютъ особенно бѣшенное гоненіе на науку и искусство“. **)

*) Тамъ же, т. XV изд. 1882 г. с. 279 и т. VIII, с. 207.

**) Тамъ же, т. VI, изд. 1881 г. с. 308-9; т. VIII с 154.

„..Съ ужасомъ и трепетомъ думаю я—признается Гейне еще въ одномъ мѣстѣ—о времени, когда эти разрушители достигнутъ господства. Своими грубыми руками они безпощадно разобьютъ всѣ мраморные статуи красоты, столь дорогіе моему сердцу; они вырубятъ мои олеандровыя рощи и станутъ сажать въ нихъ картофель; лиліи, которыя не занимались никакой работой и однако же были одѣты такъ великолѣпно, какъ царь Соломонъ, во всемъ блескѣ своей роскоши, будутъ вырваны изъ почвы,—развѣ только онѣ захотятъ взять въ руки рабочій инструментъ; розъ праздныхъ невѣстъ соловьевъ, постигнетъ такая же участь; соловьи, эти безполезные пѣвцы, будутъ прогнаны,—и ахъ! изъ моей „Книги Пѣсенъ“ торговецъ будетъ дѣлать пакеты и всыпать въ нихъ кофе и нюхательный табакъ для старыхъ бабъ будущаго“. *)

Въ этомъ пышномъ букетѣ ѣдкихъ сарказмовъ и лирическихъ вздоховъ мы отмѣтимъ пока лишь одно въ нѣкоторомъ родѣ „пророческое мѣсто“ о Вандомской колоннѣ. Написано оно было въ 1841 году, а тридцать лѣтъ спустя Вандомская колонна дѣйствительно рухнула подъ звуки Марсельезы по манію коммунаровъ. Но большой проницательности для того, чтобы предвидѣть это вовсе не требовалось. Идея свергнутъ бонапартовскую колонну зрѣла въ свободолюбивыхъ головахъ чуть ли не съ самаго момента ея постройки. Въ иныхъ упрямыхъ башкахъ, по свидѣтельству Лиссагаре, она лѣтъ сорокъ ждала своего осуществленія. **) И ужъ, конечно, не составляла секрета. Самъ Гейне непосредственно вслѣдъ за своимъ „пророчествомъ“ приводитъ, напримѣръ, такія слова нѣкаго „республиканца“ по поводу проекта мавзолея Наполеону:

„Къ чему еще строить памятники честолюбивымъ убійцамъ народа? На это будутъ истрачены деньги нуждаю-

*) Тамъ же, т. VIII, с. 11, Предисловіе.

**) См. у *Лиссагаре*. Ист. Парижск. Коммуны. Спб. 1906 г. с. 297.

щагося народа, а мы вѣдь, все таки, разобьемъ его, когда придетъ время".

Итакъ дѣло ясно. То, въ чемъ аристократъ Гейне видѣлъ только символъ славы, имѣло и свою изнанку. Слава великаго честолюбца зиждилась вѣдь на порабощеніи народа. И съ демократической изнанки вандомскій пьедесталъ былъ, стало быть, *символомъ рабства*, а не славы. Вотъ почему этотъ символъ разбился въ день освобожденія и снова выросъ во дни реакціи.

Какую же мораль можно извлечь изъ этого историческаго инцидента? Подтверждаетъ ли онъ гейневскія прорицанія о той „красной опасности", какая будто бы угрожаетъ поэзіи и искусству со стороны „коммунистовъ"?Конечно,нѣтъ. Коммунары разбили вѣдь не памятникъ искусства, а символъ рабства Этотъ актъ выражалъ, стало быть, не эстетическія, а политическія чувства народа. И все же это единственный актъ, въ которомъ можно бы еще хоть съ натяжкой усмотрѣть *фактическое* подтвержденіе гейневскихъ прорицаній. Все остальное въ нихъ—совершенно произвольный, а потому и нестоющій серіезнаго разбора. субъективный вздоръ.

Трудно отрицать его значеніе въ одномъ лишь смыслѣ. Онъ служитъ прекраснымъ показателемъ того инстинктивнаго ужаса и тѣхъ „попятныхъ" настроеній, какіе зарождаетъ въ аристократическихъ душахъ ничѣмъ не прикрашенный призракъ послѣдовательной, соціалистической демократіи. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ недовѣріемъ къ будущему, смѣшаннымъ съ тихою грустію по отживающему и отжившему прошлому, звучатъ хотя бы слѣдующія уже цитированныя строки у Ницше:

„Да,—замѣчаетъ онъ въ тонѣ тоскливой ироніи—когда жизнь будетъ вполнѣ упорядочена, она не будетъ доставлять никакихъ мотивовъ для поэзіи, и только отсталые люди станутъ еще жаждать поэтическихъ вымысловъ. Они съ тоской станутъ тогда оглядываться назадъ, на время

несовершеннаго строя и полуварварскаго общества, на... наше время". *)

Или вотъ еще образчикъ:

„Увы! — восклицаетъ ницшевскій Заратустра — наступаетъ время когда человѣкъ не станетъ уже родить ни одной звѣзды. Увы! наступаетъ время презрѣннѣйшаго человѣка, который не можетъ больше презирать самого себя.

Смотрите! я показываю вамъ *послѣдняго человѣка.*

Что такое любовь? Что такое творчество? Что такое тоска? Что такое звѣзда?—такъ спрашиваетъ послѣдній человѣкъ и моргаетъ.

...Нѣтъ больше бѣдныхъ и богатыхъ: и то, и другое слишкомъ обременительно.

Кто хочетъ управлять? Кто еще повинуется? И то и другое слишкомъ затруднительно.

Ни одного пастыря и одно стадо! Каждый стремится къ равенству, всѣ равны: кто чувствуетъ не такъ, тотъ добровольно идетъ въ сумашедшій домъ.

...Мы нашли счастье,—говорятъ послѣдніе люди и моргаютъ". **)

IV.

Какъ видимъ, Ницше не щадитъ ни ѣдкихъ словъ, ни образовъ для выраженія своихъ чувствъ къ „тарантуламъ уравнителямъ". Иной разъ онъ не удерживается, несмотря на свой изысканный вкусъ, даже отъ довольно вульгарной брани по ихъ адресу. Уже великая революція представляется ему „ужасной и, если посмотрѣть вблизи, совершенно излишней шуткой". Соціалистическое же общество для Ницше—это просто на просто „автономное стадо", а сами соціалисты и вовсе не больше, какъ „болваны". Столь

*) *Ф. Ницше.* Человѣческое, слишкомъ человѣческое. Изд. Клюкина. М. 1901 г. отр. 234.

**) *Его же.* Такъ говорилъ Заратустра. Изд. Клюкина, с. 12-13.

сильныя выраженія свидѣтельствуютъ несомнѣнно о не менѣе сильномъ раздраженіи. Но вызываютъ его въ Ницше не столько сами нивеллировщики, сколько ихъ идеалъ. Сами нивеллировщики въ глазахъ Ницше хоть и „неотесанные", но все же „славные парни", а вотъ ихъ идеалъ это уже съ его точки зрѣнія нѣчто совершенно неудобоваримое. *)

„Соціалисты, говоритъ Ницше, стремятся создать для возможно большаго числа людей привольное житье. Еслибъ въ дѣйствительности возможно было достигнуть этой обѣтованной земли, создать совершенное государство, то этимъ самымъ была бы уничтожена возможность развитія великаго интеллекта, сильнаго индивида въ смыслѣ твердости и энергіи. Еслибъ человѣчество достигло этой обѣтованной земли, оно было бы слишкомъ слабо для созданія генія. Итакъ не слѣдуетъ ли желать, чтобы жизнь сохраняла свой насильственный характеръ, и чтобы вновь и вновь пробуждались дикія силы и энергія. Теперь горячее сострадательное сердце хочетъ устранить этотъ насильственный и дикій характеръ, общества, и самое горячее сердце, какое только можно себѣ представить съ наибольшей страстностью и добивается именно такого устраненія, забывая между тѣмъ, что оно свою теплоту, свой огонь, свою жизнь почерпнуло изъ этого дикаго и насильственнаго строя жизни. Такимъ образомъ выходитъ, что самое горячее сердце хочетъ упразднить свою основу, упразднить себя... Мудрецъ долженъ противиться такимъ неумѣреннымъ желаніямъ неразумно добрыхъ людей; для него важно продолженіе его типа и главная основа высшаго интеллекта; по крайней мѣрѣ онъ не будетъ способствовать утвержденію „совершеннаго государства", потому что въ такомъ государствѣ имѣютъ мѣсто только вялые индивиды" **)

---

*) *Его же.* По ту сторону... отр. 38, 69. 202, 203.

**) *Его же.* Человѣческое... отр. 235.

И вотъ, выступая подъ знаменемъ „мудрой“ реакціи горячимъ сердцамъ нивеллировщиковъ, Ницше высказывается за абсолютизмъ.

„Способность воли“, или, говоря точнѣе, сильные характеры, по мысли Ницше, всего сильнѣе развиваются въ Россіи, этомъ громадномъ полуазіатскомъ царствѣ деспотизма.“ Тамъ сила хотѣть давно скоплена и нагромождена, тамъ воля ждетъ въ неизвѣстности будетъ ли она отрицать или утверждать...“ Лишь введеніе „парламентскаго слабоумія“, иронизируетъ Ницше, могло бы ослабить Россію настолько, что она перестала бы быть опасной Европѣ. Но не этого жаждетъ аристократическая душа Ницше. Напротивъ. Онъ мечтаетъ „о такомъ увеличеніи грозности Россіи, благодаря которому Европа должна бы рѣшиться стать столь же грозной, именно, пріобрѣсти *одну волю* посредствомъ *единой* властвующей надъ Европой касты, пріобрѣсти волю твердую, наводящую страхъ собственную волю, которая могла бы поставлять себѣ цѣли за цѣлое тысячелѣтіе...“

„Однимъ словомъ—заключаетъ Ницше—я желаю, чтобы во всей Европѣ царило единодушное, какъ въ Россіи, Самодержавіе!“ *)

И въ этомъ есть своя аристократическая логика. Вѣдь высшей цѣнностью жизни для аристократа духа является великая личность, геній. Но какъ онъ создается въ жизни? „Природа—картинно отвѣчаетъ Ницше—засаживаетъ генія въ тюрьму и въ высшей степени разжигаетъ въ немъ страсть къ свободѣ“. Великая страсть ~~выказываетъ~~, конечно, и великое упорство въ преслѣдованіи цѣлей, создаетъ характеръ. Тюрьма придаетъ ему должный ~~запасъ~~ закалъ. А рѣшеніе во что бы то ни стало вырваться изъ тюрьмы направляетъ его на все новые, никѣмъ еще не проторенные пути. „Такъ—по замѣчанію Ницше—возникаютъ геніи, самобытность которыхъ прославляется“. **)

*) По ту сторону... отр. 208.

**) Человѣческое... отр. 231.

А если это такъ, если мощныя индивидуальности и впрямь создаются тюрьмой то почему бы не обратить въ такую тюрьму для воспитанія геніевъ хоть всю Европу? Если абсолютизмъ дѣйствительно выковываетъ типы той тонкой красоты и героической мощи, примѣрами которой переполнена исторія дореволюціонной Россіи, то да здравствуетъ абсолютизмъ!..

Такова аристократическая логика. До оборотной стороны медали ей нѣтъ никакого дѣла. Пусть отъ мощныхъ рыцарей правды и самоотверженныхъ героевъ духа въ атмосферѣ абсолютизма остается лишь перегной, на которомъ пышно цвѣтутъ Гартинги и Азефы, господъ аристократовъ духа это не касается.

Но забудемъ и мы объ этой изнанкѣ. Попробуемъ взглянуть на дѣло только съ казовой стороны и спросимъ: Вѣрна ли основная посылка ницшевскаго силлогизма? Тюрьмы ли воспитываютъ мощныя индивидуальности?

„Я знаю, что клѣтки звѣринцевъ *укрощаютъ* звѣрей,— приходится отвѣтить на это словами самого же Ницше,— но чтобы клѣтки ихъ „улучшали"—вотъ мысль, которая вызываетъ у меня хохотъ!" *) О, конечно, сильная воля выковывается лишь *въ борьбѣ*. Это для насъ безспорно. Но развѣ можно назвать борьбой схватку связаннаго по рукамъ и ногамъ узника со своимъ палачемъ! А между тѣмъ только такія схватки и мыслимы были донынѣ въ той огромной тюрьмѣ, „добраго" стараго времени, которую идеализировалъ Ницше.

Нѣтъ, эта тюрьма не укрѣпляетъ, а разслабляетъ волю. Нѣтъ, она не развиваетъ а убиваетъ личность. И, если мы все же смогли бы указать и у насъ десятокъ-другой богатырей воли, то кто осмѣлится утверждать, что эти богатыри выросли у насъ *благодаря* удушливой атмосферѣ тюрьмы, а не вопреки ей. Глубокій знатокъ русской на-

*) У *Невѣдомскаго*, с. LXXXIII.

родной души Глѣбъ Успенскій сказалъ какъ то: Мысль, не пользующаяся правомъ жизни, должна неизбѣжно сгнить въ умѣ, обладающемъ ею, должна пройти всѣ фазисы разложенія..." *) То же самое можно повторить о „волѣ" и „личности". Если имъ не дано пользоваться правами жизни, они неизбѣжно гніютъ, проходя всѣ фазисы разложенія.

И въ самомъ дѣлѣ. Возьмете ли вы забитаго и захудалаго мужичка Платона Каратаева, или истаго барина Обломова, или отзывчиваго къ вѣяніямъ разночинца Тяпушкина—во всѣхъ этихъ истинно національныхъ типахъ старой Россіи вы отыщете при желаніи всѣ достоинства... Кромѣ одного. Личной энергіи, того что называютъ характеромъ—вы въ нихъ не найдете. Безличность, безхарактерность—вотъ что всегда было у насъ едва ли не самой яркой національной чертой. Да и гдѣ, впрочемъ, было нашимъ Тяпушкинымъ упряжнять въ себѣ волю, развивать личность?

„Когда тутъ было думать — скажемъ мы словами Г. И. Успенскаго—о своихъ какихъ то правахъ, о достоинствѣ, о человѣчности отношеній, о чести, когда что ни „улучшеніе жизни", то только слышно хрустѣніе костей человѣческихъ, словно кофей въ кофейницѣ размалываютъ?" Какія ужъ тамъ личныя права и достоинство? Тутъ ужъ знай лишь „пихай трубку въ карманъ да полѣзай въ кофейницу, если не удалось бѣжать во лѣса—лѣса дремучіе". **)

Какъ видитъ, читатель, слагать гимны этой „кофейницѣ", въ которой вмѣстѣ съ костями размалывались и личность, честь и достоинство человѣческія,—даже аристократъ Ницше могъ лишь по какому то прискорбному недоразумѣнію. Характерно, однако, что въ это недоразумѣніе впадалъ не одинъ изъ аристократовъ духа. Такъ, напримѣръ, Ибсенъ,—тотъ самый Ибсенъ, въ глазахъ ко-

*) *Г. Успенскій* Сочиненія, т. IV, Спб. 1884, с. 177.

**) Тамъ же, т. VI, оч. „Волей Неволей" с. 394.

тораго „государство—проклятіе личности“,—въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Брандесу написалъ слѣдующія строки:

„Лучше всего процвѣтаетъ свобода духа и мысли *при абсолютизмѣ*, это доказано (?) примѣромъ Франціи, а позже Германіи и теперь Россіи“ *).

Впрочемъ слагать безкорыстные гимны во славу русскаго абсолютизма это по крайней мѣрѣ оригинально. Но перепѣвать ихъ съ чужого голоса, какъ это, напримѣръ, дѣлалъ въ свое время г. Мережковскій,—задача не столь ужъ почтенная. И все же... и за нее берутся при случаѣ. Какъ видно, надъ нашими доморощенными аристократами духа тяготѣетъ нѣкій фатумъ. Слишкомъ запоздавъ своимъ рожденіемъ, чтобы быть самобытными въ избранномъ ими родѣ, эти эпигоны при всемъ своемъ отвращеніи къ „избитымъ шаблонамъ“, увы, даже въ экстравагантностяхъ своихъ лишь рабски копируютъ „классическіе образчики“. Послушайте, напримѣръ, съ какимъ усердіемъ, хотя и безъ соотвѣтствующаго таланта перепѣваютъ они антидемократическіе выпады Генриха Гейне и Фридриха Ницше.

„...Послѣдніе результаты западной цивилизаціи — пишетъ, Владиміръ Соловьевъ о соціализмѣ etc.—по своей узости и мелкости могутъ удовлетворять только такіе же узкія и мелкія сердца“. Проводникомъ его, притязаній, т. е. притязаній соціализма, является, „только умственный и нравственный vulgus“ **).

„Въ соціалистическомъ обществѣ—вторитъ ему, скучно пережевывая всѣ тѣ же темы, г. Бердяевъ—не мыслится существованіе пророковъ и мудрецовъ, великихъ учителей жизни, творцовъ и геніевъ, царей въ царствѣ духа“. „Призваніе мыслителя и поэта, мудреца и художника - горько жалуется онъ—не будетъ лелеяться, творчество не будетъ цѣниться особо, и великія книги и картины не

*) *Г. Ибсенъ*. Полное собраніе сочиненій, изд. Скирмунта, т. VIII, с. 256.

**) *В. С. Соловьевъ*. Собраніе сочиненій, т. I. Спб. 1901 г. с. 256.

сдѣлаются предметомъ народной гордости и поклоненія". Далѣе г. Бердяевъ смѣло утверждаетъ, что „соціалдемократическій духъ не имѣетъ вкуса къ свободѣ совѣсти и вообще къ свободѣ", и приписываетъ своимъ противникамъ такое утвержденіе: „пусть лучше не будетъ ни единой личности, ни глубокихъ водъ, ни высокихъ горъ, лишь бы была механическая однородность". И, наконецъ, на основаніи всѣхъ этихъ и тому подобныхъ мы бы сказали „достовѣрныхъ лжесвидѣтельствъ" г. Бердяевъ побѣдоносно заключаетъ: „Соціалдемократическая религія (?) не уничтожаетъ царства мѣщанства, а *всѣхъ* дѣлаетъ *мѣщанами*" [1]).

Но стоитъ ли еще умножать здѣсь цитаты этого рода? Стоитъ ли повторять обвиненія, въ которыхъ такъ мало пониманія демократіи и такъ много трепета передъ нею. И какого! Жалкаго трепета за свое праздное существованіе. Трепета передъ тѣмъ рабочимъ инструментомъ, который эти ужасные демократы готовы, молъ, навязать даже столь прекраснымъ и въ своей праздности аристократическимъ лиліямъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Вы помните, конечно, читатель, прелестную сказочку-утопію Л. Н. Толстого про „царство дураковъ". Въ этомъ сермяжномъ царствѣ Толстой идеализируетъ первобытный строй натурально-хозяйственной эпохи. Машины и прочія завоеванія человѣческой культуры тамъ невѣдомы. Но отсутствуютъ, молъ, и соотвѣтствующія потребности. Работаютъ въ этомъ царствѣ по просту, по мужицки,—„руками

[1]) *Н. Бердяевъ.* Новое религіозное сознаніе. Спб. 1907 г. сс. 73 88, 97, 98, 99, курс. автора.

да горбомъ". Но зато ужъ всѣ работаютъ, такъ что „безъ мозолей на рукахъ" тамъ и за столъ не пускаютъ.

Конечно, „старый дьяволъ" культуры не прочь бы укорениться и въ этомъ „дурацкомъ" Эльдорадо. Но тщетно. Всѣ его искушенія и соблазны отскакиваютъ отъ „дураковъ", какъ горохъ отъ стѣнки. Золото? Но оно у „дураковъ" служитъ лишь ребятамъ на потѣху. Блага духовной культуры? Но они имъ чужды и непонятны. Напрасно бѣдный культурный чортъ, принявъ на себя обликъ „господина чистаго", взбирается на каланчу и „лопочетъ" оттуда дуракамъ о преимуществахъ головной работы. Его не понимаютъ. Лопочетъ нашъ чортъ день и два, выбивается изъ силъ отъ голода и утомленія,—безмозольная работа не кормитъ вѣдь въ дурацкомъ Эльдорадо,—а толку все нѣтъ какъ нѣтъ. Наконецъ онъ начинаетъ ужъ пошатываться отъ истощенія и головой объ столбы постукивать. Ага! догадываются тутъ дураки: вотъ онъ когда зачинаетъ головой работать. И вотъ бѣдный дьяволъ, „споткнувшись" обо что то,—объ эту дурацкую догадливость, очевидно,—летитъ внизъ со своей каланчи, торчмя головою.

Такимъ то царствомъ дураковъ представляютъ себѣ, какъ видно, разные господа чистые и соціалдемократическій идеалъ. Какъ далеко это представленіе отъ дѣйствительности, мы еще увидимъ. Но фактъ остается фактомъ. Бѣднымъ изголодавшимся чортомъ-бѣлоручкой со слабой трясущейся головой—надъ бездной, долженъ представлять себя каждый аристократъ духа передъ лицомъ грядущей демократіи.

„Итакъ, все кончено, вся жизнь, вся возможность жить!"—выражаетъ, напримѣръ, это настроеніе одна изъ героинь г. Валерія Брюсова въ день побѣды послѣдней, міровой революціи. „Поколѣньями, десятками поколѣній взращена моя душа. Я могу дышать только въ роскоши... Мнѣ нужно быть надъ другими, я задыхаюсь, когда слишкомъ многіе рядомъ. Вся моя жизнь въ тѣхъ изнѣженныхъ, въ тѣхъ утончен-

ныхъ переживаніяхъ, которые возможны только на высотѣ! Мы—тепличные цвѣты человѣчества, которымъ погибнуть подъ вѣтромъ и пылью. Я не хочу, я не хочу вашей свободы, вашего равенства! Я буду лучше вашей коварной рабой, чѣмъ товарищемъ въ вашемъ братствѣ!" *)

Та же жуткая перспектива живо рисуется, повидимому, и г. Бердяеву, какъ только онъ заговоритъ о соціалдемократахъ. И дѣйствительно, кто, какъ не они, „съ педантизмомъ и изувѣрствомъ—по негодующему выраженію г. Бердяева—наваливаютъ на человѣка *высшаго призванія* безкачественную механику *матеріальнаго труда, не хотятъ пріютить мудреца и пророка*". **) Кто, какъ не они, грозятся завести у себя „дурацкій" обычай: „у кого мозоли на рукахъ, полѣзай за столъ, а у кого нѣтъ, тому объѣдки". Какъ! „мудрецу и пророку" угрожать объѣдками? Это ли не педантизмъ и изувѣрство?.. Какъ же тутъ не ополчиться противъ ихъ идеала и не наговорить о немъ съ перепугу разнаго „мѣщанскаго" вздора? И аристократы духа ополчаются.

Но какъ же имъ рисуется свой собственный соціальный идеалъ? Вотъ вопросъ.

Соціальный идеалъ это идеалъ *общежитія*. а духовные аристократы прежде всего индивидуалисты—антиобщественники. И потому въ ихъ по большей части заоблачныхъ идеалахъ весьма мало соціальныхъ элементовъ. Но все же они есть, конечно. Попробуемъ же собрать эти разбросанные элементы воедино и возстановить по нимъ цѣльную картину.

Основной тезисъ этой картины, повторяющійся въ той или другой формѣ у всѣхъ аристократовъ духа, можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ г. Бердяева:

---

*) *В. Брюсовъ*. См. „Земная ось.". М. 1907 г. Послѣдніе мученики, с. 70.

**) *Н. Бердяевъ*. Новое рел. сознаніе, с. 110.

„Для пользы безкачественной человѣческой массы безбожно было бы истребить великіе памятники, книги и картины, принести въ жертву мыслителей, художниковъ и пророковъ". „Но жертвы огромнымъ трудомъ и усиліями массъ для созданія великаго храма, великихъ статуй и картинъ, великихъ книгъ могутъ быть оправданы". *)

Переходя отъ этого слишкомъ абстрактнаго, а потому и мало вразумительнаго тезиса, къ болѣе конкретнымъ штрихамъ и абрисамъ, мы сможемъ уже у Гейне отмѣтить такой довольно характерный афоризмъ.

„Человѣчество не можетъ обойтись безъ того, чтобы имъ не управляли и не воодушевляли его". **)

Конечно, и это утвержденіе въ достаточной еще мѣрѣ абстрактно, но кое на что оно уже указываетъ. Болѣе вразумительный намекъ находимъ мы въ вышеуказанной статьѣ-лекціи Георга Брандеса.

„Толпа,—замѣчаетъ онъ среди томныхъ вздоховъ по вѣку Людовика XIV,—будучи опасна великому человѣку, вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть ему полезна, какъ извѣстная сила, *какъ орудіе его намѣреній*, клонящихся (?) къ ея же собственному благу".

Смѣлый и прямолинейный Ницше развиваетъ этотъ робкій намекъ въ слѣдующій жестокій, но за то ужъ вполнѣ вразумительный, силлогизмъ.

Смыслъ человѣческаго бытія, по Ницше, это „сверхчеловѣкъ—молнія изъ темной тучи человѣка" или, говоря проще, идеализированный аристократъ духа. Но гдѣ всего пышнѣе расцвѣтаютъ такіе аристократы, какъ не въ атмосферѣ праздности, когда вся черная работа совершается за нихъ другими, а имъ остается лишь культивировать свои „высшія способности" и повышать „культуру". А если это такъ, то выводъ напрашивается самъ собой.

---

*) Тамъ же, сс. 98-99 и 111-112.

**) *Г. Гейне.* Сочиненія, т. VIII, с. 44.

„Высшая ступень культуры—формулируетъ его Ницше—можетъ быть достигнута только обществомъ, раздѣленнымъ на двѣ рѣзко разграниченныхъ касты: на касту рабочихъ и касту праздныхъ, одаренныхъ способностью къ истинной праздности; или, выражаясь сильнѣе, на касту труда принудительнаго и—труда свободнаго“... „Рабство—по Ницше—составляетъ одно изъ существенно необходимыхъ условій культуры“. *) И этого для него вполнѣ достаточно, чтобы оправдать во имя культуры и кастовый строй и рабство.

Но, что выгодно отличаетъ Ницше отъ всѣхъ его усердныхъ повторяльщиковъ, это его полное пренебреженіе ко всякимъ фиговымъ листкамъ лицемѣрія. Оправдывать рабство толпы соображеніями о „ея же собственной пользѣ“ ему и въ голову не приходитъ. Напротивъ. „Самымъ существеннымъ въ хорошей и здоровой аристократіи—Ницше какъ разъ считаетъ—то чтобы она... съ чистой совѣстью принимала жертву безсчетнаго числа людей, которые *ради нея* должны быть несовершенными людьми и снизойти до степени рабовъ и орудій“. **) Это суровый даже жестокій, но не лживый языкъ.

„Геній культуры“ рисуется Ницше „существомъ до того пользующимся ложью, насиліемъ и беззастѣнчивымъ преслѣдованіемъ своей личной пользы, что его можно бы назвать демонски злымъ“... „Торжествующую культуру“ Ницше уподобляетъ поэтому „побѣдителю во время тріумфальнаго шествія, который весь въ крови своихъ жертвъ, тащитъ въ рабство за своей колесницей толпу привязанныхъ къ ней побѣжденныхъ“. Но основнымъ его „вѣрованіемъ“ остается все же взглядъ, что „общество существуетъ не ради общества, а служитъ только фундаментомъ и подмостками, по которымъ избранная порода существъ можетъ взбираться и достигать своихъ высшихъ задачъ и вообще высшаго

*) *Ницше.* Человѣческое... отр. 439; *Дитценбергже*, с. 64.

**) По ту сторону... отр. 258, курс. Ницше.

бытія". И прямой Ницше безъ всякихъ увертокъ и умолчаній заявляетъ:

„Горести влачащихъ тяжелое существованіе тружениковъ должны еще возрасти, чтобы дать возможность небольшому числу людей-олимпійцевъ создать прекрасный міръ искусства". *)

Конечно, говоря о своей кастѣ праздныхъ, Ницше имѣлъ въ виду не нынѣшнюю финансовую или родовую аристократію. Его Заратустра проповѣдуетъ *„новую аристократію* которая будетъ противникомъ всякой черни и всякаго деспотизма"... **) Послѣднее, впрочемъ, надо понимать, повидимому, лишь въ томъ смыслѣ, что эта аристократія не признаетъ *надъ собой* никакой власти, но вовсе не въ томъ, что она и сама откажется отъ господства надъ „чернью". Это видно уже изъ того, что въ высшую касту у Ницше зачисляются: правители, блюстители закона, защитники порядка, воины, тогда какъ роль низшей касты, роль всѣхъ тѣхъ „кого слишкомъ много"—die Vielzuvielen— Заратустра опредѣляетъ такой недвусмысленной фразой:

„Для васъ—вѣра и подчиненіе!" ***)

И нужно добавить, что этихъ несчастныхъ, „кого слишкомъ много". въ идеальномъ строѣ Ницше ждетъ не только подчиненіе, но и эксплоатація. Таковъ ужъ, видите ли, законъ судьбы. „Пока существуетъ общество, будутъ существовать и сильные, привиллегированные, и великолѣпіе ихъ будетъ питаться несчастіемъ массы, ради нихъ угнетаемой и эксплоатируемой". ****) Однимъ словомъ, все будетъ tout comme chez nous.

Ницше проектируетъ кастовый строй. Но касты у него не замкнутыя. „Болѣе тупыя и малоспособныя семьи и лич-

---

*) См. Человѣческое... отр. 241; По ту сторону... отр. 258; *Либтенберже*, сс. 64-65.

**) *Ницше*. Такъ говорилъ Заратустра, с. 221, курс. автора.

***) *Либтенберже*, с. 186.

****) Тамъ же, с. 66.

ности изъ высшей касты низводятся въ низшую, и болѣе свободныя личности изъ этой послѣдней получаютъ доступъ въ высшую касту...“ Какъ это осуществляется, путемъ ли особыхъ конкурсныхъ экзаменовъ на чинъ мандарина духа, или какимъ инымъ, неизвѣстно. Но зато со словъ автора достовѣрно извѣстно, что „*этимъ* достигается такое состояніе, за которымъ простирается ужъ только безпредѣльное море неопредѣленныхъ желаній“ *)

Такова жалкая, безкрылая утопія Ницше.

И хоть бы возможно было признать за ней ароматъ свѣжести, оригинальности. Но и этого нѣтъ. „Новая аристократія“ Заратустры представляетъ собою особу столь дряхлаго возраста, что невольно родится вопросъ. Да стоило ли переоцѣнивать всѣ цѣнности лишь для того, чтобы возвести на тронъ такія увядшія, двухтысячелѣтнія „прелести!“... Вѣдь отдаленный прообразъ ницшевской олигархіи мудрыхъ мы находимъ еще въ „Республикѣ“ Платона—этого античнаго предтечи нашихъ современныхъ мандариновъ духа изъ „Проблемъ идеализма“.

II

Напомнимъ, однако, читателю этотъ классическій прообразъ всѣхъ поздѣйшихъ аристократическихъ утопій.

Исходя изъ строго идеалистической метафизики Платонъ училъ, что душа человѣка состоитъ изъ двухъ частей, безсмертной—божественнаго разума и смертной, которая въ свою очередь распадается на двѣ части: отвагу и чувственное вожделѣніе. Послѣднія двѣ части по образному представленію Платона, какъ два коня, благородный и не благородный, везутъ колесницу—тѣло; безсмертный же разумъ управляетъ ими за кучера. Разсматривая государство, какъ живой организмъ, Платонъ строилъ его по

*) *Ницше.* Человѣческое.... отр. 439.

образцу человѣка, и потому идеальный государственный строй рисовался ему въ такомъ видѣ. Промышленное сословіе,—крестьяне и ремесленники,—работаетъ и добываетъ на всѣхъ пропитаніе. Сословіе воиновъ проявляетъ свою отвагу въ защитѣ государства. А сословіе философовъ управляетъ обоими низшими сословіями и ведетъ государство къ осуществленію его идеальной цѣли—добродѣтели и блаженства гражданъ.

Обосновывалось все это приблизительно такъ. Истинная добродѣтель—разсуждалъ Платонъ—основывается на философіи. „Поэтому главное условіе всякаго здороваго государства составляетъ, де,—господство философіи или, что то же (?), философовъ“ Это господство предполагается, конечно, безусловнымъ, ибо какой авторитетъ можетъ стать выше царственной философіи!.. И его можно довѣрить лишь немногимъ, ибо „философія не есть дѣло массы“. „Только меньшинство способно къ развитію, которое требуется для высшихъ политическихъ функцій“.

Доступъ изъ низшей касты въ высшую у Платона допускается. Но соціальная организація каждой изъ нихъ совсѣмъ особая. Высшая каста праздныхъ въ соотвѣтствіи со своимъ назначеніемъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ особаго духовнаго ордена. Правда, рыцари этого правящаго ордена не даютъ обѣтовъ цѣломудрія и нищенства, но все же, чтобы подрѣзать корни „вѣчному врагу государства—частному интересу“, семья и частная собственность въ ихъ средѣ упраздняется. На касту трудящихся Платонъ такого коммунизма не распространялъ. И это понятно. Они вѣдь должны были много работать А въ эпоху господства индивидуальныхъ орудій труда и формъ производства—лучшаго *погонщика къ труду*, какъ частный интересъ индивидуальнаго же присвоенія, трудно было себѣ и представить.

Конечно, эти „частные собственники“ по плану Платона тщательно выдаиваются по мѣрѣ надобности правя-

щимъ орденомъ „мудрыхъ“ коммунистовъ. Но выдаиваются сни исключительно во имя добродѣтели и блаженства гражданъ. Во имя той же цѣли этотъ орденъ наблюдаетъ, чтобы граждане рождались только отъ самыхъ способныхъ родителей. Не ради чего другого учреждаетъ онъ и строжайшій надзоръ за искусствомъ, въ особенности за музыкой и поэзіей. Бѣдный Гомеръ! Надзоръ этотъ долженъ предохранять искусство отъ антиэтическихъ элементовъ: нѣкоторые миѳы о богахъ и геройхъ,--и устранять его „изнѣживающее вліяніе“. Короче, не только вся общественная, но даже личная, интимная жизнь гражданъ вплоть до случки ихъ по всѣмъ правиламъ „царственной“ науки и грубой сортировки ихъ пищи духовной—подлежитъ въ Республикѣ Платона строжайшей регламентаціи правящей олигархіи мудрыхъ.

Къ нѣкоторымъ изъ изложенныхъ пунктовъ новѣйшіе олигархи духа внесли бы, несомнѣнно, кое-какія поправки. Такъ, напримѣръ, борьбу съ изнѣживающимъ вліяніемъ искусства нынѣшніе изнѣженные эпигоны Платона сочли бы, вѣроятно, преступленіемъ Понятно также, что какой-нибудь Гейне, столь ѣдко высмѣивавшій „демократическую“ свободу и равенство въ стилѣ, предпочелъ бы цензурѣ этической—эстетическую цензуру слога. Но это ужъ детали. Въ общемъ же аристократическія утопіи всѣхъ эпигоновъ, какъ это еще не разъ увидитъ читатель, и донынѣ повторяютъ все тотъ же государственный идеалъ Платона.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще одну черточку этого идеала. Послѣ трудовъ праведныхъ по части насажденія добродѣтели гражданъ Платонъ предоставляетъ своей аристократіи духа разрабатывать—pour la bonne bouche—философію. Для *массы* же, и только для нея, взамѣнъ этого оставляется этически-очищенная „народная религія“.

На послѣднемъ пунктѣ стоитъ остановиться.

Аристократы духа—народъ, вообще говоря, слишкомъ умный, чтобы не быть вольнодумцами. Но это отнюдь не

мѣшаетъ имъ оставлять, а не то такъ и вновь изобрѣтать. разныя народныя религіи для профановъ. Для нихъ даже такой богоборецъ, какъ Ницше, сохраняетъ не только подчиненіе, но и *вѣру*. Но не подумайте, читатель, что это дѣлается ими ради какихъ-нибудь низкихъ, своекорыстныхъ побужденій. О, нѣтъ! Вѣдь это не крѣпостники-феодолы вродѣ какого-нибудь папà-Карамазова, который бы и не прочь, пожалуй, упразднить „мистику, чтобы истина скорѣе возсіяла", да побаивается... Побаивается, кабы и его самого не упразднили тогда вмѣстѣ со всей „цивилизаціей". Что слѣдуетъ разумѣть при этомъ подъ словомъ цивилизація, явствуетъ изъ нижеслѣдующаго афоризма того же папà-Карамазова.

„Если бы не выдумали Бога... и коньячку бы не было!"

Крѣпостнику Карамазову легко, конечно, острить по поводу тѣхъ крючьевъ, какими полагается тащить въ адъ, что, если бы ихъ не было, il faudrait les inventer,—ихъ слѣдовало бы выдумать.. коньячку ради. Но къ лицу ли было бы столь грубое остроуміе истинному аристократу духа, который, если даже вѣруетъ немножко, то „по модному вѣруетъ", огня матеріальнаго во адѣ не признавая!.. Нѣтъ, если аристократамъ духа и случается выдумывать адскія крючья для профановъ, то дѣлаютъ они это не коньячку ради, а исключительно ради добродѣтели и блаженства этихъ профановъ. И какъ трогательно, какъ красиво у нихъ это выходитъ! Вспомните хоть легенду Достоевскаго о Великомъ Инквизиторѣ.

Слабыхъ профановъ гнететъ тоска вѣковѣчная: „предъ кѣмъ преклониться?" „Свобода, свободный умъ и наука—увѣряетъ насъ этотъ аристократъ духа—заведутъ ихъ въ такія дебри и поставятъ предъ такими чудами и неразрѣшимыми тайнами, что одни изъ нихъ, непокорные, и свирѣпые истребятъ себя самихъ, другіе, непокорные, но малосильные, истребятъ другъ друга, а третьи, оставшіеся, слабосильные и несчастные, приползутъ къ нашимъ ногамъ и возопіютъ

къ намъ о помощи". „Никакая наука не дастъ имъ хлѣба, пока они будутъ свободными, но кончится тѣмъ, что они принесутъ свою свободу къ нашимъ ногамъ и скажутъ намъ: лучше поработите насъ, но накормите насъ". А мы... продолжаетъ великій іезуитъ въ томъ же лирическомъ тонѣ... „Намъ дороги и слабые". „*Мы ихъ обманемъ*"... „Мы скажемъ, что послушны Тебѣ и господствуемъ во имя Твое". Вѣдь существуетъ только три силы, „единственныя три силы на землѣ, могущія на вѣки побѣдить и плѣнить совѣсть этихъ слабосильныхъ бунтовщиковъ, *для ихъ же счастья*, эти три силы: чудо, тайна и авторитетъ". „Человѣкъ ищетъ не столько Бога, сколько чудесъ!"

„О!.. вдохновляется тутъ Великій Инквизиторъ—мы убѣдимъ ихъ, что они тогда только и станутъ свободными, когда откажутся отъ свободы своей для насъ и намъ покорятся". „Тогда мы дадимъ имъ тихое, смиренное счастье, счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы... Они станутъ робки и станутъ смотрѣть на насъ и прижиматься къ намъ въ страхѣ, какъ птенцы къ насѣдкѣ. Они будутъ дивиться и ужасаться на насъ и гордиться тѣмъ, что мы такъ могучи и такъ умны, что могли усмирить такое буйное тысячемилліонное стадо". „*Мы заставимъ ихъ работать*", но „мы разрѣшимъ имъ и грѣхъ, они слабы". „Наказаніе же за эти грѣхи *такъ и быть* возмемъ на себя!" „*Мы будемъ позволять или запрещать имъ* жить съ ихъ женами и любовницами, *имѣть или не имѣть дѣтей*,—все судя по ихъ послушанію,—и они будутъ намъ покоряться съ веселіемъ и радостью".

„Тихо умрутъ они, тихо угаснутъ во имя Твое, и за гробомъ обрящутъ лишь смерть. Но *мы сохранимъ секретъ*, *и для ихъ же счастія будемъ манить ихъ наградой небесной и вѣчной*". „И всѣ будутъ счастливы, всѣ милліоны существъ, кромѣ сотни тысячъ управляющихъ ими. Будетъ тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ и сто тысячъ

страдальцевъ, взявшихъ на себя проклятіе познаніе добра и зла!"

Вотъ что значитъ понимать толкъ въ красотѣ! Быть страдальцами, несущими на себѣ проклятіе.. И при томъ не коньячку ради, а за грѣхи всего міра... Развѣ это не трогательно? Развѣ это не красиво? А между тѣмъ при красотѣ положенія, оно къ тому же и не слишкомъ обременительно. Вѣдь, взявъ на себя, такъ и быть, грѣхи профановъ и обезпечивъ себѣ за это господство надъ ними въ сей земной жизни, господа „страдальцы" хранятъ про себя въ секретѣ, что никакой иной жизни „вѣчной и небесной", гдѣ бы они рисковали получить возмездіе за эти чужіе грѣхи, нѣтъ и не предвидится.

Худшій для господъ „страдальцевъ" оборотъ дѣло приняло бы, если-бъ ихъ притянули къ отвѣту уже здѣсь, и при томъ не за чужіе, а за ихъ собственные грѣхи противъ правды и логики Тутъ, передъ судомъ профановъ, имъ довольно трудно было бы оправдать свое пристрастіе къ разнаго рода „секретамъ" и „тайнамъ".

Положимъ, эти господа всегда пугаютъ, что, еслибъ для профановъ не оставалось больше никакихъ секретовъ по части загробнаго воздаянія, они сбросили бы съ себя послѣднюю узду и провозгласили бы—„все позволено!" Но для кого это страшно? Для тѣхъ кто хочетъ держать профановъ въ уздѣ? Для охранителей коньячковой цивилизаціи? Для великихъ и малыхъ инквизиторовъ духа?... О, да! это весьма вѣроятно. Но для самихъ профановъ—нисколько. Противъ *себя* своей свободой они не злоупотребятъ, конечно. Мы знаемъ, что инквизиторы духа не слишкомъ лестнаго мнѣнія о профанахъ. Для нихъ это просто „скоты" и „звѣри". Но вѣдь даже скоты и звѣри никогда не поѣдаютъ себѣ подобныхъ, хотя ихъ то ужъ нисколько не сдерживаетъ узда посмертнаго возмездія. Нѣтъ, господа „страдальцы", насъ не смутятъ ваши лживыя фразы о „проклятіи" познанія добра и зла. Нѣтъ, не

познаніе добра и зла, а ваши инквизиторскіе тайны и секреты—вотъ что является проклятіемъ профановъ!

Помилуйте, воскликнутъ тутъ сторонники обузданія профановъ. Да вѣдь они сами ищутъ „предъ кѣмъ преклониться...“ „Они будутъ дивиться на насъ—мечтаетъ Великій Инквизиторъ—и будутъ считать насъ за боговъ за то, что мы, ставъ во главѣ ихъ, согласились *выносить свободу*, которой они испугались (!), и надъ ними господствовать,—такъ ужасно станетъ имъ подъ конецъ быть свободными!“

И не подумайте, что эта смѣхотворная тирада представляетъ собой только плодъ разстроеннаго воображенія или простое кликушество. Нѣтъ. „Это самыя глубокія и самыя пророческія слова, сказанныя о земной судьбѣ человѣчества“. Такъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ г. Бердяевъ *).

И мы ему повѣримъ на слово. Нѣтъ сомнѣнія, что санкюлоты всѣхъ временъ и народовъ только для того и разрушали свои бастиліи, только для того и разбивали свои цѣпи, чтобы доказать намъ, какъ они „боятся“ свободы. Да, это очевидно. Они совершенно „не выносятъ свободы“... своихъ тюремщиковъ. А, исходя отсюда, легко заключить, что и впредь выносить ее они едва ли смогутъ. И, конечно, чтобы заключить такъ не надо быть ни пифіей, ни кликушей,—достаточно быть лишь логичнымъ. Не правда ли, г. Бердяевъ?

Еще курьезнѣе однако этой каламбурной свободобоязни профановъ, которую Великій Инквизиторъ придумалъ „для ихъ же счастія“,—другая основная предпосылка его утопіи. „Никакая наука—гласитъ эта предпосылка—не дастъ имъ (профанамъ) хлѣба пока они будутъ оставаться свободными... ибо никогда, никогда не сумѣютъ они раздѣлиться между собою“. Да, никакая наука не дастъ имъ хлѣба и никто ихъ не накормитъ— „накормимъ лишь *мы*, во имя Твое, и *солжемъ*, что во имя Твое!“

---

*) Новое религіозн. сознаніе, с. 10.

Жалкіе люди! Они еще продолжаютъ лгать и обманывать по инерціи, хотя имъ никто ужъ не вѣритъ. Да и какъ вѣрить. Никогда, никогда не сумѣете вы *раздѣлиться* — наивно запугиваютъ они тѣхъ самыхъ профановъ, на знамени которыхъ четко выписано: *Общій* трудъ на *общую* пользу.

Да мы и не собираемся „дѣлиться“ — могутъ отвѣтить господамъ инквизиторамъ эти профаны. Но, если по вашему нашъ трудъ даже въ соединеніи съ наукой не дастъ намъ хлѣба, то откуда же возьмете его *вы*, праздные паразиты? Чѣмъ же вы тогда „накормите“ насъ? Вашей ложью?

III.

Какъ бы ни относиться однако къ аргументаціи Великаго Инквизитора, за ней можно признать одно несомнѣнное достоинство. Она вскрываетъ намъ *ради чего* аристократы духа, даже будучи безбожниками, не прочь сохранить для черни хоть плохонькую народную религію. Этой религіи отводится у нихъ вполнѣ опредѣленная полицейская роль обуздательницы профановъ. Впрочемъ, многіе аристократы духа и сами весьма откровенно это высказывали Такъ, напр., еще Аристотель училъ въ своей „Политикѣ“ государей: „Тиранъ *долженъ дѣлать видъ*, какъ будто онъ относится къ религіи необычайно серьезно, ибо подданные менѣе чувствуютъ незаконныя дѣйствія тирана, если имъ кажется, что властитель богобоязненъ и благочестивъ; съ другой стороны, они не легко предпринимаютъ что нибудь противъ него, такъ какъ вѣдь на его сторонѣ стоятъ боги“.

Другой менторъ властителей, Макіавелли, писалъ въ своемъ „Государѣ“: „Государь долженъ обладать хорошими человѣческими свойствами или еще лучше *должно казаться*, что онъ таковыми обладаетъ; *въ особенности онъ*

долженъ казаться проникнутымъ благочестіемъ и религіозностью. Если нѣкоторые и поймутъ дѣйствительную сущность его души, то они все же будутъ молчать; ибо государственное величество охраняетъ государя, который въ силу этой охраны, *если требуетъ его выгода,* можетъ выставить противоположныя стороны. Масса подданныхъ, если онъ во многихъ случаяхъ, когда это ему ничего не стоило, показывалъ богобоязнь, будетъ считать его за достойнаго почета человѣка и тогда, когда онъ дѣйствуетъ противъ вѣрности и вѣры и противъ религіи". Напомнимъ еще извѣстное изрѣченіе сторонника просвѣщеннаго абсолютизма, Вольтера. Исходя изъ убѣжденія, что „трудно и даже невозможно было бы управлять государствомъ, состоящимъ изъ атеистовъ", этотъ старый безбожникъ заявлялъ своимъ друзьямъ безъ обиняковъ: „Обратите вниманіе на католицизмъ: его нужно уничтожить у порядочныхъ людей (les honnêtes gens), оставивъ его у сволочи (la canaille)"... Но не всѣ же аристократы духа—вольтеріанцы-безбожники. Не мало и среди нихъ, хоть „по модному", а все же искренно вѣрующихъ. У насъ въ Россіи за послѣднее время съ легкой руки господъ Булгаковыхъ и Бердяевыхъ такихъ по модному вѣрующихъ аристократовъ духа развелось весьма предостаточно. Эти рыцари духа мирятся съ цѣпями религіи, какъ видно, не только для „подлой черни", но и для самихъ себя. И *ихъ* приверженность къ религіи приходится объяснять ужъ гораздо болѣе сложными мотивами.

Обращаясь къ этимъ мотивамъ, мы встрѣчаемъ у Достоевскаго такую характеристику одного изъ его героевъ духа, Версилова: „Это *очень гордый* человѣкъ.. а многіе изъ очень гордыхъ людей любятъ вѣрить въ Бога, особенно нѣсколько *презирающіе людей.* У многихъ сильныхъ людей есть, кажется, натуральная какая-то потребность найти кого нибудь или что нибудь, передъ чѣмъ преклониться... Они выбираютъ Бога, чтобъ не преклоняться передъ людьми... *преклоняться передъ Богомъ не такъ обидно.*

Изъ нихъ выходятъ чрезвычайно горячо вѣрующіе, *вѣрные сказать, горячо желающіе вѣрить*, но желанія они принимаютъ за вѣру".

Это очень мѣтко сказано. Итакъ тоска вѣковѣчная „предъ кѣмъ преклониться" особенно характерна для презирающихъ людей гордецовъ—аристократовъ духа. И, приписывая ее профанамъ, Великій Инквизиторъ Достоевскаго просто слишкомъ поспѣшно обобщилъ свою собственную субъективную потребность. У современнаго борца-профана такой потребности можетъ и не быть. Съ его точки зрѣнія „богъ" Великаго Инквизитора — это не болѣе, какъ разукрашенная фантазіей *тѣнь человѣка*. И, если ужъ обидно преклоняться передъ человѣкомъ, то не обиднѣе ли гнуть колѣни передъ его тѣнью? А впрочемъ это дѣло вкуса.

Но въ характеристикѣ Версилова есть одна болѣе сомнительная черточка. Господа Версиловы несомнѣнно очень горды и презираютъ людей преизрядно. Они даже добро имъ творятъ, „скрѣпя свои чувства, зажимая носъ и закрывая глаза". Если угодно, ихъ можно признать при всемъ томъ весьма незаурядными, крупными личностями. Но... но врядъ ли ихъ можно назвать *сильными*. Во всякомъ случаѣ въ нихъ недостаточно силы, чтобы чувствовать себя вполнѣ свободными духомъ и ни предъ чѣмъ не преклоняться. Вотъ почему, выбирая меньшее изъ золъ, они избираютъ наиболѣе безобидный для *ихъ* гордости предметъ поклоненія—Бога.

Съ такой поправкой немногія строки Достоевскаго объясняютъ намъ уже довольно много. Но не все еще. Это объясненіе годится для всѣхъ временъ, а потому его недостаточно для нашего. Въ немъ нѣтъ и намека на то, почему именно теперь, въ наше время, типъ вѣрующаго аристократа духа сталъ чуть ли не господствующимъ типомъ въ извѣстной средѣ. Болѣе историчную разгадку этого явленія даетъ намъ Гейне въ своихъ „Признаніяхъ"

нѣсколько лѣтъ спустя послѣ „бѣшенаго“ 1848 года *). Безбожникъ Гейне, какъ извѣстно, къ концу своей довольно бурной жизни обратился къ философскому деизму „безъ положительныхъ догматовъ“, то есть, говоря попросту, сталъ вѣрующимъ и при томъ „по модному“—по тогдашней модѣ, разумѣется.

Какъ же это случилось?

Съ тонкой и ядовитой, какъ остріе отравленной иглы, ироніей, которая не покидала Гейне даже тогда, когда онъ острилъ на свой собственный счетъ, этотъ старый безбожникъ представляетъ дѣло приблизительно въ такомъ видѣ. Пока безбожіе было „сокровеннымъ достояніемъ аристократіи духа“, которая еще „незадолго до революціи“ „богохульствовала за философскими petits soupers“, разгоняя наплывомъ новыхъ идей скуку своего празднаго существованія,—богохульствовалъ съ ней и нашъ Гейне. Но когда и „грубый плебсъ началъ толковать о томъ же въ своихъ грязныхъ сборищахъ... Когда атеизмъ началъ сильно отзываться пивомъ, водкой и табакомъ“, тогда, о тогда Гейне брезгливо отвернулся отъ безбожія.

Кромѣ этого „эстетическаго“ отвращенія, какъ поясняетъ самъ Гейне, „тутъ дѣйствовалъ также общій цѣлому свѣту страхъ риска“... Гейне увидѣлъ, что „атеизмъ заключилъ болѣе или менѣе тайный союзъ съ страшно обнаженнымъ, не прикрытымъ ни однимъ виноградным листикомъ коммунизмомъ“... Послѣдній пугалъ его, какъ мы уже видѣли, не за содержимое его пустыхъ кармановъ, конечно. „Нѣтъ, говоритъ Гейне, сердце мое сжимается затаеннымъ страхомъ художника и ученаго, которые понимаютъ (?), что побѣда коммунизма грозитъ гибелью всей нашей новѣйшей цивилизаціи... поэта охватываетъ *неудержимый ужасъ*, при мысли о томъ времени, когда настанетъ царство этого грубаго властелина“.

*) *Г. Гейне.* Сочиненія, т. X, Спб. 1882 г. сс. 43—47

Какъ бы однако ни мотивировать этотъ аристократическій ужасъ передъ лицомъ надвигающейся революціи, фактъ остается фактомъ Какъ только въ воздухѣ запахнетъ грозой и атеизмъ изъ безобидной игрушки феодальнаго ума превращается въ грозное оружіе воинствующей демократіи,—аристократы духа ужасаются и, забывая о своемъ быломъ безбожіи, поспѣшно бѣгутъ одинъ за другимъ съ поля битвы въ потустороннія, горнія страны мистики. За примѣрами ходить не далеко. Вспомните хоть недавнее бѣгство цѣлой фаланги типичныхъ аристократовъ духа изъ лагеря такъ называемаго „легальнаго марксизма“ въ безплодныя пустыни мистическаго идеализма.

Быть можетъ, впрочемъ, въ ряду причинъ, толкающихъ нынѣ столько аристократическихъ душъ въ объятія религіи, не послѣднее мѣсто занимаетъ еще одна. Чтобы не погрязнуть въ засасывающей тинѣ мѣщанской обыденности, нужно переживать хоть изрѣдка сильнѣйшія душевныя грозы. И „грубые“ профаны переживаютъ ихъ, беззавѣтно отдаваясь вакхическимъ упоеніямъ соціальной борьбы съ мѣщанствомъ. Но дряблые аристократы духа не созданы для такой борьбы. Въ лучшемъ случаѣ они вдохновляются ею на мигъ въ моменты наивысшаго общественнаго подъема, чтобы затѣмъ еще рѣшительнѣе забыть о ней въ эпоху реакціи. И тутъ то, чуждые высокимъ вдохновеніямъ борьбы, они ищутъ себѣ компенсаціи въ эротическихъ наркозахъ хлыстовщины и находятъ ее въ религіозныхъ экстазахъ на почвѣ полового психоза. Да, да, читатель, психоза, или, говоря точнѣе,—половой психопатіи.

Дѣло не въ томъ, конечно, что въ переживаемую нами нынѣ вальпургіеву ночь реакціи, то есть, выражаясь стихомъ Валерія Брюсова, „въ часъ, когда безстыдству учатъ— темнота и нагота“, съ аристократическихъ устъ смѣлѣе чѣмъ когда либо срываются признанія:

„*Одно намъ осталось*—сближаться, сливаться,
Слипаться устами, какъ гроздьямъ висѣть“ *).

*) *В. Брюсовъ.* Вѣнокъ. М. 1906 г. с. 83

Если бы, однако, господа аристократы духа ограничивались столь естественнымъ въ ихъ положеніи препровожденіемъ времени, это бы еще куда ни шло. Но на ихъ языкѣ всему естественному уже a priori придается значеніе „вульгарнаго“, а „вульгарное“ не удовлетворяетъ, конечно, требованіямъ аристократическаго вкуса. И вотъ, отвернувшись съ презрѣніемъ отъ „вульгарной Афродиты“, они благочестиво подогрѣваютъ средневѣковый культъ „Афродиты небесной“, которая впрочемъ при ближайшемъ разсмотрѣніи чрезвычайно смахиваетъ на Афродиту содомскую.

Чтобы не показаться голословными, сошлемся хотя бы на вышецитированную книгу г. Бердяева *).

„*Средніе вѣка*, вновь ставшія намъ (т. е. г. Бердяеву) родными и понятными“, эта „самая чувственная эпоха“, когда даже „божественныя отношенія на небѣ получили половую окраску“—вотъ что вдохновляетъ нашего автора. „Вопросъ о полѣ и любви—заявляетъ онъ самъ—имѣетъ центральное значеніе для всего нашего религіозно-философскаго и религіозно-общественнаго міровоззрѣнія“. Слѣдуя за г. Розановымъ, который „въ половомъ актѣ видитъ трансцендентное общеніе съ иными мірами, сліяніе съ Божествомъ“, г. Бердяевъ то же находитъ, что „полъ есть окно въ иной міръ“ и проповѣдуетъ любовь къ Афродитѣ небесной. Эта любовь, какъ поясняетъ авторъ, „не отвлеченно духовная и безплотная, она воплощена, полнокровна, конкретно-чувственна“, но .. она „сверхприродна“ и „не рождаетъ“.

Правда, благодаря такимъ оговоркамъ бердяевскій символъ Афродиты небесной невольно вызываетъ представленіе о чемъ то вродѣ хлыстовской богородицы, а его конкретно-чувственную и все же нерождающую любовь хочется назвать не сверхприродной, а болѣе привычнымъ терминомъ—противоестественной. Но г. Бердяевъ чуждъ предразсудковъ, и это его ничуть не смущаетъ.

*) *Н. Бердяевъ.* Новое религ. сознаніе. См. XV, 156, 166—7, 172, 182 и др.

„Вѣдь съ религіозной точки зрѣнія, да и съ философской—поучаетъ онъ насъ—вся природа противоестественна". А стало быть „такъ называемыя „противоестественныя" формы любви и полового соединенія, приводящія въ негодованіе ограниченныхъ моралистовъ (!), *съ высшей точки зрѣнія* нисколько не хуже формъ такъ называемаго „естественнаго соединенія". И, взобравшись на эту „высшую" точку зрѣнія, нашъ проповѣдникъ смѣло заключаетъ: „Не „естественно" нужно соединяться поламъ, по законамъ природы и раціональной морали, а „сверхъестественно", по божественнымъ законамъ преображенія плоти" *).

И вотъ, слѣдуя этой философіи, единомышленники г. Бердяева создаютъ особый культъ. Культъ, въ которомъ, по словамъ самихъ его сторонниковъ, „въ бѣлизнѣ и лазури Іисусовой вихремъ кощунственнымъ протекаютъ пурпуры—пурпуры Содома и Гоморы"**).

IV

Таковъ примѣрно символъ вѣры религіозно настроенной части, аристократовъ духа. Каковы же ихъ *общественные* идеалы? Присмотримся къ двумъ-тремъ образчикамъ, а чтобы не ходить далеко начнемъ хоть со „Свободной Теократіи" Владиміра Соловьева.

„Идеалъ свободной теократіи"—рекламируетъ намъ его г. Булгаковъ—„идеалъ свободной теократіи и пересмотръ, критика и переоцѣнка при свѣтѣ этого христіанскаго идеала нашей теперешней соціальной науки, соціальныхъ идеаловъ и общественной жизни,—вотъ самое дорогое завѣщаніе, которое оставлено намъ Владиміромъ Соловьевымъ и которое намъ надлежитъ благочестиво исполнить; вотъ тема для русскихъ соціологовъ, юристовъ и эконо-

*) Тамъ же, с. 185.

**) *Андрей Бѣлый.* Кубокъ метелей. 4-я симфонія. М. 1908 года с. 141.

мистовъ, этимъ, а не ученическимъ переписываніемъ и повтореніемъ книжекъ западной науки со всей ея исторической ограниченностью, можно создать самостоятельную научную мысль въ Россіи" *).

Посмотримъ, что же это такое намъ надлежитъ благочестиво исполнить.

„...Духовное общество или церковь—излагаетъ свою утопію Вл. Соловьевъ—въ свободномъ внутреннемъ союзѣ съ обществомъ политическимъ и экономическимъ образуютъ одинъ цѣльный организмъ—*свободную теократію* или цѣльное общество" **)

Какъ видитъ читатель, отъ первыхъ же строкъ этой нео-христіанской утопіи вѣетъ духомъ стараго язычника Платона И представленіе объ обществѣ, какъ о живомъ организмѣ, и дѣленіе его на три части—все это было уже въ платоновской „Республикѣ". Терминологія лишь тамъ иная. Но послушаемъ дальше.

Духовное общество Вл. Соловьева или, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, „церковная дружина" представляетъ собою по замыслу автора „подвижный и *властный союзъ* духовныхъ учителей и *руководителей народной жизни*" ***), то есть платоновскую олигархію мудрыхъ Это общество даетъ остальнымъ двумъ—„государству и земству высшую цѣль и безусловную норму ихъ дѣятельности". Читай: ведетъ къ добродѣтели и блаженству гражданъ. При чемъ оно „подобно божеству должно все двигать, оставаясь само неподвижнымъ" ****). Господство за церковной дружиной обезпечивается, такимъ образомъ, абсолютное.

---

*) См „параллели" г. *Булгакова* въ сборн. „Литературное Дѣло" 1902 года.

**) *Вл. Соловьевъ.* Собраніе сочиненій. т. I. Философск. начала цѣльнаго знанія, с. 262.

***) *Его же.* Національный вопросъ въ Россіи. Изд. 2-ое 1888 г., с. 42.

****) *Его же.* Собраніе сочиненій. т. I, стр. 262.

Но откуда же выводится и чѣмъ оправдывается такое господство въ *свободной* теократіи? А, вотъ, слушайте: „Степенью идеальности должна опредѣляться степень *значенія и власти* лица. Объемъ правъ долженъ соотвѣтствовать высотѣ внутренняго достоинства". Теократія же и при наличности властителей остается, дескать, вполнѣ свободной, ибо каждый въ ней самъ „свободно и естественно подчиняется тѣмъ, кто находится на высшей ступени духовнаго совершенства... подчиняется свободно,—краснорѣчиво убѣждаетъ насъ Вл. Соловьевъ,—потому, что цѣль этого подчиненія, то-есть осуществленіе своего безусловнаго значенія, или достиженіе идеальной полноты бытія,—эта цѣль есть собственная цѣль каждаго, и кто хочетъ цѣли, естественно хочетъ и средствъ" *).

Какая трогательная идиллія! Она напоминаетъ собою однако уже не Платона, а Великаго Инквизитора. Вспомните то мѣсто, гдѣ великій іезуитъ расписываетъ, какъ „мы" убѣдимъ профановъ, что они „тогда только и станутъ свободными, когда откажутся отъ своей свободы *для насъ* и намъ покорятся". Разница лишь въ томъ, что великій іезуитъ Достоевскаго такъ прямо и говоритъ: „Мы ихъ обманемъ". А Владиміръ Соловьевъ выдаетъ свой наивный вздоръ за чистую истину. Но, запасемся терпѣніемъ и выслушаемъ его до конца.

„...Истинно полезнымъ или нормально экономическимъ—развиваетъ свою утопію Вл. Соловьевъ—можетъ быть признано только такое распредѣленіе труда и богатства, которое удовлетворяетъ во-первыхъ абсолютному требованію любви, и во вторыхъ формальному требованію справедливости." Но ни любовь, ни справедливость, какъ это „очевидно" для нашего автора, *„вовсе не требуютъ равенства матеріальнаго богатства*, ибо, если существуетъ неравенство личнаго достоинства и значенія, то равенство богат-

*) Тамъ же, т. II. Критика отвлеченныхъ началъ, стр 171—2.

ства было бы при этомъ несправедливо, такъ какъ богатство есть необходимое средство для полной реализаціи личнаго достоинства и значенія... Такъ же несправедливо было бы, еслибы лицо, обладающее высшимъ внутреннимъ достоинствомъ, а потому и высшимъ значеніемъ въ нормальномъ обществѣ, принуждено было *заниматься физическимъ трудомъ наравнѣ съ другими*. Очевидно—заключаетъ Вл. Соловьевъ—справедливость требуетъ, чтобы и трудъ, и богатство были распредѣлены въ обществѣ соотвѣтственно внутреннему достоинству и гражданскому значенію его членовъ" *).

Итакъ, внутреннее достоинство человѣка само за себя отнюдь не вознаграждаетъ, и потому „справедливость требуетъ", чтобы оно точно измѣрялось и тотчасъ же оплачивалось наличностью—за каждый вершокъ достоинства соотвѣтственной долей власти и богатства. Вотъ нравственный идеалъ честнаго лавочника!.. Онъ измѣряетъ все, на совѣсть, казеннымъ аршиномъ ровно въ шестнадцать вершковъ и накидываетъ на своихъ покупателей въ видѣ прибавки къ цѣнамъ за свою „честность" только по четвертаку на рубль.

„Такъ вы, стало быть, хотите,—сказалъ бы по адресу такой справедливости старикъ Гегель,—такъ вы, стало быть, хотите, чтобъ вамъ дали еще на водку за то, что вы ходили за своей больной матерью и не отравили своего брата!.."

Но любопытнѣе всего, что вышеизложенный принципъ распредѣленія труда и богатства „удовлетворяетъ" по Соловьеву не только требованіямъ его прилавочной справедливости, но и „абсолютному требованію любви". Что же это за любовь такая съ девизомъ: у кого много, тому прибавь,—у кого мало, тому убавь? Нѣтъ, не такова подлинная любовь. Нѣтъ, она, какъ мать, осыпаетъ своими ласками

*) Тамъ же, т. II, с. 176.

прежде всего тѣхъ, кто всего сильнѣе въ нихъ нуждается. А кто же сильнѣе нуждается въ согрѣвающей ласкѣ любви: преисполненныя внутреннихъ достоинствъ баловни судьбы или забитые духовно ея злосчастные пасынки? И, если для развитія высшихъ качествъ духа необходимы и досугъ, и богатство, то кому же прежде всего слѣдуетъ предоставить въ нихъ долю участія? Тѣмъ кто и безъ того ужъ полонъ „высшихъ качествъ духа“ или тѣмъ „варварамъ“, которые ихъ еще и не нюхали?

Нѣтъ сомнѣнія, что *подлинная* любовь разрѣшила бы этотъ вопросъ въ пользу „варваровъ“. Но теократическая любовь Вл. Соловьева рѣшаетъ его иначе. Она утверждаетъ строй, въ которомъ сомнительныя „достоинства“ немногихъ мандариновъ духа покупаются цѣною несомнѣннаго отупѣнія всей остальной человѣческой массы, и этотъ строй выдаетъ за *нормальный*. Говоря иначе, эта любовь, выступая якобы во имя человѣческаго достоинства, освящаетъ своимъ авторитетомъ систему *паразитизма и эксплоатаціи* и является, стало быть, въ своихъ выводахъ самой недвусмысленной апологіей современнаго мѣщанства.

Вы еще сомнѣваетесь, читатель? Такъ слушайте.

„Такимъ образомъ—резюмируетъ самъ Вл. Соловьевъ свои выводы—хотя цивилизованныя“—читай: капиталистическія—„формы производства и экономической дѣятельности вообще, именно раздѣленіе труда, свободная конкуренція и раздвоеніе труда и капитала *сохраняются* въ нормальномъ экономическомъ строѣ, но здѣсь, благодаря тому, что вся экономическая дѣятельность и результатъ ея богатства является не какъ цѣль въ самой себѣ, а лишь какъ средство или матеріалъ для полнѣйшей реализаціи высшаго религіознаго начала, всѣ эти формы утрачиваютъ свой острый характеръ, перестаютъ служить эгоизму нѣкоторыхъ и быть источникомъ бѣдствій для большинства“ *).

*) Тамъ же, с. 177.

Скажите! Это ли не апологія существующаго и нынѣ мѣщанскаго строя жизни? И при томъ не наивнѣйшая ли это изъ наивныхъ апологія? Капитализмъ она „сохраняетъ“ во всей его неприкосновенности, но проситъ вѣрить, что освященный теократическимъ елеемъ это будетъ ужъ не капитализмъ, а нѣкая благоуханная роза безъ шиповъ. „Возможность эксплоатаціи труда капиталомъ“ въ этомъ освященномъ строѣ, дескать, радикально устраняется. И устраняется она, де, „благодаря тому, что обладателями капитала въ нормальномъ обществѣ являются *лучшіе* люди, опредѣляющіе свою дѣятельность нравственнымъ началомъ и слѣдовательно не могущіе злоупотреблять своими преимуществами“ *).

Итакъ, читатель вамъ вовсе не къ чему насаждать виноградникъ. Сохраните лишь въ цѣлости всѣ кусты волчьей ягоды. И повѣрьте, что стоитъ только легонько покропить этотъ кустарникъ святой водицей, какъ совершится чудо, и на немъ произрастутъ ужъ не волчьи ягоды, а самый что ни на есть первосортный виноградъ.

V.

Таковъ „идеалъ“, завѣщанный Вл. Соловьевымъ нашимъ „идеалистамъ“. И нужно сказать, что эти благочестивые наслѣдники оказались вполнѣ достойными своего завѣщателя. Они не только ровно ничего не утратили изъ полученнаго наслѣдства, но даже пріумножили его... сугубой елейностью терминологіи. Въ самомъ дѣлѣ. Послушайте хотя бы г. Бердяева въ качествѣ апостола того же новаго евангелія „свободной теократіи“.

Тамъ, гдѣ у Вл. Соловьева идетъ рѣчь о церковной дружинѣ или духовномъ обществѣ, г. Бердяевъ ставитъ общество священниковъ. „Теократія, по его словамъ, мо-

*) Тамъ же.

жетъ быть только обществомъ священниковъ". При чемъ это общество или орденъ не обниметъ собою всего человѣчества, но будетъ скорѣе „оазисомъ среди враждебной пустыни". Въ своей внутренней организаціи это общество осуществитъ — „въ политическомъ отношеніи — *какъ бы* анархизмъ, въ экономическомъ—*какъ бы* соціализмъ, въ мистическомъ—самодержавіе Единаго Бога, царствующаго надъ *аристократическими* дѣтьми своими, черезъ Христа обрѣтшими всеобщее богосыновство" *). Для той же черни, которая не приметъ „внутрь себя Христа" и останется, стало быть, внѣ теократическаго ордена г. Бердяева, онъ проектируетъ иную, болѣе современную организацію.

„Люди, не принявшіе внутрь себя Христа, не освободившіеся отъ внутренняго рабства духа,—по утвержденію г. Бердяева,—всегда нуждались и *будутъ нуждаться* въ государственномъ принужденіи". И потому, заговоривъ о нихъ, нашъ авторъ моментально прячетъ свой „какъ бы анархизмъ" въ карманъ и становится ярымъ государственникомъ. „Конечно, правительство необходимо—провозглашаетъ г. Бердяевъ—нельзя отдать слабыхъ во власть сильныхъ, нельзя отдать культуру съ ея высшими цѣнностями на растерзаніе звѣриныхъ инстинктовъ хаотической стихіи... Нужно высшей мощью защитить слабыхъ, охранить цѣнности, но миссія эта—оговаривается нашъ какъ бы анархистъ—рыцарская... Охрана порядка и спокойствія человѣческой жизни и чести можетъ быть вручена только рыцарямъ, а не поддонкамъ общества, изъ которыхъ вербуетъ полицію современное государство. Полицію и бюрократію должно замѣнить новое рыцарство, благородная порода". **)

И г. Бердяевъ предвидитъ уже наступленіе этой новой эры, этого золотого вѣка, когда сыскъ и провокація ста-

---

*) *Н. Бердяевъ.* Новое религ. созн., 207, 232, 220.

**) Тамъ же, сс. 233, 59-60.

нутъ рыцарской миссіей, и усиленную охрану цѣнностей въ участкахъ и канцеляріяхъ возьметъ на себя благородная порода мудрецовъ и поэтовъ. „Наступятъ времена“— пророчески восклицаетъ онъ—„когда мудрецы и поэты будутъ править міромъ“ *).

Такова политическая сторона бердяевскаго идеала. Соціальная—вполнѣ ей соотвѣтствуетъ. Съ „изувѣрствомъ“ соціалдемократіи, отказывающей въ пріютѣ даже тѣмъ тунеядцамъ, которые возмнили бы себя мудрецами и пророками, нашъ какъ бы соціалистъ, конечно, примириться не можетъ. Трудъ у него никакъ не совмѣщается съ „высшимъ призваніемъ“. И его *„экономическая справедливость* должна привести не къ безличному уравненію... а... къ равенству *пропорціональному*“ **). Говоря иначе, это та самая прилавочная справедливость Вл. Соловьева, которая оцѣниваетъ все на звонкую монету и, измѣряя личное достоинство своихъ „мудрецовъ и пророковъ“ вершками, оплачиваетъ его въ строжайшей пропорціи—рублями.

Объ эксплоатаціи въ идеальномъ строѣ г. Бердяева и рѣчи быть не можетъ, ибо „богатства“ будутъ достигаться тамъ только „по божески“ ***). Замѣтьте себѣ это, читатель. Въ тысячелѣтнемъ царствіи божіемъ, которое проповѣдуетъ намъ нынѣ г. Бердяевъ,—его идеализированные лавочники не станутъ ужъ больше ни обмѣривать ни обвѣшивать, ибо имъ вполнѣ гарантируется тамъ возможность наживаться *побожецки,* то есть возможность безгрѣшнаго блаженства „и невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти“. И, понятно, не мы станемъ оспаривать ихъ права на такое блаженство. Слѣдуя заповѣди: „блаженни нищіе духомъ“, нужно признать, что г. Бердяевъ со всѣми своими лавочниками несомнѣнно заслуживаетъ блаженства.

---

*) Тамъ же, с. 61-62.

**) Тамъ же, с. 128.

***) Тамъ же, с. 115.

Непонятно намъ лишь одно. Какъ у подобныхъ господъ хватаетъ мужества говорить о „мѣщанствѣ“ соціалдемократическаго идеала. Или они и его рисуютъ себѣ по образцу и подобію своей „свободной теократіи“?

Для полноты картины добавимъ, что мудрецамъ и поэтамъ г. Бердяева, съ того момента, какъ они облекутся въ полицейскіе доспѣхи и станутъ править міромъ, предстоитъ, повидимому, не только охранять цѣнности отъ звѣриныхъ инстинктовъ хаотической стихіи, но и... *регулировать дѣторожденіе*. Регулировать на этотъ разъ не для улучшенія породы, однако, какъ это предполагалось у Платона, а ради неомальтузіанскаго устраненія соціальнаго вопроса *).

Эта регулировка, впрочемъ, имѣется въ виду, какъ кажется, только для профановъ, ибо, хотя половая любовь, по г. Бердяеву вообще „нуждается въ религіозномъ освященіи и религіозной организаціи“, но избранникамъ божіимъ онъ проповѣдуетъ идеалъ „праведнаго сладострастія“, сирѣчь любви *нерождающей* **).

Мы не станемъ гадать здѣсь о характерѣ этой мистической любви г. Бердяева и ея религіозной организаціи. Слишкомъ мало для этого вразумительныхъ данныхъ въ его книгѣ. Но, прочтите соотвѣтствующія страницы, ну, хотя бы у Валерія Брюсова въ его „Послѣднихъ мученикахъ“ ***), и вы поймете какимъ эротико-религіознымъ бредомъ мутятся нынѣ головы иныхъ представителей такъ называемой аристократіи духа.

Валерій Брюсовъ рисуетъ намъ въ названномъ произведеніи нѣкій аристократическій орденъ, или религіозную секту въ моментъ послѣдней, міровой революціи. Въ эту секту входятъ всѣ лучшіе поэты, художники и мыслители.

---

*) Тамъ же, сс. 174, 191-2.

**) Тамъ же, сс. 160, 184.

***) *В. Брюсовъ*. Сборн. „Земная Ось“.

Ихъ храмъ—величайшее твореніе архитектуры. Его наполняютъ прекраснѣйшія произведенія живописи и скульптуры. Но славятъ „Послѣдніе Мученики“ въ этомъ храмѣ „Слѣпую Тайну“ и совершаютъ „великіе обряды“ передъ срамнымъ „Символомъ“ Эроса.

„Обнаженные отроки“ и жрицы „въ золотыхъ сандаліяхъ, съ однимъ золотозмѣйнымъ поясомъ вмѣсто одежды“, „жгуче-сладкое вино“ и „круговая пляска“, „изступленные звуки органа“, „сближенія, сплетенія, единенія... вскрики, стоны, боль и восторгъ“, „опьяненіе тысячеликостью страсти, когда видишь вокругъ всѣ образы, всѣ формы, всѣ возможности служенія, всѣ изгибы тѣлъ женскихъ, мужскихъ и *дѣтскихъ*, и всю искаженность и изступленность преображенныхъ лицъ“, „двойное, *тройное, многочленное* объятія“... Таковы атрибуты и формы культа этой новой „святой вѣры“. Вотъ рельефный образчикъ религіозной организаціи любви. Вотъ оно какое бываетъ праведное сладострастіе!..

Правду сказать, поражаетъ насъ въ этомъ культѣ обнаженій и многочленныхъ сплетеній не столько извращенность, сколько мелкотравчатость грезящихъ о немъ аристократическихъ душъ. Противоестественныя склонности не чужды и павіанамъ. Это что за невидаль! Но, павіаны не мѣтятъ, по крайней мѣрѣ, въ сверхчеловѣки А, вѣдь, господа аристократы духа даже изъ разряда вырождающихся несомнѣнно въ нихъ мѣтятъ. Усвоивъ себѣ ницшеанскую фразеологію, они мнятъ себя необычайно смѣлыми и ни на минуту не сомнѣваются въ своемъ „высшемъ призваніи“. И все же, какъ мы только что видѣли, даже въ грезахъ своихъ они не поднимаются выше вульгарнѣйшихъ образчиковъ духовнаго павіанства.

Это ли не банкротство! Это ли не нищета духовная!

— „Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ!“ гордо бросаетъ вамъ свой вызовъ кто-нибудь изъ вдохновенныхъ пѣвцовъ „Слѣпой Тайны“.

Очень хорошо! Превосходно!—подхватываете вы этотъ вызовъ. Но, скажите, *въ чемъ собственно* намѣрены вы проявить вашу дерзость, почтеннѣйшій? И „дерзкій“ поэтъ съ высоко поднятой головой отвѣчаетъ вамъ:

Хочу упиться роскошнымъ тѣломъ
Хочу одежды съ тебя сорвать...

И добро бы онъ такъ на этомъ и кончилъ. Но нѣтъ. Пораженный своею собственною дерзостью поэтъ уже совершенно не знаетъ удержу и вдохновенно заканчиваетъ свою „программу“ дерзости еще болѣе звучнымъ аккордомъ:

Я буду *счастливъ*. Я буду молодъ.
Я буду дерзокъ. Я такъ хочу!

Эге! радостно отзовутся на этотъ „ницшеанскій“ кличъ тысячи филистеровъ, тоже „дерзко“ срывая съ кого-нибудь „одежды“ и смѣло упиваясь „счастіемъ“ по рецепту г. Бальмонта. По этой части и мы вамъ ни въ жисть не уступимъ!

Да что филистеры! Бѣдный поэтъ не перещеголялъ бы дерзостью въ избранномъ имъ направленіи даже похотливаго мандрила, который вѣдь тоже не прикрываетъ и единымъ листикомъ своихъ наименѣе привлекательныхъ, несмотря на яркость окраски, частей тѣла и наиболѣе срамныхъ наклонностей.

Однако вернемся къ вопросу. Мы привели нѣсколько образчиковъ аристократическаго идеала общежитія и думаемъ этимъ ограничиться. Эстетической оцѣнкѣ, на нашъ взглядъ, подлежатъ несомнѣнно даже творенія господъ Бердяевыхъ, но научной критики они право не заслуживаютъ. Да и какъ подойти съ такой критикой къ авторамъ, которые заранѣе готовы признать, что ихъ идеи „бездоказательны и не научны“, и все же ни мало не смущаются этимъ, ибо „всего болѣе“ вѣрятъ въ свою „интуицію“. Разговаривать на языкѣ науки съ господами, которые, без-

помощно моргая глазами, спрашиваютъ васъ съ видомъ послѣднихъ людей Заратустры: „Доказательна ли истина и что такое эта пресловутая научная доказательность?“ *)— было бы слишкомъ неблагодарной задачей.

Замѣтимъ лишь слѣдующее. Аристократы духа обращаются со своими упованіями къ будущему. Но не въ будущемъ лежитъ ихъ идеальный строй, а въ далекомъ прошломъ. Господство левитовъ въ древне-еврейской теократіи, браминовъ въ Индіи, жрецовъ у египтянъ—вотъ образчики той олигархіи мудрыхъ, о которой грезятъ нынѣ господа Бердяевы. Возможность такого строя обусловливалась сосредоточеніемъ всей суммы знаній данной эпохи въ замкнутомъ кругѣ опредѣленной касты, ревниво оберегающей эти знанія отъ любознательности профановъ. Но по мѣрѣ вынуждаемой современными условіями производства *демократизаціи знаній* такая возможность съ каждымъ днемъ становится все менѣе и менѣе вѣроятной. И пресловутая христіанская республика отцовъ іезуитовъ въ Парагваѣ (1610—1768) была, очевидно, уже послѣднимъ могиканомъ въ исторической семьѣ духовныхъ аристократій.

Кстати, не эту ли теократію мечтаютъ воскресить господа Бердяевы? Напомнимъ въ двухъ словахъ ея очертанія.

Духовное общество отцовъ іезуитовъ въ качествѣ представителей божественнаго разума пользовалось неограниченной властью надъ подчиненными ему кастами краснокожихъ воиновъ и земледѣльцевъ Парагвая. На провинившихся отцы духовные накладывали публичную эпитимію. И кроткіе дикари добровольно подчинялись ей, хотя зачастую эта эпитимія предписывала не только постъ и молитву, но и позорную экзекуцію розгами. Въ имущественномъ отношеніи въ этой „свободной теократіи“ царилъ полнѣйшій „коммунизмъ“ въ томъ смыслѣ, что весь продуктъ общественнаго труда подлежалъ безконтрольному вѣдѣнію и распоряженію

*) *Н. Бердяевъ.* Новое рел. созн. Предисловіе, с. V.

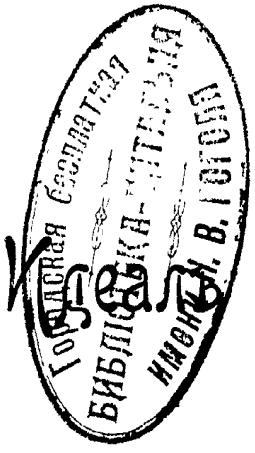
высшей духовной касты. Мало того, отцы іезуиты предвосхитили, повидимому, даже бердяевскій планъ религіозной организаціи половыхъ отношеній. По крайней мѣрѣ супружескія обязанности выполнялись тамъ не кое-какъ въ разбродъ, а въ строго опредѣленное время, по особому звону церковнаго колокола.

Здѣсь то ужъ правили міромъ профановъ исключительно „мудрецы и пророки“ и богатства ихъ создавались *только* „по божески“. Но, увы, и эта идеальнѣйшая аристократія духа, по компетентному отзыву Лафарга, представляла собою не болѣе, какъ „очень остроумную и прибыльную смѣсь крѣпостничества и рабства“. Или, какъ говоритъ Каутскій, это была „устроенная *для цѣлей эксплоатаціи* организація капиталистической колоніальной политики“ *)... И только.

Подводя итоги, мы вправѣ будемъ, думается, заключить настоящій очеркъ слѣдующимъ выводомъ: Какъ бы высоко порою не поднимались аристократы духа надъ мѣщанствомъ, но вполнѣ отъ него отрѣшиться они не властны. И такова иронія судьбы, что, отвернувшись отъ мѣщанства въ окружающей ихъ неприглядной дѣйствительности, аристократы духа вновь утверждаютъ его въ своихъ идеалахъ.

*) *К. Каутскій.* Изъ исторіи обществ. теченій. Спб. 1905 года сс. 328, 357.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.



Идеалъ „профановъ“.

Les grands ne nous paraissent grands
Que parce que nous Sommes à genoux.
Levons nous'

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Идеалъ „профановъ“.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Въ настоящемъ очеркѣ намъ предстоитъ противоположить вышеочерченнымъ идеаламъ аристократіи духа нашъ собственный демократическій идеалъ. Но оговоримся сразу.

Выступая противъ „героевъ духа“ въ защиту „толпы“, мы отнюдь еще не беремъ на себя роли адвокатовъ *всякой* толпы. Та толпа, напримѣръ, которая въ ибсеновскихъ Штокманахъ видитъ просто на просто „враговъ народа“, не вдохновляетъ и насъ на диффирамбы. Скажемъ даже больше. Едва ли желчные филиппики Ибсена по адресу „сплоченнаго большинства“ вызывали когда либо такой энтузіазмъ и въ наиболѣе аристократическихъ душахъ, какой они рождаютъ подчасъ въ сердцахъ самыхъ подлинныхъ представителей пролетарскаго демоса.

Быть можетъ это смахиваетъ на парадоксъ. И все же это несомнѣнный фактъ. Всѣ тѣ, кому удавалось видѣть д-ра Штокмана съ галерки Художественнаго Театра, находясь въ кругу зрителей-рабочихъ, могли, конечно, воочію убѣдиться въ этомъ фактѣ. Къ сожалѣнію галерка эта слишкомъ недоступна и для болѣе даже привиллегирован-

ной публики, чѣмъ рабочіе. И изъ числа послѣднихъ проникнуть туда удается лишь рѣдкимъ счастливцамъ.

Пишущему эти строки частенько приходитъ на память одинъ изъ такихъ счастливцевъ. Волею случая онъ чуть ли не прямо съ галерки Художественнаго Театра попалъ въ мѣсто гораздо болѣе доступное пролетаріямъ — въ тюрьму. Но и многомѣсячное одиночное заключеніе не изгладило въ немъ впечатлѣнія отъ рѣчей доктора Штокмана. И, перестукиваясь въ длинные зимніе вечера съ сосѣдомъ, онъ все дѣлился съ нимъ этимъ впечатлѣніемъ и недоумѣвалъ: какъ это онъ, столь рѣшительный демократъ, могъ такъ пылко аплодировать Штокману, этому хулителю сплоченнаго большинства?

Удивительнаго, однако, въ этомъ очень мало. Борецъ-пролетарій не можетъ не чувствовать инстинктивной ненависти и отвращенія къ той толпѣ, какую передъ нимъ рисуютъ Ибсены, Ницше или Андреевы, ибо всѣ они рисуютъ ее съ окружающей ихъ *мѣщанской* натуры. „Проклятое сплоченное *либеральное* большинство“ доктора Штокмана состоитъ сплошь изъ мѣщанъ, а мѣщане—классовый врагъ пролетаріата. Какъ же тутъ борцу-рабочему не аплодировать какому нибудь Штокману, Заратустрѣ или Саввѣ Тропинину, когда въ извивающемся подъ ихъ гибкими бичами джентльменѣ онъ узнаетъ своего классоваго врага.

Конечно, самимъ аристократамъ духа дѣло представляется иначе. Бичуя въ своей художественной сатирѣ самую что ни на есть конкретно-историческую, а значитъ и исторически-преходящую *мѣщанскую* толпу, они всегда воображаютъ, что имѣютъ дѣло съ „толпою“ вообще, съ абстрактной надъисторическою толпою. Возьмите хоть Леонида Андреева. Добросовѣстно изобразивъ жизнь мѣщанина, онъ говоритъ: вотъ „жизнь человѣка“. Духовное рабство и пошлость историческаго мѣщанства возводится имъ въ рангъ общечеловѣческой пошлости. И надъ нею

смѣло пишетъ онъ свое сверхъисторическое: „Такъ было —такъ будетъ!“

Пусть человѣчество давно ужъ раскололось на два враждующихъ лагеря. Пусть противъ „толпы“ погромщиковъ выростаетъ ужъ новая „толпа“—на баррикадахъ. И пусть эта новая толпа походитъ на прежнюю не больше, чѣмъ день на ночь, или то лицо двуликаго Януса, которое обращено къ будущему, на то, которое смотритъ въ прошедшее. „Для меня—скажетъ Андреевъ устами своего улетающаго „къ звѣздамъ“ героя—для меня *одинаковы всѣ люди*“.

А этотъ герой!.. Даже будучи *отцомъ* тѣхъ борцовъ, что гибнутъ на баррикадахъ, онъ не воспылаетъ священнымъ гнѣвомъ противъ подлинныхъ убійцъ дѣтей своихъ —противъ мѣщанъ—погромщиковъ. Нѣтъ, даже тутъ онъ лишь тоскливо взываетъ ко всему человѣчеству:

— „Безумцы! Слѣпцы, на себя (!?) поднимающіе руку!“

Все это было бы, пожалуй, трагично и красиво, еслибъ не было такъ... наивно. Самимъ борцамъ дѣло представляется куда проще.

„Въ васъ посылали бомбы?“ спрашиваютъ ихъ съ ужасомъ.

— „Буржуа защищался недурно“ — отвѣчаютъ они просто.

„Значитъ напрасно вся эта кровь, эти тысячи жертвъ, эта безпримѣрная борьба?“ съ отчаяніемъ восклицаютъ ихъ друзья-неврастеники, узнавъ о пораженіи.

— „Какъ же вы хотите, чтобы буржуа сразу отдалъ свое владычество надъ землей?.. Буржуа не дуракъ...“ спокойно отвѣчаютъ имъ побѣжденные.

Не въ томъ бѣда, стало быть, что люди „безумцы“, а въ томъ, что „буржуа не дуракъ“. По крайней мѣрѣ не настолько дуракъ, чтобы *на себя* поднимать руки, очищая безъ боя свои позиціи. Да, буржуа не дуракъ, и посылаетъ онъ свои бомбы не въ себя, конечно, а въ своего классо-

ваго врага—толпу будущаго. И посылаетъ онъ ихъ пока что не безъ успѣха. Но даже въ этомъ лишь полбѣды видитъ рѣшительный врагъ мѣщанства

„Борьба не кончена!“ Вотъ лаконическій отвѣтъ рабочаго Трейча на всѣ ламентаціи истеричнаго Лунца въ цитируемой пьесѣ Андреева.

Теперь читатель, надѣемся, пойметъ насъ. Не за то упрекаемъ мы аристократовъ духа, что они бичуютъ пошлость и ограниченность современной обывательской толпы, а за то, что они не провидятъ даже въ будущемъ *иной* толпы—толпы героической, толпы титанической, толпы равновеликихъ и равнопрекрасныхъ боговъ.

Знаемъ мы эту прокрустову равновеликость! скептически замѣтитъ тутъ аристократъ духа. Это тотъ самый идеалъ шигалевщины, который въ свое время изобразилъ нашъ Достоевскій въ своихъ „Бѣсахъ“:

„Каждый принадлежитъ всѣмъ, а всѣ каждому... Первымъ дѣломъ понижается уровень образованія, наукъ и талантовъ. Высокій уровень наукъ и талантовъ доступенъ только высшимъ способностямъ, — не надо высшихъ способностей! Высшія способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшія способности не могутъ не быть деспотами и всегда развращали болѣе, чѣмъ приносили пользы; ихъ изгоняютъ или казнятъ. Цицерону отрѣзывается языкъ, Копернику выкалываютъ глаза, Шекспиръ побивается камнями—вотъ шигалевщина!“

„Шигалевщина“, скажемъ мы на это, представляетъ собою довольно сердитую каррикатуру на демократическій идеалъ. Но она бьетъ мимо цѣли уже потому, что подлинные демократы вовсе не раздѣляютъ ея исходнаго положенія, будто „высокій уровень наукъ и талантовъ“ доступенъ лишь немногимъ избранникамъ.

Правда, въ современномъ буржуазномъ обществѣ такихъ „избранниковъ“ дѣйствительно мало, но это результатъ классоваго строенія этого общества, а не какихъ

либо иныхъ причинъ. Доступъ къ наукѣ и творчеству открытъ у насъ лишь привиллегированной кучкѣ хозяевъ жизни. Вся же остальная масса, вынужденная изо дня въ день бороться за кусокъ насущнаго хлѣба, не имѣетъ ни средствъ, ни времени для развитія своихъ талантовъ. А между тѣмъ, кто не знаетъ, какая жгучая жажда знаній и сколько дарованій таится въ коллективной груди этой трудящейся массы! Вотъ почему мы и думаемъ, что съ уничтоженіемъ классовъ, когда возможность всесторонняго развитія всѣхъ своихъ силъ и способностей получатъ въ одинаковой мѣрѣ всѣ люди, не воспользуются ею развѣ лишь совершенно ненормальные люди—калѣки и идіоты, то есть ничтожное меньшинство.

— Да, скажутъ намъ, но вы забываете, что и за вычетомъ идіотовъ останется еще отъ тупицы до генія—дистанція огромнаго размѣра. И едва ли вы будете оспаривать, что дюжинныхъ умовъ и тупицъ при всякихъ соціальныхъ условіяхъ будетъ гораздо больше, чѣмъ геніевъ, ибо геніями *родятся*, а не дѣлаются.

Нѣтъ, возразимъ мы на это. Съ послѣднимъ то мы какъ разъ и не согласны. И, какъ это ни странно, но въ этомъ пунктѣ мы находимъ себѣ поддержку иной разъ даже въ лагерѣ аристократіи духа. Тѣмъ, кто подъ дарованіями и талантами разумѣетъ нѣчто дающееся даромъ уже отъ рожденія, мы отвѣтимъ словами Ницше:

„Пожалуйста, не говорите о дарованіи, о прирожденныхъ талантахъ! Можно указать на множество великихъ людей, которые были мало одарены. Они пріобрѣли „величіе“, стали, такъ сказать, „геніями“ благодаря свойствамъ, въ недостаткѣ которыхъ никто охотно не сознается: у всѣхъ у нихъ была активная серьезность *ремесленника*, который сначала *учится строить* въ совершенствѣ части, а затѣмъ уже рѣшается приступить къ постройкѣ цѣлаго...“ *)

*) *Ф. Ницше.* Человѣческое etc, отр. 163.

О великихъ умахъ часто думаютъ „будто эти умы сверхчеловѣческаго происхожденія и обладаютъ какими то чудодѣйственными способностями, при помощи которыхъ они пріобрѣтаютъ познанія путями совершенно отличными, чѣмъ остальные люди". Но, конечно, это не больше, какъ „полумистическое суевѣріе" *„Культъ генія* — скажемъ мы вмѣстѣ съ Ницше — *есть отзвукъ обоготворенія деспотовъ*. Всюду, гдѣ является стремленіе возвысить отдѣльныхъ людей до степени чего то сверхчеловѣческаго, замѣтна наклонность представлять цѣлые слои народа болѣе грубыми и низкими, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ" *).

Все это заслуживаетъ, однако, болѣе обстоятельнаго развитія и обоснованія. Итакъ, къ дѣлу.

II.

Мы прекрасно знаемъ, какая огромная пропасть отдѣляетъ въ наше время генія отъ посредственности. Но пропасть эта соціальнаго происхожденія. Ее вырыли классовыя противорѣчія. Ее сгладитъ соціальная революція. Вотъ нашъ основной тезисъ.

Что же противополагаютъ ему наши противники?

Они говорятъ: геніемъ нужно *родиться*.

Какой же смыслъ слѣдуетъ влагать въ это утвержденіе? Не означаетъ ли оно, что геній можно лишь *умыслить*?

Но что такое геній? Чѣмъ отличается онъ отъ посредственности? Да ни чѣмъ инымъ, конечно, какъ своей большей или меньшей *творческой способностью*. Геній всегда идетъ дальше общепринятыхъ шаблоновъ и трафаретокъ, онъ создаетъ *новыя* цѣнности. Итакъ, передается ли эта творческая способность геніямъ по наслѣдству, по-

*) Тамъ же, отр. 164 и 461.

добно тому какъ наслѣдуются фамильныя помѣстья и капиталы или сифилисъ и подагра? Нѣтъ, отвѣтимъ мы рѣшительно, не передается. И въ подтвержденіе этого сошлемся на общеизвѣстный фактъ. Переберите всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ геніевъ, и вы увидите, что у всѣхъ у нихъ либо совсѣмъ не было потомковъ, либо эти потомки ровно ничѣмъ не выдавались изъ посредственности.

— Какъ! возразятъ намъ тутъ, пожалуй. Вы игнорируете всякое значеніе вѣкового накопленія путемъ наслѣдованія духовныхъ качествъ и моральныхъ традицій? Вы отрицаете возможность выработки этимъ путемъ высшей *породы* человѣка? Но вспомните родословіе чуть ли не всѣхъ нашихъ лучшихъ національныхъ героевъ. Развѣ это кухаркины дѣти? Нѣтъ, съ кровью матери всасывали они въ себя многовѣковую культуру и лишь поэтому стали высшими ея представителями.

Послушайте, напримѣръ, Достоевскаго.

— „Да, мальчикъ,—говоритъ онъ устами своего героя, аристократа духа Версилова,—повторю тебѣ, что я не могу не уважать моего дворянства. У насъ создался вѣками какой то еще нигдѣ невиданный высшій культурный типъ, котораго нѣтъ въ цѣломъ мірѣ,—типъ всемірнаго болѣнія за всѣхъ. Это типъ русскій, но такъ какъ онъ взятъ въ высшемъ культурномъ слоѣ народа русскаго, то, стало быть (?), я имѣю честь принадлежать къ нему. Онъ хранитъ въ себѣ будущее Россіи. Насъ можетъ быть, всего только тысяча человѣкъ—можетъ болѣе, можетъ менѣе—но вся Россія жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу".

Принимая все это за возраженіе, мы бы такъ отвѣтили. О версиловской тысячѣ „высшаго" типа всемірнаго болѣнія можно быть весьма различныхъ мнѣній. Но даже, ставя эту тысячу очень высоко надъ остальными ста тридцатью тысячами первенствующаго сословія, невольно за-

даешься вопросомъ. Да при чемъ же тутъ собственно вѣковое накопленіе и наслѣдованіе разныхъ духовныхъ качествъ и традицій? Вѣдь если господа Версиловы и представляютъ собою высшій культурный типъ, то представляютъ они его не потому, что *похожи* на своихъ сородичей Скотининыхъ и Собакевичей, а потому что *не похожи* на нихъ.

И въ самомъ дѣлѣ. Что за навыки и традиціи могъ бы передать своимъ дѣтямъ русскій баринъ? Навыки растлѣвающей праздности и распутства? Традиціи холопства передъ сильными и надругательствъ надъ слабѣйшими? Или каковы его феодальныя воспоминанія? „Крестовый походъ на провіантскій магазинъ? Поставки и подряды? Долгая откупная варѳоломѣевская ночь?“

„Да развѣ—замѣчаетъ по этому поводу Г. И. Успенскій—да развѣ я скажу объ этомъ хоть одно слово моему сыну?. Разумѣется никогда ни одного слова ни объ одномъ изъ моихъ рыцарскихъ подвиговъ“ *).

Медаль имѣетъ, правда, и другую сторону.

Верхніе слои народа обладаютъ богатствами. А богатство—живописуетъ Ницше—„необходимо ведетъ къ аристократизаціи расы. Оно даетъ возможность имѣть красивѣйшихъ женщинъ, оплачивать лучшихъ учителей, предоставляетъ людямъ время для тѣлесныхъ упражненій, а главное освобождаетъ отъ отупляющаго физическаго труда. Въ этомъ смыслѣ оно доставляетъ всѣ (!?) условія, чтобы люди черезъ нѣсколько поколѣній стали благородными и прекрасными и даже пріобрѣли большую свободу духа, отсутствіе жалкой мелочности, копѣечной бережливости и униженій передъ кормильцами“ **).

Что-жъ, скажемъ мы на это. Значенія „богатствъ“ для *возможности* широкаго развитія личности мы отрицать не

---

*) *Г. Успенскій.* Сочиненія. Т. V. 1884 г. с. 352.

**) *Ф. Ницше.* Человѣческое etc. отр. 479.

станемъ. Напротивъ даже. Мы для того лишь и стремимся соціализировать „богатства“, чтобы обезпечить этимъ путемъ возможность развитія всѣмъ и каждому. Но тутъ приходится ввести довольно существенныя оговорки.

Богатство способствуетъ развитію. „При этомъ нужно замѣтить,—оговаривается уже самъ Ницше,—что богатство приводитъ приблизительно къ однимъ и тѣмъ же результатамъ, имѣетъ ли данное лицо возможность тратить триста или тридцать тысячъ талеровъ въ годъ; за извѣстной границей возрастаніе благопріятствующихъ развитію обстоятельствъ становится незамѣтнымъ“. Это серьезная поправка. Но отъ себя мы внесемъ другую еще посущественнѣе.

Богатство благопріятствуетъ развитію, но далеко *не при всякихъ соціальныхъ условіяхъ*. Въ частности, оно отнюдь не улучшаетъ расы, если „даетъ возможность имѣть красивѣйшихъ женщинъ“—уродамъ и кретинамъ. Да и вообще, развѣ богатство вытравило „жалкую мелочность“ въ душахъ нашихъ отечественныхъ Плюшкиныхъ и Коробочекъ? Развѣ оно „облагородило“ Разуваевыхъ и Колупаевыхъ?

Но мы знаемъ какія условія создаютъ Разуваевыхъ и Колупаевыхъ. Это тѣ самыя условія, что обращаютъ богатство изъ служебнаго средства человѣка въ *самоцѣль*, служить которой приходится уже самому человѣку. Или говоря проще, это *господствующія нынѣ повсюду* условія капиталистическаго производства и присвоенія.

При нихъ то ужъ,—можно смѣло сказать,—богатство не развиваетъ, а скорѣе порабощаетъ и развращаетъ личность. А если и при нихъ все же случается, что какой нибудь Иванъ Разуваевичъ уродится не въ своего паукабатюшку, и выйдетъ изъ него дѣйствительно крупный, недюжинный человѣкъ, то при чемъ же тутъ опять таки *наслѣдованіе* разныхъ „качествъ“? Вѣдь если великій человѣкъ выходитъ иной разъ и изъ очень богатой семьи, то

выходитъ онъ изъ нея при указанныхъ условіяхъ не *благодаря* богатству своихъ предковъ Разуваевыхъ, а *вопреки* ему.

Какъ видитъ читатель, намъ вовсе нѣтъ надобности отрицать въ принципѣ *возможность* наслѣдованія разныхъ духовныхъ качествъ. Мы просто *не находимъ* его въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о происхожденіи генія. И не находимъ уже потому, что геній есть личность въ нашихъ соціальныхъ условіяхъ исключительная и, стало быть, *въ томъ что ее дѣлаетъ геніемъ*, отъ всѣхъ своихъ сородичей весьма отличная.

А впрочемъ о томъ, что ни порода ни богатства предковъ въ созданіи генія особой роли не играютъ,—говорятъ намъ и нелицепріятныя факты. Съ одной стороны наиболѣе „чистокровная“ знать и милліардеры явно вырождаются и все чаще производятъ на свѣтъ лишь жалкихъ кретиновъ. А съ другой—не мало великихъ людей выходитъ завѣдомо изъ самой что ни на есть демократически-пролетарской среды. Такъ, напримѣръ, Лютеръ былъ сыномъ рудокопа, Джемсъ Гарфильдъ вышелъ изъ дроворубовъ, Фарадэй—изъ кузнецовъ, Бебель—изъ токарей, Максимъ Горькій—изъ стрѣлочниковъ и т. д.

Намъ скажутъ: Пусть такъ. Пусть наслѣдованіе и не играетъ роли въ созданіи генія. Но это еще не колеблетъ нашего тезиса. Вѣдь бываютъ же уроды или слѣпые отъ рожденія, хотя бы уродство это или слѣпота и вовсе не передались имъ отъ предковъ. Такъ отчего бы не быть и геніямъ *отъ рожденія*, независимо отъ того, кто ихъ рождаетъ.

Да, отвѣтимъ мы. Слѣпцы рождаются отъ зрячихъ и наоборотъ. Но слѣпорожденный уже съ пеленокъ *органически*, то есть строеніемъ всей своей зрительной системы отличается отъ зрячаго. А великіе умы? А геніи? Развѣ въ отличіе отъ тупицъ они уже родятся о двухъ головахъ или семи пядей во лбу?

Правда, въ зрѣломъ возрастѣ объемъ черепной коробки и вѣсъ мозга у такъ называемыхъ великихъ людей въ большинствѣ случаевъ бываетъ выше средняго. И это вполнѣ понятно. Вѣсъ мозга у профессіональныхъ ученыхъ и философовъ возрастаетъ по той же причинѣ, по которой возрастаетъ вѣсъ мускуловъ у профессіональныхъ гимнастовъ и ярмарочныхъ силачей. Умственная гимнастика раститъ духовныя силы человѣка точно такъ же, какъ мускульная—силы физическія. Но изъ этого можно заключить лишь слѣдующее:

Для того чтобы стать геніемъ нѣтъ никакой нужды уже родиться одареннымъ чрезмѣрной силой духа, ибо эту силу легко пріобрѣсти упражненіемъ.

Таковъ выводъ, подсказываемый логикой. Но о томъ что чрезмѣрная одаренность отнюдь не составляетъ *необходимаго* условія для развитія творческихъ способностей генія, говорятъ и непосредственные факты. Извѣстно, напримѣръ, что емкость черепа у великаго Канта едва на $2^1/_3$ процента превышала соотвѣтствующую емкость у средняго нѣмца. Но это не мѣшало Канту казаться гигантомъ среди своихъ современниковъ. Та же емкость у Либиха и многихъ другихъ столь же крупныхъ ученыхъ была даже много ниже средней величины. А цѣлый рядъ геніевъ вродѣ Декарта, Торквато Тассо, Гвидо Рени, Гофмана, Шумана и др. и вовсе отличался такой малоголовостью, которая сближала ихъ съ настоящими идіотами-микроцефалами.

Мало того. Головной аппаратъ многихъ великановъ мысли не только по величинѣ, но и по строенію оставлялъ желать очень многаго. Низкій лобъ, сплющенный въ доску или вытянутый кувшиномъ черепъ, сращеніе швовъ, черепные склерозы, ассиметрія черепа, разные костные гребни, бугры, ямы и трещины и тому подобные признаки „низшей расы“, если не положительнаго уродства, заре-

гистрированы: у Макіавелли и Канта, у Петрарки, Данте, Байрона, Доницетти, Биша и многихъ другихъ рыцарей духа.

Все это факты общеизвѣстные. Толковать ихъ можно по разному, но одно безспорно. Они говорятъ, что стать творцомъ и созидать новыя цѣнности можно и не будучи семи пядей во лбу отъ рожденія.

III.

— Что же однако выдвигаетъ генія изъ толпы, если не его прирожденная одаренность?.. спроситъ насъ съ недоумѣніемъ читатель.

Вопросъ этотъ сложенъ, конечно, и отвѣтить на него сразу не такъ то просто. Прежде всего, во устраненіе недоразумѣній, замѣтимъ, что различной одаренности и вообще разнокалиберности людей мы отнюдь не отрицаемъ. Природа не любитъ повтореній. Она не создаетъ и двухъ человѣкъ равныхъ другъ другу во всемъ до тождества. Это фактъ несомнѣнный. Но, повторяемъ, для того, чтобы создавать новыя цѣнности, вовсе не требуется какой то исключительной, чудесной одаренности.

„Поразительно сложна—скажемъ мы словами Ницше—дѣятельность всякаго человѣка, не только генія: но ни одинъ изъ видовъ геніальности не представляетъ чуда". *) И, стало быть, даже человѣкъ малоодаренный отъ природы, то есть „посредственность" *при извѣстныхъ благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ* можетъ дорасти до „генія". Вотъ наше мнѣніе.

Весь вопросъ, такимъ образомъ, сводится лишь къ болѣе точному опредѣленію этихъ внѣшнихъ условій.

— Это пустой парадоксъ! перебьетъ насъ тутъ нетерпѣливый читатель. При чемъ тутъ *внѣшнія* условія. Чтобы

*) Тамъ же, отр. 162.

творить новыя цѣнности нужно несомнѣнно обладать чрезвычайно тонкой нервной организаціей и необычайной изощренностью чувствъ. Геній видитъ, слышитъ и предчувствуетъ цѣлые новые міры тамъ, гдѣ другіе ровно ничего не видятъ, не слышатъ и не чувствуютъ. А вѣдь „тупица" потому и называется этимъ именемъ, что всѣ органы чувствъ черезчуръ *тупо* отзываются на воздѣйствія внѣшняго міра. Это его органическій недостатокъ. Какія же внѣшнія силы могутъ сорвать у него съ глазъ его природную повязку, вытащить невидимый канатъ изъ ушей и пересоздать тупицу въ чуткаго генія?

Дѣйствительно, скажемъ мы на это, впечатлительность геніальныхъ людей въ большинствѣ случаевъ изумительна. „Каждое дуновеніе вѣтерка, малѣйшее усиленіе жара или холода превращается для нихъ,—по свидѣтельству Мантегацца,—въ тотъ засохшій розовый лепестокъ, который не давалъ заснуть несчастному сибариту". Или, говоря словами поэта,

Un souffle, une ombre, un rien
Leur donne la fièvre.

Но не нужно забывать, что столь рѣдкая впечатлительность, точно такъ же какъ и соотвѣтствующія ей исключительныя дарованія, у большей части великихъ людей отличаются крайней односторонностью.

Одни изъ нихъ могутъ похвалиться замѣчательной тонкостью слуха, другіе—необычайной остротой зрѣнія, третьи, какъ, напримѣръ, Альфіери или Гофманъ,—барометрической чуткостью къ атмосфернымъ вліяніямъ, четвертые—такимъ обоняніемъ, какъ у нѣкоего Урквиція, падавшаго въ обморокъ отъ запаха розы, и т. д. Съ другой стороны одни изъ нихъ обнаруживаютъ изумительные таланты въ области музыки, другіе—въ области живописи, ваянія или зодчества, третьи—въ области изящной литературы, четвертые—въ области какой либо точной науки и т. д. Но никогда еще всѣ эти способности и таланты не совмѣща-

лись сразу въ одномъ и томъ же лицѣ. Болѣе того. Можно сказать, что чѣмъ большія дарованія и остроту чувствъ обнаруживаетъ геній въ одной области, тѣмъ большей ограниченностью отличается онъ обычно во всѣхъ остальныхъ.

Въ подтвержденіе этого достаточно напомнить о той житейской непрактичности и безпомощности, которую обычно проявляютъ великіе люди. Уйдя съ головою въ свой особый, ими самими созданный міръ искусства или науки, эти люди какъ будто ничего уже больше вокругъ себя не видятъ и не понимаютъ.

Но и помимо этой „житейской“ безпомощности великіе люди за предѣлами своей спеціальности очень часто не способны усвоить себѣ понятій, доступныхъ даже наиболѣе дюжиннымъ людямъ. Фактъ этотъ общеизвѣстенъ. И читатель при желаніи найдетъ къ нему сколько угодно иллюстрацій въ литературѣ. Напомнимъ здѣсь хотя бы объ извѣстной книгѣ проф. Ломброзо.

„Между тѣмъ, какъ въ однѣхъ вещахъ,—говоритъ, напримѣръ, о себѣ Фосколо,—я въ высшей степени понятливъ, относительно другихъ пониманіе у меня не только хуже, чѣмъ у всякаго мужчины, но хуже, чѣмъ у женщины (?) или ребенка“. Или напомнимъ такіе характерные въ своемъ родѣ курьезы: Великій стратегъ, Наполеонъ, оказался совершенно неспособнымъ оцѣнить геніальную выдумку Фультона—пароходъ. А не менѣе великій въ области высшей математики Карданъ не умѣлъ извлекать квадратныхъ корней изъ чиселъ.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что духовной односторонности геніальныхъ людей зачастую сопутствуютъ и весьма существенные физическіе или физіологическіе изъяны. Такъ геніальный сатирикъ Свифтъ былъ по собственному признанію „слабоумнымъ, *глухимъ* и безсильнымъ“. Великій Карданъ, который въ отзывахъ своихъ современниковъ

является въ одно и то же время *и умнѣйшимъ изъ людей, и глупымъ, какъ ребенокъ*, по собственной характеристикѣ былъ *„зашкой*, хилымъ, съ слабой памятью“ и т. д.

Во всѣхъ подобныхъ фактахъ нѣтъ, разумѣется, ничего страннаго или необъяснимаго. Духовныя силы, точно такъ же какъ и физическая энергія, каждаго, даже наиболѣе одареннаго человѣка весьма ограничены. И потому, если ихъ очень много тратится на развитіе какой либо одной способности,—другія поневолѣ не только не поспѣваютъ за ней въ своемъ развитіи, но, оставаясь безъ упражненія, могутъ иной разъ и вовсе атрофироваться.

Это же положеніе можно повернуть и на иной ладъ.

Если извѣстный рядъ способностей атрофированъ у даннаго лица уже отъ природы или иныхъ причинъ и потому не поддается развитію, то тѣмъ большій потокъ духовной энергіи направится, производя соотвѣтствующія дѣйствія, по остальнымъ, еще свободнымъ путямъ и русламъ. Возьмемъ грубѣйшій примѣръ. Для слѣпорожденнаго уже съ колыбели закрыта цѣлая огромная область душевной дѣятельности и развитія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ той же огромной мѣрѣ, сокращается у него и расходъ жизненной энергіи по этой области. А между тѣмъ общій запасъ энергіи у слѣпорожденнаго при прочихъ равныхъ условіяхъ отнюдь не меньше обычнаго средняго Стало быть, въ результатѣ невольной экономіи по зрительной области у него долженъ оказаться извѣстный избытокъ энергіи. Куда же дѣвается этотъ избытокъ? Очевидно идетъ на усиленную жизнедѣятельность и развитіе другихъ органовъ чувствъ и соотвѣтствующихъ имъ способностей.

И дѣйствительно общеизвѣстный фактъ изумительнаго развитія у слѣпыхъ слуха и осязанія вполнѣ подтверждаетъ эту гипотезу.

Но тутъ мы подходимъ вплотную къ слѣдующему любопытному выводу, Если нѣтъ всеобъемлющаго по своей

разносторонности генія, то едва ли мыслимъ и всесторонній тупица. Въ самомъ дѣлѣ. Чѣмъ тупѣе чувства и ограниченнѣе способности даннаго лица во всѣхъ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ мы съ нимъ соприкасаемся, тѣмъ больше вѣроятія, что накопленная имъ энергія ищетъ себѣ выхода на какомъ либо иномъ еще незамѣченномъ нами пути, гдѣ при благопріятныхъ условіяхъ она могла бы вылиться въ очень крупное дарованіе. Говоря иначе, кто знаетъ, не заключается ли и въ каждой „тупицѣ“ какой нибудь еще нераскрывшійся геній—геній въ потенціи!

И пусть насъ не пытаются смутить вопросомъ: почему же „потенціальныя“ дарованія тупицъ такъ никогда и не выходятъ изъ состоянія потенціи? Ибо мы отвѣтимъ на это: а развѣ это такъ безспорно, что они не выходятъ изъ этого состоянія? Развѣ мы не встрѣчаемъ типичнѣйшихъ чертъ тупицы и у признанныхъ геніевъ?

Но, если бы это было даже не такъ, и еслибъ изъ „тупицъ“ дѣйствительно никогда не выходило ничего путнаго въ нашихъ жизненныхъ условіяхъ,—мудренаго въ этомъ ничего бы не было. И впрямь, что мудренаго, если выхода своимъ духовнымъ силамъ не находятъ люди, загнанныя внѣшними условіями въ такой глухой соціальный тупикъ, изъ котораго и нѣтъ никакого выхода. Въ такомъ тупикѣ совсѣмъ не хитро оставаться тупицей.

Пояснимъ это однако двумя примѣрами. Пусть бы слѣпого Гомера заставили учиться живописи или глухого Свифта—музыкѣ. Скажите, не пришлось ли бы ихъ обоихъ записать въ непроходимые тупицы. Или возьмемъ другой, болѣе близкій къ жизни примѣръ. Пусть бы Рихарда Вагнера или Генриха Гейне посадили съ дѣтства въ мелочную лавочку за прилавокъ и заставили торговать кислыми щами и баварскимъ квасомъ. Кто знаетъ, что изъ этого бы вышло? Быть можетъ, вмѣсто творца музыки будущаго тогда выросъ бы за прилавкомъ какой нибудь ординарнѣйшій „гитаристъ и соблазнитель деревенскихъ

дуръ“, а изъ сладчайшаго пѣвца любви и великаго поэта-пересмѣшника вышелъ бы просто плоскій забавникъ и гороховый шутъ.

Но что такое весь нашъ мѣщанскій общественный строй, какъ не одинъ гигантскій воспитательный прилавокъ, за которымъ насъ учатъ „переоцѣнивать“ лишь чай да кофе!

IV.

Да, увы! современный прометей прикованъ уже не къ скалѣ, а къ мѣщанскому прилавку, и его печень день и ночь терзаетъ не злой коршунъ, а пятикопѣечный интересъ. И какъ терзаетъ!

Какія бы у васъ ни были геніальныя задатки, и сколько бы вы не скопили въ себѣ энергіи для ихъ развитія— копѣечный интересъ поглотитъ все. Да и какъ не поглотить. Вѣдь ѣсть-пить всякому нужно, а манна съ небесъ давно ужъ къ намъ не падаетъ. Чтобы не умереть съ голоду современный труженикъ долженъ къ тому же всю жизнь откармливать цѣлую стаю ненасытныхъ хищниковъ— паразитовъ капитализма, ибо лишь насытившись по горло его кровью, они и ему швыряютъ пятачокъ на корку хлѣба. И вотъ ради этого пятачка сотни милліоновъ людей затрачиваютъ совершенно безплодно для ума и сердца такую уйму душевныхъ и физическихъ силъ, что больше уже ни на что не хватаетъ

Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ лишь совершенно исключительное стеченіе обстоятельствъ, именуемое „случаемъ“, можетъ выдвинуть то или иное дарованіе изъ соціальныхъ глубинъ на поверхность. Но и здѣсь еще пятачковый интересъ по пятамъ преслѣдуетъ свои жертвы.

Кому знакомы вкусы и нравы мѣщанскаго міра, тотъ легко пойметъ почему великіе художники и мыслители, отдаваясь своимъ дарованіямъ, такъ часто становятся

людьми „не отъ міра сего“. Къ сожалѣнію не всѣмъ это доступно. Холодную печку не согрѣешь вѣдь никакими порывами вдохновенія. Да и пустого желудка не заполнишь великими мыслями. И потому „сей“ мѣщанскій міръ многимъ и многимъ очень больно напоминаетъ о своемъ существованіи. Голодъ и холодъ толкаетъ ихъ идти на содержаніе къ хозяевамъ жизни, а, стало быть, и угождать ихъ хозяйскимъ вкусамъ и требованіямъ. А тутъ ужъ одинъ конецъ. Крупнѣйшія художественныя и научныя силы размѣниваются на пятачковыя порнографіи, растрачиваются на грошевыя апологіи мѣщанства и безслѣдно гибнутъ въ пучинѣ забвенія.

А хозяева жизни?

Ихъ, конечно, не угнетаетъ нужда. Но подлая жизнь воспитала въ нихъ прочное убѣжденіе, что на свѣтѣ нѣтъ ничего столь высокого или святого, что не продавалось бы за пятакъ. И вотъ въ то время, какъ для другихъ погоня за этимъ пятакомъ виситъ надъ головой тяжелой и страшной, какъ кошмаръ, необходимостью, хозяева жизни возвели ее въ свой идеалъ добровольно и уже не за страхъ, а за совѣсть, живутъ все тѣмъ же пятикопѣечнымъ интересомъ.

Какія же дарованія могутъ *у нихъ* развиться? Стать какимъ-нибудь „писакой“ или „комедіантомъ?“ Фи! Это ниже ихъ многопятаковаго достоинства. Промышленный геній? Но вѣдь и онъ для нихъ значитъ не больше, чѣмъ географія для Митрофанушки. Зачѣмъ Митрофанушкѣ географія, коли на то существуютъ извозчики? Къ чему хозяевамъ жизни промышленный геній, коли у нихъ есть на то инженеры! Вотъ дипломатическая или вообще государственная карьера—это еще, пожалуй, господское занятіе. Но и ради него не стоитъ себѣ особо ломать голову, ибо „на то“ есть разные мелкотравчатые личные секретари и ассистенты.

Мы не станемъ, разумѣется, утверждать, что современныя господа жизни лишены всякихъ дарованій уже отъ

рожденія. Вовсе нѣтъ. Очень возможно, что при иныхъ условіяхъ даже изъ великосвѣтскихъ шаркуновъ и гурмандовъ выработались бы вмѣсто бездарныхъ дипломатовъ и безталанныхъ администраторовъ—геніальные балетмейстеры и идеальнѣйшіе кухмистеры. И вся бѣда, стало быть, въ томъ, что соціальныя условія, закрывъ этимъ шаркунамъ и гурмандамъ доступъ къ ихъ истинному призванію, сыграли надъ ними очень злобную шутку. Дипломатическіе вольты и пируэты, увы, приходится продѣлывать головой, а не ногами. Что же тутъ мудренаго, если человѣкъ даже съ большимъ характеромъ въ ногахъ и спеціальной подготовкой къ паркету—спотыкается, совершая воздушныя па головою.

Или взять нашихъ администраторовъ.

Знатоки и цѣнители всевозможныхъ окрошекъ, майонезовъ, винигретовъ и сборныхъ селянокъ по московски, они и въ политикѣ въ качествѣ руководящей государственной идеи исповѣдуютъ въ лучшемъ случаѣ эклектическую похлебку изъ Руссо и Макіавелли или Аракчеева съ Маниловымъ.

Печальная картина!

И печальна она не потому, что обнаруживаетъ отсутствіе оригинальныхъ государственныхъ идей у нашихъ администраторовъ. Въ этомъ повинны, конечно, не сами администраторы, а ихъ личные секретари. Печально же то, что по обидной ироніи исторіи такъ безплодно гибнутъ, не находя себѣ лучшаго примѣненія, быть можетъ геніальные кулинарные задатки.

Вернемся, однако, къ шигалевщинѣ.

Въ ея основѣ, какъ мы уже указывали, лежитъ довольно метафизичное заблужденіе, будто возвыситься надъ „посредственностью“ всегда и при всякихъ обстоятельствахъ могутъ лишь исключительно одаренные рѣдкіе люди. Это, конечно, не болѣе, какъ предразсудокъ, не имѣющій подъ собой иной почвы, кромѣ специфическаго презрѣнія къ

„черни“ аристократовъ духа. Вспомните вольтеровское: „Разумъ восторжествуетъ у порядочныхъ людей, сволочь же вовсе не для него создана“. Такимъ образомъ, шигалевщина, скрывая подъ демократической фразой своихъ выводовъ насквозь аристократическую идеологію посылокъ, могла бы смутить лишь развѣ наиболѣе невинныхъ политическихъ младенцевъ.

Намъ, демократамъ, не страшны деспотическія наклонности „высшихъ способностей“, ибо мы знаемъ, что деспоты выростаютъ лишь среди рабовъ или барановъ. Мы же боремся за такія условія жизни, гдѣ ни тѣхъ, ни другихъ уже не будетъ. Не рѣзать языки Цицеронамъ и выкалывать глаза Коперникамъ, а создать возможность широкимъ массамъ становиться Цицеронами и Коперниками, сдѣлавъ „высокій уровень наукъ и талантовъ“ общедоступнымъ,—вотъ истинно-демократическая задача.

И она вполнѣ осуществима. Геніи такъ велики и рѣдки по сравненію съ толпою пигмеевъ посредственности лишь потому, что эта толпа придавлена тяжелой соціальной глыбой и стоитъ на колѣняхъ. Но стоитъ лишь ей столкнуть съ своихъ плечъ эту глыбу, стоитъ лишь современному Прометею разбить свои соціальныя цѣпи и отогнать отъ себя прочь злого коршуна—заботу о завтрашнемъ днѣ—какъ все человѣчество выпрямится во весь ростъ и научится смотрѣть на своихъ Коперниковъ не съ низу вверхъ, съ преклоненіемъ, а прямо въ лицо, какъ равный равному.

— Не увлекайтесь! остановитъ насъ тутъ читатель-скептикъ. Общедоступность высокаго уровня наукъ и искусствъ отнюдь еще не устранитъ естественнаго неравенства и естественной іерархіи человѣческихъ душъ. Какъ ни высокъ средній уровень Альпъ по сравненію съ какой-нибудь низменной равниной, но отдѣльныя горы-великаны все же царственно возвышаются даже надъ этимъ уровнемъ, теряясь въ облакахъ своими снѣговыми вершинами.

Еще одно недоразумѣніе!.. скажемъ мы на это. Люди довольно сильно различаются между собой своими задатками и наклонностями уже отъ рожденія. Это фактъ. И при томъ очень цѣнный. Вѣдь будь всѣ люди похожи другъ на друга, какъ червонцы одной чеканки,—имъ даже при наличности всѣхъ доблестей и совершенствъ было бы убійственно тошно жить другъ съ другомъ. Тошно уже потому, что никому изъ нихъ нечего уже было бы ни дать ни взять у другого. Къ счастію, этого нѣтъ и не будетъ. Люди всегда будутъ различаться другъ отъ друга. Только не всегда будутъ основанія превозносить одного надъ другимъ по нынѣшнему.

Объяснимся. Сравнивать между собою возможно лишь однородныя величины. Людей, стало быть, можно сравнивать между собой лишь до тѣхъ поръ и постольку, поскольку они *повторяютъ* другъ друга. Но попробуйте рѣшить кто выше: Великій композиторъ Шуманъ или великій естествоиспытатель Кювье? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что малоголовый Шуманъ былъ не такъ богато одаренъ природой, какъ великій Кювье, съ его гипертрофіей мозга. Но каждый изъ нихъ былъ творцомъ *въ своей области*, и области эти столь различны, что возможно одно лишь сужденіе: каждый изъ нихъ великъ въ своемъ родѣ. Говоря иначе, при всемъ многоразличіи такихъ людей, они для насъ *равноцѣнны*.

Вотъ такой то случай оцѣнки и станетъ, по нашему, наиболѣе общимъ правиломъ въ демократіи будущаго—въ соціалистической демократіи.

Въ самомъ дѣлѣ... Все то, что слишкомъ часто встрѣчается, низко и цѣнится. Поэтому *и въ себѣ* каждый человѣкъ больше всего цѣнитъ то, чего не встрѣчаетъ въ другихъ,—свою индивидуальность. И,—когда соціалистическій строй обезпечитъ ему возможность *всесторонняго* развитія,—совершенствовать въ себѣ каждый станетъ, естественно, прежде всего то, что для него всего дороже, то есть опять-таки свои *индивидуальныя* особенности. А такъ

какъ разнообразію этихъ особенностей, вообще говоря, нѣтъ предѣловъ, то въ результатѣ такого преимущественнаго ихъ развитія каждый человѣкъ представитъ собою вполнѣ оригинальную, яркую и выпуклую индивидуальность.

Тѣхъ, кого теперь, по выраженію Ницше, „слишкомъ много", то есть людей съ очень слабо выраженной индивидуальностью или, говоря проще, людей повторяющихъ другъ друга и потому по сравненію съ прочими никакой особой, ни съ чѣмъ несравнимой цѣнности не представляющихъ,—такихъ людей тогда совсѣмъ все будетъ. Но безъ пьедестала „безкачественной массы" немыслимы, разумѣется, и „аристократы духа". Всѣ подраздѣленія подобнаго рода, стало быть, отпадутъ. И это понятно, ибо въ обществѣ, каждый членъ котораго представляетъ собою свою собственную, не повторяющуюся въ другихъ цѣнность, всѣ его члены *съ точки зрѣнія полноты цѣлаго* въ равной мѣрѣ велики, прекрасны и цѣнны.

V.

Итакъ соціализмъ ведетъ не къ механическому выравниванію индивидуальностей по способу пресловутаго царя Прокруста, а къ наиболѣе яркому и пышному ихъ расцвѣту. Вотъ выводъ, на который слѣдовало бы обратить особое вниманіе всѣмъ аристократамъ духа. Но тутъ необходима оговорка.

Эпоха соціализма будетъ эпохой расцвѣта индивидуальностей, но не индивидуализма. Индивидуализмъ провозглашаетъ: „сильнѣе всѣхъ тотъ, кто одинъ", и зоветъ къ возможно болѣе рѣзкому обособленію каждой личности въ узкой сферѣ ея индивидуальныхъ чувствованьицъ и переживаній. Но не то ожидаетъ насъ въ соціалистическомъ строѣ. Тамъ, напротивъ, каждая индивидуальность, какъ отдѣльная струна многозвучной арфы, лишь тогда и проявитъ всю свою красоту и силу, когда зазвучитъ *въ общемъ* могучемъ аккордѣ.

Ради иллюстраціи этой антитезы мы позволимъ себѣ заимствовать у Г. И. Успенскаго слѣдующую картину „безвременья“ на фабрикѣ въ перерывъ работы.

„Живая сила пара еще дѣйствуетъ, и на фабрикѣ идетъ шумъ и стукъ; вотъ здѣсь пыхтитъ какой то здоровенный поршень, хляская масляной поверхностью, пыхтитъ и неустанно толчется на одномъ мѣстѣ; тамъ, вверху, неустанно неутомимо, неугомонно вертится какое то маленькое колесцо, вертится ужасно проворно, кажется бьется изъ всѣхъ силъ. до послѣдняго издыханія; а здѣсь вотъ до послѣдняго издыханія прыгаетъ какой то крючекъ, прыгаетъ на одномъ мѣстѣ милліонъ разъ въ секунду. Но сколько бы ни вертѣлось это колесцо, какую бы безконечнѣйшую неутомимость не обнаруживалъ этотъ поршень, до поту лица измученный своей вѣковѣчной обязанностью соваться внизъ и вверхъ, какъ бы ни изнурялся этотъ крючекъ, безъ устали долбящій своимъ желѣзнымъ носомъ по желѣзу... всѣ эти мученія совершенно безплодны“.

Таково современное индивидуалистическое безвременье.

„Но стоитъ только—продолжаетъ Успенскій—надѣть приводный ремень, то есть стоитъ только соединить эластичной нитью это отдѣльно мучающееся колесцо со всѣмъ механическимъ міромъ фабрики, со всѣмъ машиннымъ „обществомъ“,—какъ все приходитъ въ порядокъ, все получаетъ смыслъ, все начинаетъ стучать, и долбить, и пыхтѣть съ извѣстной цѣлью, и на этотъ разъ изъ пыхтѣнія, и шипѣнія, и долбленія ужъ непремѣнно получится результатъ—и сукно, и ситецъ“ *).

Сукно и ситецъ—это „результатъ“ несомнѣнно очень скромный. Но расширьте масштабъ картины. Подставьте на мѣсто машиннаго „общества“ жалкой фабрички огромный міръ человѣческихъ отношеній. И пусть каждое оди-

---

*) *Успенскій.* Сочиненія, Т. VIII. 1886 г „Одинъ на одинъ“ с. 353—4.

нокое колесцо въ немъ, безъ устали вертящееся нынѣ на оси своего личнаго интереса, соединится со всѣми прочими колесцами эластичной нитью соціальной солидарности. Тогда, разумѣется, и въ результатѣ коллективнаго творчества этого новаго міра получится ужъ нѣчто гораздо болѣе грандіозное и привлекательное, чѣмъ фабричныя сукна и ситцы. Но именно къ такому грандіозному коллективному творчеству отъ современнаго мучительнаго и безплоднаго „безвременья“ и указываетъ намъ дорогу соціалистическій идеалъ.

Свободно черпая изъ общечеловѣческой сокровищницы неисчислимыя богатства духа, гражданинъ будущаго высшей своей гордостью будетъ считать—внести и съ своей стороны посильную лепту въ эту сокровищницу. Но, гармонично сопрягая свои усилія съ усиліями другихъ въ достиженіи наиболѣе общей всѣмъ цѣли—обогащенія жизни, каждый пойдетъ къ ней своей собственной дорогой. Онъ пойдетъ къ ней дорогой своихъ индивидуальныхъ склонностей и дарованій, заботливо культивируя въ себѣ при этомъ и свой особый, ему одному присущій „стиль“. И тогда, какъ бы ни мала была количественно его лепта по сравненію съ вкладами другихъ болѣе одаренныхъ личностей,—она будетъ новой, несравнимой съ другими цѣнностью,—она будетъ велика въ своемъ родѣ.

Намъ скажутъ: все это прекрасно. Но не выразится ли ваша „индивидуализація“ просто на просто въ томъ, что каждый гражданинъ будущаго, чтобы „не повторять“ другихъ, отмежуетъ себѣ какую нибудь спеціальность не шире комариного носа и замкнется въ ней на всю жизнь? Оно, конечно, если допустить, что задачей жизни каждый поставитъ себѣ детальное изученіе какого нибудь одного микроба, и что такихъ еще неизученныхъ микробовъ хватитъ на всѣхъ желающихъ, то индивидуализація получится „идеальная“. Стоитъ ли ее только возводить въ *идеалъ?*

Нѣтъ, возразимъ мы на это. Гражданинъ будущаго меньше всего будетъ узкимъ и сухимъ спеціалистомъ. Правда, геній человѣка и вообще не всеобъемлющъ. Но односторонность и узость *современнаго* генія въ очень значительной степени зависитъ отъ соціальныхъ условій его развитія. Слишкомъ ужъ трудно въ этихъ условіяхъ достигнуть чего либо *крупнаго* въ различныхъ областяхъ сразу, и потому волей-неволей приходится жертвовать многими склонностями ради удовлетворенія хотя бы одной изъ нихъ. Но не то будетъ въ соціалистическомъ строѣ.

Устраненіе соціальнаго гнета въ связи съ коренной революціей всей системы воспитанія облегчитъ возможность развитія всѣхъ наличныхъ способностей каждаго до послѣдней степени. Въ то же время замкнуться въ слишкомъ узкой области—гражданъ будущаго не допустятъ ни ихъ широкіе общественные интересы, ни ихъ разностороннее предварительное образованіе. Такимъ образомъ геній будущаго будетъ несравненно многостороннѣе и шире, чѣмъ онъ могъ быть донынѣ. И все же эта относительная многосторонность гражданъ будущаго отнюдь не пойдетъ, въ ущербъ своеобразности ихъ индивидуальностей. Ибо индивидуальный стиль человѣка опредѣляется не только тѣмъ *что* именно останавливаетъ его вниманіе, но и тѣмъ *угломъ зрѣнія*, подъ которымъ онъ видитъ все, передъ чѣмъ останавливается.

Здѣсь намъ предстоитъ однако отразить еще одно возраженіе. На этотъ разъ—идущее, совсѣмъ съ другой стороны.

— Вы допускаете, скажетъ намъ какой нибудь ультраматеріалистъ, что природное многоразличіе людей сохранится и въ будущемъ строѣ. Но логично ли это? Вѣдь люди рождаются разными не случайно, а потому лишь, что слишкомъ ужъ различны тѣ матеріальныя условія существованія, въ которыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе росли и развивались ихъ предки. И вотъ, если исчезнетъ эта

причина, не должны ни исчезнуть и слѣдствія? Мысля матеріалистически, вы должны признать, что человѣкъ всегда въ концѣ концовъ становится такимъ, какимъ его дѣлаетъ внѣшняя среда.

„Der Mensch ist was er isst".

И въ то же время вы стремитесь къ такому строю, въ которомъ бы исчезло все многоразличіе внѣшней среды отъ царскаго дворца до жалкой хижины. Вы хотите, чтобы всѣ получили возможность жить и развиваться въ равныхъ условіяхъ. Прекрасно. Но будьте же логичны, и пеняйте ужъ на себя самихъ, если вмѣсто разносторонняго расцвѣта индивидуальностей вы рано или поздно придете къ окончательному сглаживанію ихъ всѣхъ подъ одинъ шаблонъ.

Разберемъ это разсужденіе. Вся его убѣдительность покоится на томъ предвзятомъ мнѣніи, что матеріальныя условія существованія въ соціалистическомъ строѣ будутъ однообразнѣе нынѣшнихъ. Но вѣрно ли такое мнѣніе? Нѣтъ, невѣрно.

Вѣдь нельзя же рисовать себѣ соціализмъ въ видѣ какого то фаланстера или аракчеевской казармы. Пусть дѣйствительно погибнетъ одно различіе между дворцомъ и хижиной. Эта погибель обогатитъ жизнь милліонами новыхъ различій. На развалинахъ жалкихъ и однообразныхъ какъ оттиски съ одного и того же клише, хижинъ—вырастутъ тысячи сказочно-дивныхъ воздушныхъ замковъ изъ стекла и желѣза. И всѣ эти феерическія постройки будущаго и по величинѣ своей, и по красотѣ, и по стилю будутъ столь же многоразличны, какъ многоразличны вкусы высоко развитыхъ индивидуальностей. То же самое можно бы повторить объ одеждѣ, о пищѣ и прочихъ матеріальныхъ слагаемыхъ такъ называемой внѣшней среды.

Нѣтъ, нивеллируетъ людей нужда, а не соціализмъ. Нужда—вотъ величайшій „нивеллировщикъ" современности. Лишь нужда загоняетъ нынѣ сотни милліоновъ людей, какъ

въ хлѣвъ, въ одни и тѣ же шаблоны. Лишь нужда запираетъ ихъ въ однѣ и тѣ же каморки. Лишь нужда одѣваетъ ихъ въ однѣ и тѣ же грязныя рубища. Лишь нужда кормитъ ихъ однимъ и тѣмъ же мякиннымъ хлѣбомъ. Нужда нивеллируетъ, ибо она не оставляетъ людямъ выбора. Но пусть лишь соціализмъ освободитъ эти сотни милліоновъ отъ гнета злой вѣдьмы нужды, и, повѣрьте, они сумѣютъ *выбирать*. Не вкусы свои станутъ они тогда приспособлять къ условіямъ жизни, а сами эти условія приспособятъ къ своимъ вкусамъ. И это создастъ такое многообразіе жизни, о которомъ теперь трудно даже составить себѣ представленіе.

Но этимъ еще не все сказано.

Формула: „человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ"—слишкомъ грубо передаетъ матеріалистическій взглядъ на зависимость человѣка отъ внѣшней среды. Дѣло не въ одной ѣдѣ, конечно. И даже не во всей окружающей обстановкѣ. Обстановка—это большей частью бутафорія жизни. Но не бутафорія, а главнымъ образомъ родъ дѣятельности человѣка опредѣляетъ его характеръ и индивидуальность. И это понятно, ибо лишь *активно расходуя* свой запасъ энергіи въ томъ или иномъ направленіи мы *развиваемъ* въ себѣ тѣ или иныя свойства и способности. Но дѣятельность всякаго рода можетъ быть либо механической, либо творческой. Первая изъ нихъ осуществляется привычнымъ образомъ, по давно и всѣмъ извѣстнымъ шаблонамъ. Она ставитъ всѣхъ въ тождественныя условія и потому *нивелируетъ* людей. Вторая—творческая дѣятельность—есть исканіе новыхъ путей, къ новымъ цѣнностямъ. Въ этихъ исканіяхъ люди расходятся. Она ихъ индивидуализируетъ.

Понятно, однако, что на творческій трудъ ради новыхъ цѣнностей можетъ быть израсходованъ лишь тотъ избытокъ энергіи, который остается за покрытіемъ всѣхъ привычныхъ нуждъ первой необходимости—трудомъ механическимъ. Но остается ли такой избытокъ у современнаго

пролетарія? Конечно, нѣтъ. Громадное большинство современнаго человѣчества обречено всю жизнь тянуть одну и ту же нивеллирующую лямку трафаретно-механическаго труда. И лишь соціализмъ, открывъ всѣмъ и каждому доступъ къ труду творческому, двинетъ этимъ все человѣчество по пути индивидуализаціи

— Позвольте, позвольте! съ живостью возразитъ намъ на это какой нибудь ницшеанецъ. Да если все человѣчество займется творчествомъ, то кто же возьметъ на себя трудъ механическій, безъ котораго не можетъ вѣдь обойтись и соціалистическое общество? Хорошо было эллинамъ творить свою высокую культуру, когда всю черную работу дѣлали за нихъ ихъ рабы. Но вѣдь вы отрицаете рабство — это необходимое условіе всякой культуры. Будьте же мужественны и во имя равенства отрицайте всякое творчество, отрицайте и плоды его — культуру. Если же васъ не соблазняетъ „дурацкое“ царство Л. Н. Толстого, если вы дорожите культурой, то будьте же послѣдовательны и не отвергайте рабства.

Вотъ не шуточная дилемма! Для тѣхъ, кто безсиленъ ее разрѣшить,—это страшная, роковая дилемма. Вѣдь ея не утопишь въ потокахъ моральнаго негодованія. Но намъ она не страшна. Мы принимаемъ вызовъ.

Да,—скажемъ мы,—толстовскій идеалъ насъ не прельщаетъ. Да, мы дорожимъ культурой. Вы требуете отъ насъ смѣлой послѣдовательности? Ну что-жъ. Вы утверждаете, что свободные творцы нуждаются въ рабахъ? Охотно признаемъ это. Да, рабы нужны. Это вѣрно. И мы будемъ имѣть ихъ. Въ соціалистическомъ строѣ ихъ будетъ даже больше, чѣмъ когда либо. Если въ древней Элладѣ на одного гражданина приходилось по десятку рабовъ, то при соціализмѣ ихъ будетъ на каждаго по тысячѣ. И какихъ!.. Творцы будущаго умерли бы отъ гордаго презрѣнія къ себѣ самимъ, еслибъ имъ пришлось пользоваться помощью рабовъ, столь жалкихъ и безсильныхъ, какъ тѣ,

которыми созидалось величіе Эллады. О, нѣтъ. Наши рабы будутъ мощнѣе титановъ, ибо мы выкуемъ ихъ изъ огня и желѣза!

— Э-э-э!—разочарованно протянетъ тутъ ницшеанецъ. Такъ вы это про машины?..

Да, про машины. Вся тяжесть привычнаго, то есть по существу дѣла, единообразно-механическаго труда, можетъ, а слѣдовательно и должна быть переложена на плечи желѣзныхъ рабовъ — машины. Растрачивать драгоцѣнную энергію мышцъ и мозга тамъ, гдѣ ее можно замѣнить гораздо болѣе дешевымъ паромъ и электричествомъ,—было бы чистымъ безумiемъ. Правда, всегда останется и такая доля механическаго труда—по присмотру и уходу за желѣзными рабами,—которую придется брать на себя людямъ. Но съ тѣхъ поръ эта въ общей суммѣ ничтожная доля распредѣлится равномѣрно между всѣми членами общества, обратившись въ столь незначительную часть трудового дня, что, вообще, сойдетъ за моціонъ или забаву.

БИБЛІОТЕКА ПЕРЕВОДЧИКА

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Какъ жалки причитанія господъ идеалистовъ объ „изувѣрствѣ“ соціалдемократовъ, готовыхъ, де, навалить безкачественную механику матеріальнаго труда даже на человѣка „высшаго“ призванія,—судить объ этомъ предоставимъ теперь самому читателю.

Бѣдный г. Бердяевъ! Ему и невдомекъ было, что высшее призваніе можетъ обнаружиться *въ каждомъ* человѣкѣ. Нѣтъ, господа хорошіе! Изувѣрство не тамъ, гдѣ вы его ищете. Оно вокругъ васъ, въ жизни. Оно въ вашей идеѣ. Свалить весь черный, отупляюще - однообразный трудъ съ людей мнящихъ себя избранниками на всѣхъ прочихъ, чуждыхъ этой претензіи,—вотъ изувѣрство! Вотъ

самая тупая и грубая шигалевщина, ибо она выкалываетъ глаза и урѣзываетъ языки у еще не обнаружившихъ своего высшаго призванія Коперниковъ и Цицероновъ.

Разберемъ, однако, рядъ другихъ возраженій аристократіи духа, направленныхъ противъ профановъ и ихъ идеала.

Какое непониманіе этого идеала обнаруживаютъ, напримѣръ, аристократы духа въ своихъ потугахъ представить демократію врагомъ поэзіи, искусства и вообще всякаго духовнаго прогресса!

Оно, конечно, понятіе „духовнаго прогресса“ безъ дальнѣйшей конкретизаціи его содержанія—это не болѣе, какъ пустая абстрактная фраза. Въ *классовомъ* обществѣ очень часто то, что для однихъ представляется величайшимъ „прогрессомъ“, для другихъ оказывается вещью совершенно безразличной, если не прямымъ бѣдствіемъ. И потому, что̀ мудренаго, если мѣщане въ спорѣ со своими антагонистами обмѣняются иной разъ такими примѣрно репликами:

— „Торжество такихъ людей, какъ вы,—затянетъ свою любимую волынку какой нибудь „траурный“ идеологъ отмирающаго мѣщанства — повело бы за собою крушеніе культуры“.

— „И къ чорту!—оборветъ его въ сердцахъ чей нибудь озлобленный голосъ. *Ваша* культура другое названіе для паразитизма и тунеядства. Когда арестантъ моетъ мыломъ голову—вши вопіютъ, что онъ разрушаетъ культуру“ *).

И, разумѣется, если вспомнить, что понимаетъ подъ словомъ „цивилизація“ какой нибудь папа-Карамазовъ, то и такой отзывъ не покажется слишкомъ рѣзкимъ. Возьмите, однако, культуру даже въ лучшихъ ея проявленіяхъ и спросите себя: съ какой стороны, розами, или шипами

---

*) См. интер. статью *А. Луначарскаго*: Марксизмъ и Эстетика. Журн. „Правда“ 1905 г. сент.—окт.

давала она себя знать донынѣ коллективному профану? Отвѣтъ не затруднитъ васъ, конечно. Безъ сомнѣнія, лишь къ столу „избранниковъ“ подавались всегда всѣ наиболѣе изысканные плоды культуры отъ „Государя“ Макіавелли до „Книги Пѣсенъ“ Генриха Гейне включительно. Что же касается широкихъ народныхъ массъ, то для нихъ поэзіи Гейне просто не существуетъ, а политика Макіавелли, увы, даетъ себя чувствовать только въ бичахъ и скорпіонахъ.

Скажемъ даже больше. Мы можемъ вполнѣ принять утвержденіе К. Маркса, что „всякій прогрессъ духа являлся до сихъ поръ прогрессомъ противъ массы человѣчества, которая вовлекалась во все болѣе безчеловѣчное положеніе“ *). И все же это отнюдь еще не дѣлаетъ насъ врагами духовнаго прогресса.

Пояснимъ это примѣромъ.

Техническій прогрессъ тоже всегда былъ и до сихъ поръ еще остается прогрессомъ противъ массы человѣчества. Всякое техническое изобрѣтеніе, всякая новая машина вмѣсто того, чтобы облегчить человѣческій трудъ, становится, наоборотъ, источникомъ новыхъ бѣдствій для трудящихся массъ. Выбрасывая за бортъ въ жертву голода и смерти однихъ, машины еще сильнѣе закрѣпощаютъ другихъ. Но техническій ли прогрессъ тутъ повиненъ? И противъ него ли намъ враждовать и бороться?

Правда, было время, когда малосознательные рабочіе въ знакъ протеста противъ гнетущаго ихъ соціальнаго ига громили фабрики и разрушали машины. И это вполнѣ естественно, ибо, говоря словами Маркса, „необходимо извѣстное время и извѣстный опытъ, чтобы рабочій научился отличать машину отъ капиталистическаго ея примѣненія и переносить свои нападки съ матеріальныхъ средствъ производства на общественную форму ихъ эксплоатаціи“. Но

*) *К. Марксъ.* Святое семейство. Духъ и масса. Изд. „Нов. Голоса“, с. 14.

какъ показываетъ исторія рабочаго движенія для этого вовсе не такъ ужъ много времени и опыта потребовалось современному пролетарію.

То же самое, примѣрно, можно повторить и въ отношеніи духовнаго прогресса. И здѣсь надо отличать вещественные плоды его отъ общественной формы пользованія ими, хотя это и не сразу всѣмъ удается, конечно.

Вспомните, напримѣръ, Савву Тропинина.

— „Я, дядя, человѣкъ,—повѣствуетъ онъ о себѣ,—который однажды родился. Родился и пошелъ смотрѣть. Увидѣлъ церкви и—каторгу. Увидѣлъ университеты и—дома терпимости. Увидѣлъ фабрики и—картинныя галлереи. Увидѣлъ дворецъ и— нору въ навозѣ. Подсчиталъ такъ, понимаешь, сколько на одну галлерею остроговъ приходится, и рѣшилъ: надо уничтожить все... Тамъ ихъ много: Тиціаны, Шекспиры, Пушкины, Толстые. Изъ всего этого мы сдѣлаемъ хорошенькій костерчикъ и польемъ его керосиномъ".

Рѣшеніе, какъ видите, радикальное. Но радикализмъ его, увы, очень незрѣлый. Это, такъ сказать, радикализмъ эпохи рабочихъ бунтовъ противъ новыхъ машинъ. Сложить костерчикъ изъ величайшихъ произведеній искусства и облить его керосиномъ—дѣло совсѣмъ не хитрое. Большого ума для этого вовсе не требуется. Но, чтобы обосновать такой поступокъ разумно,—для этого ума требуется, повидимому, гораздо больше. Больше, по крайней мѣрѣ, чѣмъ могъ, или хотѣлъ удѣлить своему герою творецъ его, Л. Андреевъ. И вотъ великій отрицатель—Савва, какъ разъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы обратиться къ логикѣ, прибѣгаетъ къ ариѳметикѣ и „рѣшаетъ": картинныя галлереи подлежатъ уничтоженію, такъ какъ *по подсчету* ихъ оказалось гораздо меньше, чѣмъ остроговъ.

Такой аргументаціи едва ли кто позавидуетъ. Вѣдь „по подсчету" можетъ оказаться, пожалуй, что и отрицателей, подобныхъ Саввѣ, гораздо меньше, чѣмъ всѣмъ удовлетво-

ренныхъ паразитовъ разнаго рода. Но вправѣ ли мы заключить отсюда, что и Савву слѣдуетъ спалить на одномъ кострѣ съ паразитами?.. И все же Андреевъ едва ли прегрѣшилъ противъ художественной правды своимъ „костерчикомъ.“ Савва именно долженъ отрицать искусство, даже наперекоръ всякой логикѣ.

И не потому, что онъ нигилистъ. Апостолъ всемірнаго разрушенія, Бакунинъ, былъ не въ меньшей степени нигилистомъ. Но вспомните его отношеніе къ искусству. Въ 1848 г., когда революціонный Дрезденъ осадили тогдашніе Мины и Риманы, Бакунинъ предложилъ вынести на городскія стѣны всѣ сокровища художественной галлереи въ твердой надеждѣ, что даже эти Мины и Риманы не посмѣютъ стрѣлять по Рафаэлю. Это было, конечно, очень наивно. Но, скажите, какъ свято надо чтить искусство, чтобы питать такія по-дѣтски наивныя надежды!

Савва въ этомъ отношеніи совсѣмъ другой человѣкъ. Нигилизмъ Саввы не теоретическій, а инстинктивный. Въ его основу легли не философскія предпосылки, заимствованныя изъ барской библіотеки просвѣщенныхъ предковъ, какъ у Бакунина, а непосредственное чувство классовой ненависти „мужика“ ко всему „барскому“—въ томъ числѣ и къ барской культурѣ. Савва чувствуетъ себя „мужикомъ“, а Рафаэли—*барская* утѣха. И этого довольно. Въ отравленной душѣ пасынка культуры невольно вспыхиваетъ прежде всего мысль о традиціонномъ костерчикѣ, керосинѣ и тому подобныхъ „своихъ средствіяхъ“.

Изъ городскихъ элементовъ чувства Саввы Тропинина всего понятнѣе люмпенпролетарскимъ низамъ населенія. „Когда человѣкъ прочитаетъ много книгъ,—резонируетъ одинъ изъ хулигановъ въ „Царѣ-Голодѣ“,—онъ становится умный. А когда онъ становится умный, онъ начинаетъ грабить, и съ нимъ ничего не подѣлаешь. Тогда у него дѣлается особенное лицо, и рѣчь, и платье, а мы остаемся въ дуракахъ, и изъ насъ, какъ насосомъ, выкачиваютъ

жизнь. И я предлагаю: уничтожить ихнія книги. Я ненавижу книги. Когда мнѣ попадется одна—мнѣ хочется ее бить, плевать ей въ рожу, топтать и говорить: сволочь сволочь!..“ Но, несмотря на такія чувства предложеніе: *уничтожить ихнія книги*“ даже здѣсь, среди хулигановъ и нищихъ, среди карманниковъ, убійцъ и сутенеровъ снимается съ очереди одной лаконической репликой:

„Вы глупы, ораторъ. Они напечатаютъ вновь“.

И, если, несмотря на это, во время вызваннаго Царемъ-Голодомъ бунта голодной черни загораются и библіотеки, и музеи—„горитъ Мурильо! горитъ Веласкезъ! Рубенсъ! Джіорджоне!“—то даже для самого Андреева является еще большимъ вопросомъ чему приписать этотъ святотатственный пожаръ: ненависти бунтующей черни, или „снарядамъ“ господъ усмирителей?

Какъ бы то ни было, возликуетъ тутъ, пожалуй, какой нибудь траурный рыцарь духа, но вы сами подтверждаете вашими примѣрами, какая опасность угрожаетъ культурѣ со стороны той слѣпой классовой ненависти, которую вы разжигаете въ темныхъ массахъ вашей демократической проповѣдью.

Не ликуйте преждевременно!—могли бы мы отвѣтить на это. Примѣръ Саввы ровно ничего не подтверждаетъ уже потому, что по своей психикѣ и идеаламъ онъ еще стоитъ гораздо ближе къ „героямъ духа“, чѣмъ къ „толпѣ будущаго“. Савва, даже въ лучшемъ случаѣ, представляетъ собою лишь зачаточную стадію въ развитіи борца-профана. Что же касается вообще „темныхъ массъ“, то ихъ ненависть угрожаетъ прогрессу лишь постольку, поскольку она дѣйствительно *слѣпа*. Но „наша проповѣдь“ къ тому и направлена, чтобы радикально покончить съ этой угрожающей слѣпотой. Не „разжигать“ слѣпую ненависть, а озарить ее яркимъ свѣтомъ классоваго сознанія и направить въ *надлежащее* русло—вотъ наша задача.

Кстати объ отношеніи современныхъ профановъ къ искусству можно судить хотя бы по слѣдующимъ двумъ-тремъ фактамъ, о которыхъ недавно сообщилъ въ печати А. Бенуа, со словъ одного изъ своихъ корреспондентовъ.

Этотъ корреспондентъ, дѣятельный членъ такъ называемыхъ рабочихъ клубовъ, обращаетъ вниманіе широкой публики на ту категорію посѣтителей Эрмитажа, о которой многіе, а въ томъ числѣ и самъ г. Бенуа по собственному признанію, и не подозрѣвали. Дѣло идетъ о петербургскихъ рабочихъ, не затрудняющихся, какъ оказывается, совершать въ рѣдкія минуты отдыха цѣлыя паломничества съ далекихъ окраинъ города (Путиловскій, Обуховскій заводъ и др.) въ наши музеи, „чтобы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ отдохнуть душой передъ великими мастерами прошлаго и настоящаго".

Но предоставимъ слово самому г. Бенуа и его корреспонденту.

„Читая лекціи передъ аудиторіями, достигающими нерѣдко двухсотъ человѣкъ, онъ—корреспондентъ г. Бенуа—замѣтилъ чрезвычайно живой интересъ не только къ наукамъ, но и къ искусству. Подъ впечатлѣніемъ лекціи рабочіе стали посѣщать музеи, однако, жаловались, что многое остается для нихъ непонятнымъ.

Авторъ письма счелъ своимъ долгомъ сдѣлаться путеводителемъ этихъ неофитовъ, и вотъ уже два съ лишнимъ года, какъ у него не было ни одного свободнаго праздника, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Каждое воскресенье, съ группой въ 30—50 чел. рабочихъ онъ является въ Эрмитажъ, а иногда и въ музей Александра III и тамъ на примѣрахъ объясняетъ своимъ слушателямъ историческую послѣдовательность въ развитіи искусства, соединяя эти объясненія съ экскурсіями въ бытовую исторію различныхъ эпохъ.

Мой корреспондентъ настаиваетъ на томъ, что рабочіе *ходятъ* въ музеи, *любятъ* ихъ и *хотятъ* ихъ знать. „Что рабочіе любятъ и цѣнятъ музеи больше многихъ интеллигентовъ, доказываетъ и слѣдующій фактъ: во всѣхъ трехъ Думахъ лишь одинъ разъ и одинъ голосъ поднялся о судьбахъ нашихъ музеевъ—и это была рѣчь рабочаго костромской губерніи Суркова (въ одномъ изъ ближайшихъ послѣ Пасхи засѣданій 1909 г.). Послѣдній говорилъ о нашихъ художественныхъ коллекціяхъ, объ Эрмитажѣ и т. д. и выдвигалъ на первый планъ

слѣдующій девизъ. *національныя сокровища для народа.* Народъ долженъ имѣть возможность видѣть то, что собрано и создано его кровными деньгами; это не только его право, это его желаніе".

Замѣчу мимоходомъ, что эта рѣчь сопровождалась криками, смѣхомъ и улюлюканіемъ крайней правой.

„Я хотѣлъ бы сказать истиннымъ „хранителямъ тайны и вѣры" *), влюбленнымъ въ искусство. не уносить нужно зажженные свѣты отъ народа, а нести къ нему, чтобы и онъ ихъ увидѣлъ. Изрѣдка приходилось мнѣ слышать въ рабочей средѣ голоса, проповѣдывавшіе разрушеніе памятниковъ искусства. Но это были исключенія. Мало того: посѣтивши Эрмитажъ, даже и эти, или многіе изъ этихъ разрушителей начинали понимать, какую великую цѣнность представляютъ памятники искусства". Мой корреспондентъ твердо увѣренъ, что въ дни серьезныхъ уличныхъ смутъ именно петербургскіе рабочіе отправили бы свою охрану къ національнымъ сокровищамъ искусства".

(*„Рѣчь" 1909 г. № 276*).

„Партія, въ столь выдающейся степени цивилизаторская, какъ соціалдемократія, прибавимъ мы къ этому словами Ф. Меринга, имѣетъ всѣ основанія тщательно беречь тѣ зародыши цивилизаціи, которые могутъ развиться уже на почвѣ буржуазнаго общества"**). И она бережетъ ихъ. Мы знаемъ, конечно, что всѣ подобные зародыши въ современномъ обществѣ отравлены ядомъ капитализма. Но мы учимъ *отличать* цѣну всякихъ—и техническихъ, и духовныхъ—завоеваній человѣческаго генія отъ того *примѣненія,* какое они находятъ въ этомъ капиталистическомъ обществѣ.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ время и собственный опытъ коллективнаго профана. И вотъ, въ общемъ и цѣломъ, онъ давно ужъ борется не противъ машинъ и культуры, а противъ тѣхъ господъ жизни, которые сумѣли обратить и то и другое въ свою исключительную монополію. Да, можемъ мы сказать смѣло. Сознательный демосъ, шествующій подъ знаменемъ соціалдемократіи, уже

---

*) Передъ этой фразой приведены стихи Валерія Брюсова: „Грядущіе Гунны".

**) *Ф. Мерингъ.* Исторія Герм. С.-Д. II, с. 285.

научился цѣнить блага духовной культуры И цѣнитъ онъ ихъ, какъ видно, не хуже васъ, господа почтенные. Ибо борется онъ за доступность этихъ благъ *всѣмъ и каждому*; во всякомъ, случаѣ не съ меньшимъ упорствомъ, чѣмъ вы— за *монопольное* обладаніе ими.

II.

Какъ ни какъ, замѣтитъ тутъ докторъ Штокманъ, но вы сами признали, что всѣ высшія блага духовной культуры составляютъ пока что привилегію меньшинства. И въ то же время вы провозглашаете принципъ самодержавія народа, то есть подчиненія меньшинства большинству. Логично ли это, однако. „Изъ какихъ, людей составляется большинство въ странѣ? Изъ умныхъ или глупыхъ? Я думаю, всѣ согласятся, что глупые люди составляютъ страшное, подавляющее большинство на всемъ земномъ шарѣ. Но правильно ли, чортъ возьми, чтобы глупые управляли умными?“

Преодолѣть этотъ уже весьма древній, еще сократовскій, софизмъ съ нашей классовой позиціи довольно просто.

Прежде всего ясно, что онъ грѣшитъ смѣшеніемъ ума съ выучкой. А это грѣхъ не маленькій. Правда, „мужикъ сѣръ,—какъ гласитъ объ этомъ народная мудрость,—но умъ у него не чортъ съѣлъ“. Извѣстная выучка, или дрессировка, дѣйствительно, монополизирована привилегированнымъ меньшинствомъ. Но природнаго ума,—по крайней мѣрѣ настолько, чтобы здраво судить о своихъ собственныхъ нуждахъ,—не лишены и самые широкіе круги народа.

Независимо отъ этого, уже въ самой постановкѣ вопроса у доктора Штокмана заключается крупнѣйшій дефектъ. Если ужъ разсуждать абстрактно, то слѣдовало бы спросить не о томъ, дуракамъ ли болѣе пристало управлять умниками, или наоборотъ, а о томъ, пристало ли вообще одной части человѣчества управлять другою? Для насъ, напри-

мѣръ, не можетъ быть и рѣчи о преимуществахъ господства умниковъ передъ господствомъ дураковъ уже потому, что мы вообще отвергаемъ всякое классовое господство. А если бъ насъ все жъ таки заставили выбирать меньшее изъ золъ, то предпочтеніе мы отдали бы, именно, господству глупцовъ, какъ такому, отъ котораго всего легче избавиться.

Конечно, намъ могутъ сказать, что цѣлью управленія должно быть *не господство, а служеніе* коллективнымъ нуждамъ народа. Но признать это, значитъ признать правительство лишь слугою-исполнителемъ нуждъ народа-властелина, а это и есть идея суверенитета народнаго. Признаніе за народомъ-властелиномъ права самому судить о своихъ нуждахъ едва ли вѣдь подлежитъ спору.

Позвольте, позвольте!—возразитъ намъ тутъ, пожалуй, кто нибудь изъ критически-мыслящихъ „друзей народа". А если народъ въ своемъ подавляющемъ большинствѣ до того невѣжественъ, что не можетъ стать хорошимъ судьей даже въ собственномъ дѣлѣ? Не лежитъ ли тогда на интеллигентномъ меньшинствѣ долгъ рѣшать о нуждахъ и судьбахъ народа не только за себя, но и за все невѣжественное большинство своихъ согражданъ?

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о „долгѣ", мы скажемъ на это: въ современномъ обществѣ, въ виду раздирающей его классовой борьбы, нѣтъ нуждъ, общихъ всему народу. Въ немъ рѣчь можетъ идти, стало быть, лишь о нуждахъ большинства. Но спрашивается: а что, если интересы интеллигентнаго меньшинства станутъ въ противорѣчіе съ нуждами большинства неинтеллигентнаго? Поставитъ ли оно тогда чуждые ему интересы этого большинства выше своихъ собственныхъ? Всевозможныя панамы и Лидваліады доказываютъ, что сомнѣваться въ этомъ болѣе, чѣмъ позволительно.

„Между нашими крѣпостниками „эпохи великихъ реформъ"—иллюстрируетъ эту мысль Г. В. Плехановъ—на-

вѣрно встрѣчались люди гораздо болѣе просвѣщенные, чѣмъ ихъ „крещеная собственность". Такіе люди не думали, конечно, что громъ вызывается прогулками по небу пророка Ильи въ его колесницѣ. И, если бы рѣчь зашла о причинахъ грозы, то истина оказалась бы на сторонѣ *меньшинства* —просвѣщенныхъ крѣпостниковъ,—а не на сторонѣ *большинства*—непросвѣщенной крѣпостной „черни". Ну, а что было бы, если бы рѣчь зашла о крѣпостномъ правѣ? Было бы то, что большинство,—тѣ же непросвѣщенные крестьяне,—высказалось бы за его отмѣну, а меньшинство,—тѣ же просвѣщенные крѣпостники,—закричали бы, что отмѣнить его значитъ—потрясти всѣ самыя „священныя основы. На чьей же сторонѣ была бы туть истина?" *).

Итакъ, дѣло ясно. Конечно, вопросы *отвлеченно-научнаго* характера не подлежатъ голосованію. Но этого и не предлагаетъ демократія. Что же касается вопросовъ соціальной политики, то здѣсь и наиболѣе высокая „умственность" не служитъ еще ручательствомъ столь же высокаго безкорыстія. И, потому, въ такихъ вопросахъ никому не слѣдуетъ предоставлять права рѣшать за другихъ, за большинство.

Оно, конечно, и рѣшенія большинства не всегда можно признать безукоризненными. Но суверенное большинство *само себѣ навредить* можетъ лишъ по ошибкѣ, что легко исправить. Тогда какъ меньшинство, захвативъ въ свои руки власть рѣшать, способно вредить большинству не только по ошибкѣ, но и вполнѣ сознательно, что уже гораздо опаснѣе. Вотъ почему, исходя изъ интересовъ широкихъ народныхъ массъ, приходится признать, что, если и не идеальнымъ, то наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ рѣшенія общественныхъ вопросовъ является все же рѣшеніе ихъ по большинству голосовъ.

Этотъ способъ надо, впрочемъ, признать не только цѣлесообразнѣйшимъ. Въ извѣстномъ смыслѣ его можно

*) *Г. Плехановъ.* Генрикъ Ибсенъ. Изд. Библ. для всѣхъ, с. 16.

признать,—если не исторически, то логически,—и вообще единственно возможнымъ способомъ.

Въ самомъ дѣлѣ. „Большинство никогда не бываетъ право!"—утверждаетъ докторъ Штокманъ. „*Меньшинство* всегда право". Его идеаломъ является, стало быть, строй, въ которомъ силу закона получали бы лишь рѣшенія меньшинства. Но возможенъ ли такой строй? Возможно ли опредѣлить, безъ предварительнаго на каждый случай голосованія, что меньшинство высказалось бы именно за то, а не за другое рѣшеніе? Очевидно, нѣтъ. Ни одна, самочинно выдѣлившаяся группа умниковъ, не въ правѣ утверждать уже до голосованія, что ея мнѣнія суть мнѣнія меньшинства, ибо легко можетъ случиться, что и внѣ ея найдутся умники, которые предложатъ еще болѣе разумныя рѣшенія тѣхъ же вопросовъ и при голосованіи останутся въ меньшинствѣ.

Итакъ голосованія *логически* неизбѣжны даже въ идеальномъ строѣ д-ра Штокмана. Но что вышло бы при голосованіяхъ тамъ, гдѣ заранѣе извѣстно, что̀ силу закона получаетъ мнѣніе меньшинства? Угадать это не трудно.

Вышло бы то, что̀ въ извѣстномъ анекдотѣ о спортсменахъ, оспаривавшихъ другъ у друга призъ не за быстрѣйшій, а за наиболѣе тихій ходъ своихъ скакуновъ: спортсмены никогда не сдвинулись бы съ мѣста, если бъ не догадались пересѣсть каждый на лошадь своего соперника. Но они „догадались", и тогда каждому изъ нихъ осталось лишь скакать изо всѣхъ силъ на чужой лошади, чтобъ опередить свою. Нѣчто подобное произошло бы и въ идеальномъ государствѣ д-ра Штокмана. Подача голоса *за* какое нибудь рѣшеніе уменьшала бы тамъ его шансы стать закономъ. Подача голоса *противъ* увеличивала бы эти шансы. Понять эту премудрость хватило бы ума у всякаго. И вотъ, всѣ сторонники даннаго рѣшенія голосовали бы „противъ" него, всѣ противники „за" него, а въ результатѣ закономъ становилось бы все жъ таки мнѣніе большинства.

Здѣсь своевременно будетъ однако устранить возможность такого недоразумѣнія.

Утверждая *самодержавіе народа*, — скажетъ намъ индивидуалистъ, вы тѣмъ самымъ отвергаете всѣ неотъемлемыя права личности. Самодержавный народъ, если этого захочетъ большинство его, сможетъ, какъ угодно, насиловать каждую отдѣльную личность, лишая ее не только свободы, но и самой жизни. Ибо воля большинства—вотъ вашъ верховный и непререкаемый законъ. Вмѣсто стараго обветшалаго абсолютизма вы вводите, такимъ образомъ, новый, на болѣе прочномъ фундаментѣ, но столь же тираническій. Входитъ ли это, однако, въ ваши расчеты.

Конечно, нѣтъ!—скажемъ мы на это. Мы отнюдь не склонны создавать себѣ изъ „большинства“ какого то фетиша, въ жертву которому приносилось бы все и вся. И недоразумѣніе вызываютъ, повидимому, главнымъ образомъ тѣ еще слишкомъ свѣжія историческія воспоминанія, которыя связываются у насъ со *словомъ* „самодержавіе“.

Утверждать, подобно Ницше, что „соціализмъ желаетъ всей той полноты государственной власти, какой только достигалъ деспотизмъ, и даже превосходитъ все прошлое, стремясь къ совершенному уничтоженію личности“*),— утверждать нѣчто подобное это значитъ впадать въ жесточайшее заблужденіе. Вѣдь уже отъ современнаго общества мы добиваемся признанія, въ качествѣ *минимума* нашихъ желаній, не только принципа народовластія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неприкосновенности личности и всѣхъ прочихъ индивидуальныхъ свободъ.

Правда, мы не вѣримъ въ магическое дѣйствіе фразы и не пытаемся упрочить права личности звонкимъ эпитетомъ „естественныя и неотъемлемыя“. Чуждые пустого формализма, мы не гонимся за теоретическимъ признаніемъ нашихъ правъ естественными. Для насъ важнѣе, чтобы

Ф. Ницше. Человѣческое etc., отр. 473.

съ этими правами считались въ жизни. А съ этой точки зрѣнія всякое право перестаетъ быть фразой лишь съ того момента, какъ оно *отвоевано,* и „неотъемлемымъ" его можно считать только до той поры, пока за нимъ стоитъ достаточно крупная сила.

Преимущество такой реалистической теоріи завоеванныхъ правъ по сравненію съ идеалистической догмой „естественныхъ правъ человѣка"—очевидны. Въ то время, какъ идеалисты обычно лишь *провозглашаютъ* тѣ, или другія права естественными и неотъемлемыми, мы за нихъ боремся и „явочнымъ порядкомъ" воплощаемъ въ жизнь. И пусть намъ не говорятъ, что всѣ наши завоеванія въ этой области пока что очень невелики. Ни народовластіе, ни личная свобода не могутъ быть *вполнѣ* осуществлены въ современномъ обществѣ уже потому, что *господствующей* силой въ немъ является не коллективный трудъ и не индивидуальная талантливость, а мертвый и безличный фетишъ—капиталъ.

Прислужникъ этого бога современности—государство, появляясь передъ нами даже въ своихъ наиболѣе демократическихъ личинахъ, по существу, остается все же *органомъ господства буржуазнаго меньшинства,* и только. Интересы этого меньшинства противорѣчатъ, какъ коллективнымъ, такъ и индивидуальнымъ видамъ свободы человѣка. И потому государство предаетъ закланію на алтарѣ своего бога—всякую свободу. Но государство не вѣчно. Вмѣстѣ съ его фундаментомъ—классовымъ строемъ общества—рано, или поздно должна будетъ рухнуть и вся государственная надстройка. Это основной выводъ изъ всей нашей теоріи и практики. И лишь по какому то странному, въ своей упорности, непониманію противники наши, индивидуалисты, упрямо зовутъ насъ „государственниками".

III.

„Государственный соціализмъ“—это идеалъ Бисмарковъ и Аракчеевыхъ. И ужъ, конечно, не марксисты культивируютъ этотъ казарменный идеалъ, хотя, несомнѣнно, ихъ собственный идеалъ общежитія не имѣетъ ничего общаго и съ той хаотической анархіей, какую идеализируютъ крайніе индивидуалисты.

Дѣло въ томъ, что анархисты-индивидуалисты во имя свободы личности отвергаютъ не только политическую, но и хозяйственную организацію грядущаго общества, взятаго въ цѣломъ. Тогда какъ марксисты чуждую принудительныхъ элементовъ, но все-же единую и планомѣрную *хозяйственную* организацію общества, напротивъ, считаютъ не препятствіемъ, а необходимѣйшей предпосылкой свободнаго развитія личности. Кромѣ того, анархисты, разсматривая государство, какъ какой то чисто внѣшній наростъ на общественномъ организмѣ, который просто на просто надо отсѣчь и отбросить съ дороги, слишкомъ ужъ упрощаютъ свою задачу. Мы же думаемъ иначе. По нашему, государственный вередъ есть результатъ глубокой *внутренней* болѣзни общества, и, если ужъ нужна операція, то нужна она именно для излѣченія этой внутренней болѣзни. Внѣшній же вередъ отъ здороваго организма и самъ отвалится прочь.

Фр. Энгельсъ выразилъ этотъ взглядъ въ слѣдующемъ классическомъ отрывкѣ своего „Анти-Дюринга“.

„Государство—говоритъ этотъ виднѣйшій теоретикъ марксизма—было оффиціальнымъ представителемъ всего общества, его олицетвореніемъ въ видимой корпораціи, но оно было таковымъ лишь постолько, посколько оно было государствомъ того класса, который въ свое время самъ представлялъ все общество: въ древности—гражданъ-рабовладѣльцевъ, въ средніе вѣка—феодальнаго дворянства, въ наше время—буржуазіи. Ставъ, наконецъ, факти-

чески, представителемъ всего общества, *оно дѣлаетъ самого себя излишнимъ*. Коль скоро не существуетъ болѣе никакого общественнаго класса для угнетенія; коль скоро вмѣстѣ съ классовымъ господствомъ и съ борьбой за отдѣльное существованіе, коренящейся въ существовавшей до тѣхъ поръ анархіи производства, устранены вытекающіе отсюда столкновенія и эксцессы,—то нѣтъ болѣе и ничего для подавленія, что бы дѣлало необходимымъ особую репрессивную власть,—государство. Первый актъ, въ которомъ государство выступаетъ дѣйствительно, какъ представитель всего общества,—захватъ средствъ производства во имя общества, является въ то же время его послѣднимъ самостоятельнымъ актомъ, какъ государства. Вторженіе государственной власти въ общественныя отношенія дѣлается постепенно излишнимъ для всѣхъ областей и исчезаетъ само собой. *Правленіе надъ лицами замѣняется управленіемъ вещами и руководствомъ процессами производства.* Государство не „отмѣняется“, оно отмираетъ“.

„Вмѣстѣ съ государствомъ—добавляетъ къ этому виднѣйшій практикъ марксизма, Августъ Бебель,—исчезаютъ и его представители: министры, парламенты, постоянное войско, полиція, жандармы, суды, прокуроры и адвокаты, тюремные смотрители, податное и таможенное управленіе,—однимъ словомъ, весь политическій аппаратъ. Казармы и другія военныя зданія, судебные и административные дворцы, тюрьмы и т. д. получаютъ теперь лучшее назначеніе. Десятки тысячъ законовъ, указовъ и приказовъ становятся макулатурой, сохраняя лишь историческую цѣнность. Исчезнутъ большіе и въ то же время столь мелочные парламентскіе бои, въ которыхъ говорливые люди воображаютъ, что они своими рѣчами господствуютъ надъ міромъ и направляютъ его; они уступятъ мѣсто коллегіямъ и делегаціямъ, которыя должны будутъ заняться лучшимъ устройствомъ производства, распредѣленія, установленіемъ количества необходимыхъ запасовъ, примѣне-

ніемъ цѣлесообразныхъ нововведеній въ искусствѣ, въ образованіи, въ передвиженіи, въ процессѣ производства, какъ въ промышленности, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ". Вообще, политическая организація общества уступаетъ свое мѣсто организаціи хозяйственной.

Такъ относятся къ вопросу о государствѣ марксисты.

Ну, а если и въ вашихъ хозяйственныхъ коллегіяхъ и делегаціяхъ возникнутъ вопросы спорные, подобно тому какъ они возникаютъ въ современныхъ парламентахъ?— спроситъ насъ читатель-скептикъ. Какъ разрѣшите вы ихъ тогда безъ ущерба интересамъ меньшинства?

Въ отвѣтъ на это мы прежде всего укажемъ, что, благодаря устраненію классовыхъ антагонизмовъ въ соціалистическомъ строѣ, такихъ вопросовъ, въ которыхъ сталкивались бы *непримиримые* интересы разныхъ группъ, предполагать въ немъ не приходится. И потому достигать соглашенія въ спорныхъ вопросахъ путемъ ли объективно-научнаго ихъ разрѣшенія, или путемъ взаимныхъ уступокъ—всегда будетъ возможно.

Но, разсуждая теоретически, возможно, конечно, допустить, что по какому либо вопросу такого соглашенія и не будетъ достигнуто. И тогда меньшинству придется либо подчиниться большинству, либо выдѣлиться въ особую, независимую отъ цѣлаго, хозяйственную ячейку. Логически мыслимы оба исхода Политика дробленія на изолированныя ячейки оказалась бы однако самоубійственной для соціалистическаго хозяйства. Преодолѣть современную анархію производства возможно лишь при единствѣ плана для всего общественнаго хозяйства въ цѣломъ. И потому, фактически, меньшинству оставался бы въ такихъ случаяхъ одинъ лишь выходъ—подчиненіе.

—Итакъ,—замѣтитъ читатель-скептикъ,—рѣшенія большинства сохранятъ свое обязательное значеніе въ извѣстныхъ случаяхъ и для демократіи будущаго. А если это

такъ, то гдѣ же гарантія, что права меньшинства и свобода личности не будутъ и тогда приноситься, по нынѣшнему, въ жертву интересамъ пресловутаго сплоченнаго большинства?

Вопросъ этотъ вполнѣ законенъ. Что никакая декларація правъ стать такой гарантіей противъ „сплоченнаго большинства“ не можетъ—это очевидно. Вѣдь, если сплоченное большинство въ правѣ провозгласить любую декларацію, то оно же въ силѣ и похерить ее, когда вздумается. Но, къ счастію, соціалистическое общество и не нуждается ни въ какихъ бумажныхъ гарантіяхъ противъ сплоченнаго большинства. И не потому не нуждается, что всѣ люди станутъ въ немъ „ангелами“, а просто потому, что покушаться въ немъ на чьи либо права или свободу и незачѣмъ будетъ, да и некому.

Вѣдь соціалистическій строй—это такой строй, въ которомъ интересы всѣхъ находятся въ полнѣйшей гармоніи съ интересами каждаго. Какимъ же образомъ рѣшеніе, предпринятое въ интересахъ большинства, могло бы тамъ повредить какой либо группѣ лицъ, или отдѣльной личности? Большинству соціалистическаго общества *незачѣмъ* вредить меньшинству. Это во первыхъ. А во вторыхъ, гарантій противъ „сплоченнаго большинства“ въ этомъ обществѣ не потребуется уже потому, что въ немъ „*сплоченнаго* большинства“ и быть не можетъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Правящее большинство любого изъ современныхъ парламентовъ остается однимъ и тѣмъ же во всѣхъ голосованіяхъ, ибо его *сплачиваетъ* единство классовыхъ интересовъ. Ждать отъ него серьезной защиты правъ враждебнаго ему меньшинства поэтому не приходится. Но другое дѣло демократія будущаго. Всякая классовая спайка тамъ исчезнетъ. Постоянное большинство по цѣлому ряду вопросовъ станетъ немыслимымъ. Любой членъ общества, еще сегодня бывшій по какому либо вопросу въ подавляющемъ большинствѣ, завтра же по

другому вопросу можетъ оказаться въ ничтожномъ меньшинствѣ. Затягивая мертвой петлей чью нибудь личную свободу сегодня, онъ завтра и самъ рискуетъ попасть въ ту же петлю. „Сегодня я, а завтра ты“... подумаетъ про себя каждый. И никто не рискнетъ ограничить свободу другого болѣе тѣсными рамками, чѣмъ тѣ, гдѣ эта свобода непосредственно граничитъ со свободой другихъ.

Такимъ образомъ и безъ формальныхъ гарантій демократія будущаго обезпечитъ за каждой личностью всю ту свободу, на какую она только можетъ претендовать.

А принужденіе къ труду? — возразитъ намъ тутъ „идеалистъ“. Развѣ вынуждая меня въ вашемъ идеальномъ строѣ дѣлать то, чего я совсѣмъ не желаю, вы не посягаете этимъ на мою личную свободу. „У кого мозоли— тотъ садись за столъ, а у кого нѣтъ—тому объѣдки“— вотъ формула вашей соціалистической „свободы“. Но развѣ вы не чувствуете въ ней самаго оскорбительнаго насилія надъ тѣми, кто почему либо питаетъ отвращеніе къ безкачественному механическому труду?

Увы! скажемъ мы на это. Все въ этомъ мірѣ относительно. И посколько намъ придется выбирать между вышеуказанной формулой и той, которая гласитъ: „Всѣмъ празднымъ паразитамъ—роскошно-убранный столъ, а труженикамъ—объѣдки“,—мы безъ всякихъ колебаній предпочтемъ первую. Но отстаивать ее въ качествѣ какого то незыблемаго требованія абсолютной справедливости мы вовсе не стали бы.

Конечно, въ эпоху переходную, пока современные господа жизни, сохраняя свое классовое отвращеніе ко всякой „черной“ работѣ, не научатся еще отвращенію къ паразитизму—въ эту эпоху, избирая меньшее зло, быть можетъ придется прибѣгнуть и къ такимъ педагогическимъ мѣрамъ, какъ „объѣдки“. Но новыя соціальныя условія, живо перевоспитаютъ мѣщанство, и трудъ станетъ

ужъ не тягостной обязанностью, а наслажденіемъ человѣка. А если это такъ, то къ чему бы еще тогда служили какія бы то не было мѣры понужденія къ труду?

— Ну, а если и тогда найдутся все же такіе чудаки-мизантропы, которые хотя бы просто изъ упрямства не пожелаютъ работать добровольно, да и только?

И пусть себѣ упрямятся на здоровье!—скажемъ мы на это. Соціалистическое общество во всякомъ случаѣ будетъ достаточно богато, чтобы позволить себѣ такую роскошь, какъ единичные чудаки всякаго рода. И оно ни въ коемъ разѣ не будетъ столь мелочнымъ, чтобы обдѣлять въ чемъ либо этихъ чудаковъ безъ крайней нужды.

Но здѣсь мы подошли вплотную къ общимъ принципамъ распредѣленія благъ въ будущемъ обществѣ.

IV.

— Каковы же эти принципы?—спроситъ читатель.

Вопросъ вполнѣ умѣстный, ибо въ этой области не только у широкой публики, но даже у иныхъ „критически-мыслящихъ“ соціалистовъ обнаруживается невообразимая путаница и крайнее убожество мысли. Такъ, напримѣръ, принципъ распредѣленія: „каждому по его потребностямъ“— присваиваютъ обычно анархистамъ, а принципъ: „каждому по его труду“— соціалистамъ. И многіе, принимая такое распредѣленіе принциповъ за фактъ, наивно заключаютъ изъ него о преимуществахъ болѣе „щедраго“ анархизма.

Возникаютъ на этой почвѣ, однако, и болѣе курьезныя недоразумѣнія.

Мы имѣемъ здѣсь въ виду „махаевцевъ“ и ихъ строгаго критика г. Иванова-Разумника.

Господа „махаевцы“ А. Вольскій и Е. Лозинскій, исходя изъ плохо понятыхъ положеній классовой теоріи, развили

своеобразную точку зрѣнія на интеллигенцію, какъ на особый классъ, принципіально враждебный по своимъ интересамъ пролетаріату. Не щадятъ они при этомъ, конечно, и *соціалистическую* интеллигенцію, которая, де, непремѣнно проведетъ за носъ слѣдующихъ за ней профановъ, занявъ и въ соціалистическомъ строѣ привилегированное положеніе господствующей аристократіи духа.

Въ подтвержденіе этого махаевцы, между прочимъ. утверждаютъ, что соціалистическая интеллигенція „оправдываетъ“ высшую оплату квалифицированнаго труда съ очевиднымъ намѣреніемъ „оставить неприкосновенными всѣ доходы бѣлоручекъ“. И вотъ въ противовѣсъ этому злокозненному намѣренію они выдвигаютъ принципъ: „каждому поровну, независимо отъ качества труда“, усиленно подчеркивая при этомъ, что „соціализмъ истекшаго столѣтія“ отвергаетъ этотъ будто бы специфически махаевскій принципъ распредѣленія.

Какъ же реагируетъ на это нашъ глубокомысленный критикъ махаевщины?

О, конечно, въ качествѣ „критически мыслящей личности“ онъ выступаетъ „въ защиту соціализма“ и доказываетъ, что махаевщина, благодаря своему принципу распредѣленія, является „сплошнымъ недоразумѣніемъ, ходячимъ противорѣчіемъ, квадратнымъ кругомъ и глубокой плоскостью“ *).

И въ самомъ, молъ, дѣлѣ. Что гласитъ этотъ принципъ? „Равная оцѣнка неравнаго труда“? Это ли справедливость! „Равная плата инженеру и чернорабочему?“ Это ли не утопія! „Какимъ путемъ—спрашиваетъ г. Ивановъ-Разумникъ—махаевщина создастъ желаніе десятокъ лѣтъ изучать сложную спеціальность для того, чтобы въ результатѣ это изученіе не принесло *ничего?*..“ Нѣтъ, рѣшаетъ г. Разумникъ: „въ области экономической равенство не

*) *Ивановъ-Разумникъ.* Что такое махаевщина? Спб. 1908 г., с. 119

можетъ быть осуществлено"... „Въ соціалистическомъ обществѣ заработная плата... будетъ разной высоты и высота годоваго заработка будетъ прямо пропорціональна квалифицированности рабочей силы индивида" *).

Возражать ли намъ на это? Доказывать ли, что интеллигентный трудъ уже въ самомъ себѣ заключаетъ свое воздаяніе? Убѣждать ли, что къ многолѣтнему изученію той или другой отрасли наукъ въ соціалистическомъ строѣ могутъ быть и иные, болѣе сильные стимулы, чѣмъ высокіе инженерскіе оклады Разъяснять ли, что соціализмъ отнюдь не „оправдываетъ" высшей оплаты квалифицированнаго труда, а лишь *объясняетъ* ее, исходя изъ категорій *капиталистическаго* хозяйства?.. Или просто на просто сказать: какъ жаль, что махаевцы и г. Ивановъ-Разумникъ, вкупѣ съ ними взялись опровергать, и защищать соціализмъ истекшаго столѣтія, не потрудившись хотя бы слегка познакомиться съ нимъ предварительно.

Скажемъ послѣднее.

Если бы г. Ивановъ-Разумникъ, прежде чѣмъ выступать въ защиту соціализма и открывать „перлы невѣжества" у махаевцевъ, прочелъ, какъ слѣдуетъ, хоть одну главу о будущемъ обществѣ изъ „Эрфуртской программы", онъ навѣрное не впалъ бы въ такое „сплошное недоразумѣніе" и такую „глубокую плоскость"... Онъ узналъ бы тогда, между прочимъ, что всѣ его глубоко-плоскіе аргументы противъ принципа *равныхъ* доходовъ при обязательности посильнаго труда обычно приводятся не „въ защиту", а противъ соціализма, и что въ соціалистическомъ лагерѣ они давно ужъ признаны „абсурдными" **).

Съ другой стороны не мѣшало бы перечитать ту же главу повнимательнѣе и гг. махаевцамъ. Они узнали бы оттуда, что соціализмъ истекшаго столѣтія не только не

---

*) *Тамъ же* сс. 112, 114, 117, 118.

**) *К. Каутскій.* Комментарій къ полож. Эрфут. съѣзда. Изд. Молота Спб. 1905 г. с. 119.

отвергаетъ требуемаго ими равенства въ распредѣленіи, а, напротивъ, полагаетъ, что такое равенство является „тенденціей естественнаго хода развитія". Болѣе того, онъ утверждаетъ, что при извѣстномъ состояніи производительныхъ силъ, „когда люди будутъ имѣть все нужное имъ въ избыткѣ", тогда и формула: „каждому по его потребностямъ", то есть та формула, которую пока оспариваютъ и г. Ивановъ-Разумникъ и махаевцы, „очень легко и даже сама собой найдетъ свое примѣненіе въ жизни" *).

Марксисты не декретируютъ тѣхъ, или другихъ принциповъ распредѣленія, руководствуясь ихъ большей, или меньшей „щедростью" или „справедливостью". Они лишь предвидятъ, что съ ростомъ производительныхъ силъ общества слѣдуетъ ждать смѣны различныхъ принциповъ этого рода въ ту, а не другую сторону. И они опредѣленно указываютъ въ какую.

Итакъ, недовѣріе махаевцевъ къ соціалистической интеллигенціи и ея идеалу въ данномъ пунктѣ оказывается по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ. Но, если бы это было даже не такъ, и если бы соціалистическая интеллигенція и впрямь была полна самыхъ злокозненныхъ намѣреній противъ профановъ—это отнюдь не могло бы внушать имъ никакихъ опасеній. Вѣдь профаны не пѣшки, и, если бы соціалистическая интеллигенція вздумала измѣнить имъ когда либо, они обошлись бы и безъ нея, конечно.

Смѣшно думать, что пролетаріатъ, способный даже въ настоящихъ условіяхъ развитія стать достаточно крупной и сознательной силой, чтобы свергнуть съ себя иго капитализма, позволилъ бы себя кому бы то ни было одурачить при *соціалистическихъ* условіяхъ развитія. И если махаевцы думаютъ нѣчто подобное, если они полагаютъ, что и при самой широкой доступности духовнаго развитія

*) Тамъ же, сс. 120 и 117.

интеллигенція будетъ составлять все же какую то особую касту „избранниковъ“, съ которой волей-неволей придется считаться непросвѣщенной черни, то выводъ отсюда ясенъ:

Значитъ и въ душахъ самихъ махаевцевъ живетъ еще аристократическая закваска недовѣрія къ духовнымъ силамъ и способностямъ пролетаріата. Говоря иначе, при всей своей враждебности къ аристократіи духа они и сами заражены ея предразсудками.

Однако, мы довольно ужъ сказали о нашемъ идеалѣ общежитія. Расписывать тонкимъ орнаментомъ узорчатыя башенки храма будущаго и расцвѣчивать яркими красками его зеркальные купола—едва ли входитъ въ задачу нашего поколѣнія. Передъ нами стоитъ пока другая и при томъ самая грандіозная задача. Намъ нужно еще заложить достаточно прочный и широкій фундаментъ для всѣхъ этихъ расписныхъ башенокъ и куполовъ. А для этого намъ предстоитъ болѣе или менѣе явочнымъ порядкомъ овладѣть предварительно всѣми производительными силами общества и организовать ихъ на новыхъ коллективныхъ началахъ.

Лишь тогда, когда этотъ фундаментъ общежитія, основной принципъ котораго есть „полное и свободное развитіе каждой отдѣльной личности“, станетъ достигнутой ступенью развитія, своевременно будетъ потолковать и объ орнаментахъ.

И все же мы не можемъ закончить настоящій очеркъ, не устранивъ еще одного характернѣйшаго недоразумѣнія.

— Допустимъ, что идеалъ вашъ прекрасенъ!.. говорятъ иные аристократы духа. Но вѣдь это все же земной, конечный идеалъ. Придетъ, стало быть, время, когда послѣднія ваши чаянія воплотятся въ жизнь, конечная цѣль будетъ достигнута, и что же дальше?

О, это будетъ самый ужасный, роковой день исторіи, ибо съ этого дня изсякнетъ всякій смыслъ человѣческаго существованія. Некуда ужъ будетъ дальше идти, нечего желать, не за что бороться. Исчезнутъ манящія дали не-

извѣданнаго, исчезнутъ живые источники волшебныхъ грезъ. И безцвѣтно потечетъ изо дня въ день размѣренная сонная жизнь—жизнь безъ страсти и борьбы, безъ мукъ, тоски и порывовъ вдохновенія, безъ идеала. „Послѣдніе люди“ забудутъ о томъ, что такое творчество, что такое стремленіе, что такое звѣзда... И безсмысленно моргая, они станутъ лишь монотонно твердить свое: „Мы нашли счастіе“.

Такая, примѣрно, картина рисуется Заратустрѣ.

„Предвижу я тебя земли послѣдній сынъ!“ переживаетъ въ стихахъ ту же ницшеанскую тему Валерій Брюсовъ·

„Предчувствовалъ я жизнь замкнутыхъ поколѣній
Ихъ души *сжатыя познаньемъ*, ихъ мечты,
Мечтамъ былыхъ вѣковъ *подвластныя какъ тѣни*,
Весь ужасъ *переставшей пустоты*!“ *).

„Идеалъ не можетъ мыслиться достигнутымъ—подхватываетъ на свой ладъ ту же мыслишку нашъ „оригинальный“ теософъ, г. Булгаковъ,—идеалъ не можетъ мыслиться достигнутымъ, движеніе къ нему безконечно, а слѣдовательно въ этомъ смыслѣ и соціальный вопросъ въ предѣлахъ исторіи окончательно не разрѣшимъ“ **).

„Осуществленный, или, что то же (?), *осуществимый* идеалъ—глубокомысленно вторитъ ему почтенный экономистъ нашъ, г. Туганъ-Барановскій,—потерялъ бы всю свою красоту, всю свою особую и чарующую притягательную силу. Идеалъ недостижимъ, ибо въ противномъ случаѣ это не былъ бы идеалъ, а простое эмпирическое понятіе“ ***).

Однимъ словомъ, весь разноголосый хоръ аристократіи духа тянетъ здѣсь одну и ту же ноту.

---

*) *В. Брюсовъ* „Пути и перепутья“, т. I. Поэма „Замкнутые“.

**) *С. Булгаковъ.* Отъ марксизма къ идеализму, с. 307.

***) *Туганъ-Барановскій.* Очерки изъ новѣйш. исторіи полит. экономіи. 1903 г., с. 91, курсивъ автора.

V.

Что же выражаетъ собой эта нота?

Конечно, испугъ.

Призракъ заполненной пустоты такъ ужасаетъ аристократовъ духа, что они, повидимому, готовы на все, лишь бы только избѣжать его. Но избѣжать его всего проще, разумѣется, отказомъ отъ всякихъ попытокъ заполнить эту пустоту, то есть отказомъ отъ всякихъ конечныхъ цѣлей. Всякая даже отдаленнѣйшая конкретная цѣль связываетъ насъ къ тому же *уже теперь* извѣстными обязательствами. Она направляетъ наши мечты въ опредѣленное русло, вводитъ ихъ въ извѣстные предѣлы. И вотъ враждебные даже узамъ логики поэты декаданса гордо отвергаютъ всякія цѣли:

„Развѣ есть предѣлъ мечтателямъ?
Развѣ цѣль намъ суждена?
Назовемъ того предателемъ,
Кто намъ скажетъ—здѣсь она“ *).

Мечтатели менѣе беззаботные по части логики находятъ испытанное средство противъ той же боязни заполненной пустоты въ своей домашней аптечкѣ такъ наз. философскаго идеализма. Это средство—болѣе или менѣе прикровенная метафизика. Сожмите гносеологически область познанія—гласитъ эта царственная особа—и познаніе не сожметъ вашихъ думъ. Скажите себѣ, что „познаваемое“ это лишь безплодный скалистый островокъ, и правьте отъ него скорѣе подъ парусомъ фантазіи въ открытое море непознаваемаго. Тамъ вамъ засвѣтятъ вмѣсто тусклыхъ маяковъ знанія неисчислимыя, созвѣздія чудесъ и мистерій. Тамъ, въ этой безграничной пустотѣ, ваша мысль не натолкнется ужъ никогда ни на какіе логическіе рифы и эмпирическія мели. А чтобы вмѣстѣ съ думами расторгнуть узы и мечтамъ, замѣните всякія, конкретно-досягаемыя, земныя цѣли

*) *В. Брюсовъ.* Пути и перепутья, т. I с. 151.

мистикой, потустороннимъ идеаломъ. Онъ то ужъ васъ не подведетъ. Съ нимъ то ужъ вы не рискуете предстать передъ грознымъ ликомъ „переставшей пустоты", ибо въ немъ зіяетъ пустота перманентная.

Къ такимъ утѣшительнымъ выводамъ ницшеанская карикатура приводитъ, конечно, людей и безъ того уже склонныхъ поддаться чарамъ беззубой обольстительницы метафизики. Но не въ нихъ дѣло. Гораздо любопытнѣе, что эта каррикатура дѣйствуетъ подобно нѣкоему жупелу даже на иныхъ весьма реалистически настроенныхъ и притомъ „критически-мыслящихъ" рыцарей духа. „Послѣдніе люди" Заратустры произвели на нихъ, повидимому, столь сильное впечатлѣніе, что изъ боязни остаться когда нибудь безъ идеала, они уже заранѣе спѣшатъ отказаться отъ полнаго его осуществленія.

Прочтите, напр., любопытнѣйшую въ этомъ отношеніи статью лидера соціалнародничества, Виктора Чернова, о „Субъективномъ методѣ въ соціологіи" *).

„Пусть идеалъ никогда не осуществляется въ этомъ мірѣ. Печалиться и сѣтовать объ этомъ нечего"... заявляетъ безъ всякихъ обиняковъ этотъ авторъ. Да и что, молъ, такое, въ самомъ дѣлѣ, этотъ идеалъ. „Какъ будто идеальное—восклицаетъ В. Черновъ—въ какомъ то застывшемъ и неподвижномъ мірѣ всяческаго совершенства, а не въ самой жизни, движеніи впередъ, борьбѣ за высшія формы индивидуальной и соціальной жизни!".

И въ подкрѣпленіе этой бернштейновской антитезы цѣли—движенію, онъ аппелируетъ къ Лессингу.

— Вспомните, дескать, Лессинга, который даже самому богу—на случай, еслибы тотъ вздумалъ одарить его полной истиной,—предупредительно готовилъ такой „горделивый" отвѣтъ: „Оставьте при себѣ вашу истину, чтобъ ей пусто было. Я человѣкъ маленькій. Съ меня хватитъ и одного приближенія къ ней..."

*) См. „Рус. Богатство" 1901 г. № 8, сс. 247—9.

Какъ видимъ, и надъ Викторомъ Черновымъ витаютъ всѣ тѣ же призраки „переставшей пустоты“. Но въ качествѣ „критическаго реалиста“ онъ не можетъ бѣжать отъ нихъ въ метафизическія потусторонности. Вещь въ себѣ, для г. Чернова, это не болѣе, какъ ставящее границы познанію предѣльное понятіе, или, слѣдуя его собственному выраженію, „предѣльный нуль“. И вотъ, чтобы „спасти“ отъ своего соціалистическаго идеала хоть рожки да ножки, онъ вноситъ слѣдующую поправку въ его пониманіе:

Пусть нашъ идеалъ и неосуществимъ въ эмпирическомъ мірѣ,—говоритъ намъ г. Черновъ сѣтовать объ этомъ нечего. „Вовсе не единственный выходъ спасти этотъ идеалъ, перенося его въ область лежащаго „по ту сторону“ человѣческаго опыта. Достаточно лишь правильно (!) отнестись къ идеалу, какъ *тоже* къ своеобразному предѣльному понятію, которое только указываетъ тенденцію, направленіе движенія и которое перестало бы быть указателемъ пути, если бы цѣликомъ воплотилось“...

И такъ, вотъ что значитъ „правильно“ отнестись къ идеалу. Это значитъ, отождествляя его съ призрачной вещью въ себѣ, поставить себѣ идеаломъ нѣчто безконечно приближающееся къ нулю—„предѣльный нуль“.

Нужно ли говорить, что *такой* реализмъ намъ совершенно чуждъ. Метафизическое „нѣчто“ и въ ипостаси реалистическаго „нуля“ не вдохновляетъ насъ ни на минуту. Цѣль, указующая лишь направленіе, въ которомъ слѣдуетъ молитвенно воздѣвать руки, и при томъ воздѣвать платонически, безъ всякой надежды обнять ее когда либо,—это не идеалъ, а идолъ. Но мы не идолопоклонники. Для насъ идеалъ—это вырастающая изъ условій времени соціальная задача, которая взываетъ къ человѣчеству подобно древнему сфинксу: „Разрѣши меня, или я тебя пожру!“

Въ самомъ дѣлѣ. Что такое „рабочій вопросъ“, въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ не такая загадка сфинкса.

Инстинктъ самосохраненія приводитъ къ тому, что разрѣшеніе этого объективно назрѣвающаго вопроса становится и субъективной цѣлью цѣлыхъ общественныхъ классовъ—становится ихъ *идеаломъ*. Но интересы разныхъ классовъ въ современномъ обществѣ діаметрально противоположны. И то, что является идеаломъ для однихъ, сулитъ вѣрную гибель другимъ. Мудрымъ Эдипомъ окажется поэтому лишь тотъ классъ, для котораго объективно-неизбѣжное рѣшеніе загадки сфинкса совпадаетъ съ субъективно желательнымъ. Для всѣхъ же остальныхъ классовъ даже всякое напоминаніе объ этомъ неизбѣжномъ рѣшеніи звучитъ, какъ грозное memento mori.

А если это такъ, если каждый нашъ шагъ къ достиженію тѣхъ цѣлей, что диктуются жизнью, приближаетъ часъ смерти классовъ, исторически себя пережившихъ, то вполнѣ понятно, почему идеологи этихъ классовъ уже самую постановку такихъ цѣлей клеймятъ, какъ предательство. Имъ то и впрямь только и остается, что либо выдвигать передъ собой завѣдомо мнимыя цѣли, либо отодвигать дѣйствительныя въ безпредѣльную безконечность.

Все это въ достаточной мѣрѣ объясняетъ испугъ отживающихъ классовъ передъ лицомъ надвигающагося идеала профановъ. Но вѣдь аристократы духа—это уже *деклассированные* баре и мѣщане. Имъ то ужъ, казалось бы, незачѣмъ связывать свою судьбу съ судьбою классовъ, обреченныхъ исторіей на гибель. Въ частности, въ людяхъ, подобныхъ В. Чернову, и подавно нельзя заподозрить особыхъ симпатій къ этимъ господствующимъ нынѣ классамъ. Такъ отчего же и въ этой средѣ, каждый разъ, когда рѣчь зайдетъ о „конечныхъ цѣляхъ", такъ явственно чувствуется смущеніе, такъ отчетливо проявляются черты барской психики?

„Оно, пожалуй, барство то, какъ оспа!"—отвѣтимъ на это уже цитированнымъ афоризмомъ Горькаго. „И выздоровѣетъ человѣкъ, а знаки остаются".

И въ самомъ дѣлѣ. Представимъ себѣ, что дѣло идетъ не о деклассированной интеллигенціи, а о кровныхъ борцахъ-пролетаріяхъ, рвущихся къ политическому и соціальному самоосвобожденію. И пусть имъ скажутъ: Безумцы! Что вы дѣлаете? Откажитесь скорѣе отъ достижимыхъ идеаловъ или по меньшей мѣрѣ не рвитесь такъ неудержимо къ вашей конечной цѣли, ибо когда вы ее достигнете, вамъ, увы, не за что ужъ будетъ бороться. А между тѣмъ, узнайте это, счастье можно найти лишь въ борьбѣ, въ бурномъ стремленіи къ идеалу, но не въ обладаніи имъ.

— Шутники! отвѣтилъ бы на это пролетарій. Вы говорите, что счастье въ борьбѣ. Но развѣ можно бороться безъ цѣли побѣдить? Вы утверждаете, что счастье въ бурномъ стремленіи—и предлагаете намъ топтаться на мѣстѣ. Оно, конечно, и бѣгъ на мѣстѣ можетъ служить праздникомъ—для моціона. Но намъ не до моціона. Мы не аргонавты, гоняющіеся съ жиру за призраками счастья. Нѣтъ, къ идеалу насъ гонятъ реальнѣйшіе скорпіоны соціальнаго гнета. Мы бѣжимъ сквозь строй бѣдъ отъ несчастія. И вдругъ намъ говорятъ. Остановитесь, безумцы! Ибо когда вы добѣжите до цѣли, вамъ ужъ некуда будетъ бѣжать... Ну, не шутка ли это?

И дѣйствительно въ ушахъ пролетарія такой неисполнимый совѣтъ звучалъ бы горькой шуткой даже тогда, если бы скрытая въ немъ угроза была вполнѣ реальной Но дѣло въ томъ, что и угроза то эта призрачная. Такой моментъ, когда бы живые люди перестали желать и стремиться къ осуществленію своихъ желаній, немыслимъ. Способность желать, то есть ставить передъ собой все новыя и новыя задачи,—въ человѣкѣ безгранична. Пусть наша „конечная цѣль“ будетъ достигнута, пусть всѣ задачи, которыя поставила до нынѣ передъ нами жизнь будутъ разрѣшены. Но коль скоро вмѣстѣ съ этимъ жизнь, не изсякнетъ еще въ насъ, она родитъ въ насъ новыя потребности. Въ полѣ сознанія возникнутъ новыя задачи,

и умъ человѣка обобщитъ ихъ въ новую конечную цѣль.

Нашъ—идеалъ это лишь ближайшій маякъ, освѣщающій нашъ путь среди безчисленныхъ шхеръ въ темной ночи. Пока мы ничего больше за нимъ не видимъ. Но мы знаемъ, что это маякъ, а не миражъ. Это не блуждающій огонекъ метафизики, не мистическая гнилушка. И мы смѣло правимъ на отчетливо мерцающій намъ вдали огонекъ въ твердой увѣренности, что, когда подойдемъ къ нему поближе, на горизонтѣ вспыхнетъ передъ нами слѣдующій путеводный маякъ.

„Послѣдніе люди“ Заратустры насъ не пугаютъ, ибо это не люди, а манекены. Такихъ людей быть не можетъ. Это бредъ больного воображенія. Свергнувъ съ себя классовое иго, освобожденный пролетарій станетъ только первымъ, а не послѣднимъ *человѣкомъ*. Онъ впервые лишь откроетъ собою эру человѣка, и ему некогда будетъ „моргать“. Всѣ каннибальскія формы классовой борьбы человѣка съ человѣкомъ отойдутъ тогда, конечно, въ доисторическую область преданій. Но тѣмъ свободнѣе станетъ съ этого времени поприще борьбы съ природой и взаимнаго соревнованія на этомъ безпредѣльномъ поприщѣ. Тѣмъ привольнѣе развернется передъ нами необъятная область познанія и безграничная ширь творчества.

Предѣловъ познанія, устанавливаемыхъ метафизиками, мы не признаемъ, а надъ ихъ безкровными „потусторонними“ чудесами и тайнами—смѣемся. Метафизики противополагаютъ обычно „познаваемое“—„непознаваемому“. Но для насъ существуетъ лишь *познанное* и *непознанное*. Познанное, правда, составляетъ пока лишь скромный культурный оазисъ среди необозримой и неразвѣданной дикой тайги непознаннаго. И эта тайга неотразимо влечетъ насъ къ себѣ жуткой прелестью неразгаданной тайны, а нетерпѣливая фантазія населяетъ ее роями изумительно-величественныхъ, дивно-прекрасныхъ призраковъ, лѣшихъ и русалокъ. Но чѣмъ дальше проникаетъ въ эту чащу съ

топоромъ мысли и свѣточемъ знанія геній человѣка, тѣмъ сильнѣе блѣднѣютъ въ лучахъ этого свѣточа всѣ чудесные призраки, а вмѣсто нихъ восхищенному взору открываются еще болѣе дивныя и величественныя чудеса—чудеса природы. Да, чудеса, ибо дѣйствительность всегда была и останется причудливѣе самой пылкой и необузданной, наиболѣе причудливой фантазіи.

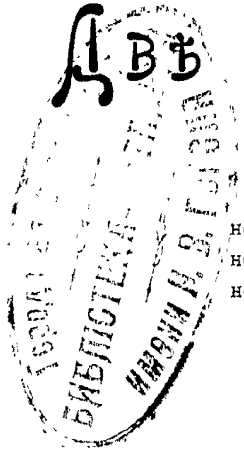
Область познанія — безгранична. Значитъ, и здѣсь бояться „переставшей пустоты“ не приходится. Но, если бы даже это было не такъ. И если бы кто-нибудь вздумалъ испугать насъ возможностью достигнуть абсолютной истины, или полнаго знанія—мы улыбнулись бы только въ отвѣтъ.

Конечно, однобокому книжнику-филистеру, живущему одними лишь интересами познаванія, такая возможность и впрямь можетъ показаться ужасной. Овладѣвъ полной истиной, онъ потерялъ бы смыслъ существованія, и ему осталось бы только, скрестивъ на пустой груди ненужныя руки, предаться dolce far niente, или удавиться. Но *цѣльный* человѣкъ, то есть такой, который живетъ не только ради познаванія. но и для творчества, не испугался бы и всевѣдѣнія. Всевѣдѣніе сдѣлало бы его всемогущимъ творцомъ. И онъ не уставалъ бы творить новые міры.

Онъ пересоздалъ бы всю вселенную.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Двѣ этики.



„Если я дѣйствительно являюсь носителемъ жизни, а противники мои носителмии начала смерти, то побѣда неизбѣжно останется за мною".

Ф. Ницше.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Двѣ этики.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Рѣзкому различію *соціальныхъ* идеаловъ аристократіи духа и профановъ соотвѣтствуетъ не менѣе же рѣзкое различіе этихъ группъ въ ихъ тактическихъ и этическихъ воззрѣніяхъ. Вообще, аристократы духа и профаны представляютъ собой два совершенно различныхъ соціально-этическихъ типа. И выше мы имѣли уже не мало данныхъ для общей ихъ характеристики. Дополнимъ, однако, еще кое что въ этомъ отношеніи и подведемъ итоги.

Въ качествѣ одной изъ характернѣйшихъ чертъ аристократіи духа, заслуживающихъ здѣсь быть отмѣченными въ первую голову, назовемъ ихъ необычайный „радикализмъ".

Всякія „*такъ называемыя* (!) радикальныя средства" вызываютъ у нихъ лишь великолѣпную гримасу презрѣнія. „Пустяки все это!" бросаетъ Генрихъ Ибсенъ по адресу всякихъ „поверхностныхъ" революцій, „Важенъ лишь бунтъ человѣческаго духа!"

„Спасенія слѣдуетъ ждать не отъ революціонно-соціалистическихъ идеаловъ,—учитъ насъ г. Бердяевъ,—а отъ

перехода къ новой религіозной вѣрѣ *на почвѣ глубокаго разочарованія въ существѣ всякой человѣческой революціи*". И въ самомъ дѣлѣ. Что сулитъ намъ пролетарская революція? „Люди будутъ счастливы, *вотъ и все*, что говорятъ намъ!" возмущается г. Бердяевъ *).

Для аристократовъ духа этого, разумѣется, чрезвычайно недостаточно, и они изъ кожи вонъ лѣзутъ, чтобы доказать всему міру насколько они радикальнѣе тѣхъ чудаковъ, которые до сихъ поръ продолжаютъ еще интересоваться такими „пустяками", какъ революція.

„Теократическій соціализмъ — „запугиваетъ", напр., г. Бердяевъ свою аудиторію — *гораздо радикальнѣе*, и для буржуазнаго міра *страшнѣе* всякаго другого соціализма" **).

Это звучитъ такъ радикально, что у робкаго человѣка могутъ задрожать поджилки, и онъ съ изумленіемъ спроситъ себя. Да чего же это дремлетъ полиція? Какъ это она еще терпитъ такъ долго этихъ ультра-фіолетовыхъ, то бишь ультра-радикальныхъ бунтовщиковъ духа!

Но полиція, неукоснительно выполняя всѣ свои прямыя обязанности, очень мало безпокоится о бунтаряхъ человѣческаго духа, обнаруживая этимъ гораздо больше проницательности, чѣмъ за ней признаютъ обыкновенно. Дѣло въ томъ, что радикализмъ аристократіи духа въ полицейскомъ отношеніи представляетъ собою очень невинное занятіе. Правда, говорятъ они языкомъ всесвѣтныхъ разрушителей, но всѣмъ извѣстно, что это одни только разговоры. Правда, какой нибудь докторъ Штокманъ, или Савва Тропининъ доверху начинены экстра-динамитомъ; но вѣдь и тотъ и другой не больше, какъ *литературныя* бомбы Ибсеновъ и Андреевыхъ. Такъ стоитъ ли внимать имъ среди подлинныхъ молній гнѣва и раскатовъ грома всенароднаго Sturm und Drang'а?

---

*) Новое религіозное сознаніе, сс. 129, 85.

**) Тамъ же, с. 222.

Въ эпохи общественной „бури и натиска“, какъ извѣстно, даже наименѣе воинственные, запечные обыватели выползаютъ изъ всѣхъ расщелинъ дряхлаго міра и записываются по меньшей мѣрѣ въ „мистическіе анархисты“. Но есть ли резонъ тревожиться о нихъ полиціи, если даже въ своей собственной средѣ они встрѣчаютъ иной разъ такую вотъ примѣрно оцѣнку:

„Декадентская общественность воевала съ міромъ...“ живописуетъ картинку изъ недавняго прошлаго г. Андрей Бѣлый. „Всѣ они глумились надъ соціалдемократами:

„Мы то лѣвѣе васъ!“

За чаемъ бросали словесныя бомбы, экспропріируя чужія мысли. Всѣ они забѣгали влѣво, пропадали за горизонтомъ, купаясь въ мистикѣ, и восходили, какъ солнца, справа.

И ватага мистиковъ росла, все росла, бездѣльно шатаясь другъ къ другу и поднимая метель словъ“ *).

Аристократы духа — это *литературные* динамитчики. Они не столько паладины духа, сколько рыцари пера и фразы. Ихъ угрозы спалить „огнемъ“ весь міръ никого не пугаютъ, ибо огни ихъ бенгальскіе. Къ тому же и зажигаются они обычно въ такомъ удаленіи отъ всѣхъ дѣйствительно горючихъ элементовъ „массы“, а на элементы эти изливается предварительно столько влаги изъ помойныхъ ушатовъ аристократическаго презрѣнія, что никакой опасности пожара буржуазному міру отъ этихъ литературныхъ фейерверковъ, отнюдь, не угрожаетъ.

Скажемъ даже больше. Напрасно аристократы духа съ грознымъ видомъ синицы, собирающейся зажечь море, пугаютъ „чистую публику“ своими словесными ракетами и фальшфейерами. Эти ультра-радикальные фальшфейеры и ракеты только пріятно щекочутъ нервы господъ филистеровъ. И благодушно, кружку за кружкой попивая подъ

*) *А. Бѣлый.* Кубокъ метелей. Четвертая симфонія. М. 1908 г. с. 23.

трескъ аристократическихъ шутихъ свое пиво, они лишь громко хлопаютъ въ ладоши и требуютъ повторенія.

Да и то сказать. Какъ имъ не благодушествовать, коли ихъ столь усердно увеселяютъ.

Въ самомъ дѣлѣ. „Люди будутъ счастливы, вотъ и все, что говорятъ намъ!“ негодуетъ г. Бердяевъ по адресу подлинныхъ соціалистовъ. Перспектива счастія представляется, стало быть, слишкомъ низменной этому „идеалисту“. Но вы очень сильно ошибетесь, заключивъ изъ этого, что самъ онъ отъ имени своего какъ-бы соціализма развертываетъ, болѣе эфирныя дали, болѣе заманчивыя перспективы. Нѣтъ, въ томъ то и дѣло, что для г. Бердяева нѣтъ большаго зла въ соціализмѣ, чѣмъ какія бы то ни было далекія перспективы. Все то, что зоветъ въ немъ къ великой борьбѣ, рождаетъ титаническія страсти и сулитъ восторги побѣды—всѣ эти зовущія дали, именуемыя у г. Бердяева „атеистической религіей“ соціализма, безпощадно имъ отметаются.

„Въ окончательное осуществленіе золотого вѣка соціализма“ онъ, конечно, „не вѣритъ“. Соціальная революція для него это не больше, какъ „нелѣпость и невозможность“, а „страстная ненависть и страстная любовь противоположныхъ сторонъ, буржуазіи и пролетаріата“—несомнѣннѣйшее „зло“. И вотъ этой „лжи“ соціализма классоваго г. Бердяевъ противополагаетъ „правду всенароднаго *сверхклассоваго* соціализма“. „Праведный соціализмъ“, по опредѣленію г. Бердяева, „есть соціализмъ *либеральный*, протекающій въ рамкахъ декларацiи правъ“, и его правда формулируется въ слѣдующемъ знаменательномъ афоризмѣ

„Соціализмъ есть вопросъ кухонный...“ „и потому онъ не долженъ вызывать такихъ безумныхъ страстей!“ *).

Воистину, намъ жаль г. Бердяева! Страстную любовь и ненависть почитать зломъ! Чураться безумныхъ страстей! Да вѣдь это и есть самое подлинное мѣщанство. Такъ

*) Тамъ же, сс. 60, 121, 109, 104, 122!

думать и чувствовать могутъ лишь люди съ безнадежно импотентной мыслью и кастрированнымъ сердцемъ. Нѣтъ, люди съ темпераменто мъ борца, будь это даже идеологи буржуазіи, говорятъ совсѣмъ по иному:

„Въ гнѣвѣ чувствую я всю мощь моего бытія,—воскликалъ еще Лютеръ,—ненависть, superexaltatio любви". „Для великихъ проблемъ нужна и великая любовь"—добавилъ бы къ этому пламенный Ницше. А мы съ своей стороны замѣтимъ словами Т. Карлейля, что „люди еще слишкомъ умѣренны въ ненависти,—слѣпа она, или разумна,—и что хорошій ненавистникъ еще не появлялся на свѣтъ" *).

Намъ понятны, конечно, потуги г. Бердяева подрѣзать крылья у соціализма, вынуть изъ него душу и отправить поскорѣе на кухню. Въ иномъ видѣ его не переваривает беззубое религіозное сознаніе нашего автора. И въ этомъ мы даже готовы видѣть вмѣстѣ съ нимъ „глубокую внутреннюю логику". „Только соціализмъ... не полагающій своего послѣдняго паѳоса въ такихъ вещахъ, какъ обобществленіе средствъ производства",—то есть только соціализмъ уже препарированный на кухнѣ оппортунизма,—„можетъ быть, по признанію г. Бердяева, оправданъ религіозно" **). Быть можетъ, это и такъ. Но къ чему же тогда съ больной головы валить на здоровую? Къ чему тогда всѣ разговоры гг. Бердяевыхъ о „мѣщанствѣ" *того* соціализма, который, правда, не ищетъ себѣ религіознаго оправданія, но зато ужъ отнюдь не чуждается ни великихъ страстей, ни далекихъ цѣлей!..

Нужно впрочемъ отдать должное послѣдовательности г. Бердяева. Выступая апостоломъ кухонныхъ идеаловъ' онъ не только соціализмъ, но и анархизмъ стремится подать своему читателю въ наиболѣе удобоваримомъ видѣ. И, дѣйствительно, въ pendant къ его кухонному какъ бы

*) *Т. Карлейль.* Историч. и критич. опыты. М. 1878 г. с. 362.

**) *Бердяевъ.* Новое религ. сознаніе, с. 120.

соціализму у него получается вполнѣ салонный... съ позволенія сказать, анархизмъ.

Въ „слащавыя утопіи“ подлинныхъ анархистовъ онъ, конечно, совсѣмъ не вѣритъ. И ихъ „хулиганскому“ анархизму противополагаетъ свой, теократическій. При этомъ оказывается, что и сей „теократическій анархизмъ“, подобно бердяевскому „какъ бы соціализму“, находится опять таки „въ глубочайшемъ идейномъ родствѣ“ и „даже тождественъ“ *съ либерализмомъ* *). Преимущества же этого „теократическаго“ анархизма по сравненію съ „хулиганскимъ“ сводятся къ слѣдующимъ двумъ.

Во первыхъ, „истинный анархизмъ—по словамъ г. Бердяева—будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и истиннымъ іерархизмомъ“... А во вторыхъ, „здоровый анархизмъ—и это, очевидно, самое главное—можетъ развиваться *по ступенямъ*“ **).

„Тенденція къ окончательному безвластію—успокаиваетъ свою „перепуганную“ аудиторію нашъ какъ-бы анархистъ—можетъ постепенно проникать въ жизнь“. И при томъ проникать не путемъ насилія, а такими путями, какъ „пассивное сопротивленіе государству“, „отказъ власти въ моральномъ довѣріи“, etc. Ибо „нужно органически воспитать человѣчество въ направленіи безвластія, сдѣлаться *достойнымъ* теократіи, а не насильственно-механически устраивать анархическую свободу“ ***). Говоря короче, нужно заслужить свободу, а не отвоевывать ее. А еще рельефнѣе выражаются тѣ же тактическія воззрѣнія г. Бердяева въ слѣдующемъ его призывѣ:

„*Не будемъ ничего дѣлать для будущаго времени*, не будемъ думать о будущемъ, о временномъ, будемъ все дѣлать только для вѣчности“..., ибо „не человѣческими силами созиждется теократія“... ****)

---

*) Тамъ же, сс. 60, 150—152, 136.

**) Тамъ же, сс. 155, 153.

***) Тамъ же, сс. 153, 151.

****) Тамъ же, сс. 80 и 226.

Какъ видимъ, поваръ изъ г. Бердяева вышелъ бы чудесный. Подъ соусомъ изъ принциповъ либерализма, въ гарнирѣ непротивленства и съ приправой теократическаго елея онъ даже изъ „хулиганскаго анархизма“ сумѣлъ состряпать до тошноты благонамѣренное блюдо. И за такое искусство онъ, несомнѣнно, въ правѣ вплесть въ свой вѣнокъ славы хоть цѣлую охапку... лавроваго листа. Но утверждать, что подобная тошнотворная стряпня для буржуазнаго міра „страшнѣе всякаго соціализма“ можно лишь развѣ мѣщанскимъ курамъ на смѣхъ, то есть по-просту для увеселенія „почтеннѣйшей публики“.

И въ самомъ дѣлѣ. То-то струхнетъ мѣщанскій міръ подобно коту Васькѣ въ извѣстной баснѣ, когда г. Бердяевъ въ сознаніи своего поварского величія прочтетъ ему проповѣдь о необходимости сдѣлаться достойными теократіи, да еще пригрозитъ, вдобавокъ, построже, отказомъ въ моральномъ довѣріи!

А, впрочемъ, гдѣ ужъ ему грозить со строгостью! Г. Бердяевъ-поваръ деликатнаго обращенія, поваръ идеалистъ А такіе повара, какъ извѣстно, даже кота Ваську не рѣшаются назвать иначе, какъ по имени-отчеству, Василіемъ Котофеичемъ. Къ тому же онъ чуждъ безумныхъ страстей и во всемъ наблюдаетъ строжайшую „постепенность“. Отказать буржуазному коту сразу въ моральномъ довѣріи-это значило бы сразу же и проповѣдь прикончить, ибо всякая проповѣдь съ необходимостью предполагаетъ извѣстное моральное довѣріе къ тому, кому проповѣдуютъ Но для нашего повара это означало бы подрубить подъ собой тотъ самый тактическій сукъ, на которомъ зиждется вся его вѣра въ осуществимость столь страшной для буржуазнаго кота теократіи. И потому онъ, безъ сомнѣнія, отказывалъ бы этому коту въ довѣріи осмотрительно—по ступенямъ. Сегодня на одну, завтра на другую, и притомъ съ оговорочками, конечно.

— Извините, молъ, за безпокойство, но право же я долженъ вамъ сегодня отказать еще на одну приступочку въ моральномъ довѣріи. Не теряю, однако жъ, надежды, что вы исправитесь когда-нибудь, Василій Котофеичъ. А потому займусь пока составленіемъ лекціи куренку на тему объ „этизаціи средствъ борьбы“. Боюсь я, видите ли, какъ бы онъ, сохрани Богъ, не пошелъ дальше „пассивнаго сопротивленія“ зубамъ вашего степенства.

II.

Правда, не всѣ аристократы духа уподобляются въ этомъ отношеніи г. Бердяеву. Безсильная ненависть къ міру современнаго мѣщанскаго благополучія вызывала уже не у одного изъ нихъ злорадный призывъ, обращенный къ пролетаріату:

„Топчи ихъ рай, Аттила!“

Но и тутъ, какъ видитъ читатель, побѣдоносные профаны рисуются имъ не иначе, какъ въ видѣ какихъ то ужасныхъ гунновъ—разрушителей культуры. И хотя, по свидѣтельству самихъ аристократовъ духа, эти гунны, „невольники воли“, „что тучей нависли надъ міромъ“, „оживятъ одряхлѣвшее тѣло волною пылающей крови“,—но все же *для нихъ* это лишь „орда опьянѣлая“, которая пройдетъ повсюду „грозой разрушенія“, зажжетъ „книги кострами“ и станетъ творить „мерзость въ храмѣ“.

А мы,—проникновенно поетъ г. Брюсовъ,

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и вѣры,
Унесемъ зажженные свѣты
Въ катакомбы, въ пустыни, въ пещеры. *)

Мы видѣли уже однажды, какъ трудно было г. Брюсову, несмотря на всю его изобрѣтательность, придумать такую ситуацію, въ которой грядущая революція угрожала бы культурѣ и ея носителямъ. Вспомните его „Послѣд-

*) *В. Брюсовъ*. Вѣнокъ. „Грядущіе гунны“, с. 143.

нихъ мучениковъ". Тамъ у него, дѣйствительно, „мудрецы и поэты" становятся жертвой „послѣдней" революціи. Но для этого г. Брюсову пришлось изобрѣсти отъ ихъ имени культъ „Слѣпой Тайны" многочленныхъ объятій и заставить совершать „мерзость въ храмѣ"—вплоть до растлѣнія невинныхъ дѣтскихъ душъ—не гунновъ, а именно своихъ „мудрецовъ и поэтовъ".

Такимъ растлителямъ беззащитныхъ дѣтей и впрямь покойнѣе будетъ передъ лицомъ „грядущихъ гунновъ" убраться со своими „тайнами и вѣрой" куда нибудь подальше. Но кострыг изъ книгъ и тому подобные ужасы—это ужъ такія поэтическія вольности г. Брюсова, останавливаться на которыхъ здѣсь совершенно не стоитъ.

Какъ бы то не было однако, но фактъ на лицо. Въ недовѣріи къ пролетарской тактикѣ сходятся аристократы духа всевозможныхъ оттѣнковъ. И гг. Бердяевы, сводя въ своемъ требованіи „этизаціи средствъ борьбы" *) *тактическія* разногласія аристократіи духа и профановъ къ *этическимъ*, лишь ярче другихъ выражаютъ это общее недовѣріе.

Впрочемъ, гг. Бердяевы распространяютъ свое этическое недовѣріе не только на средства, но и на конечныя цѣли „грядущихъ гунновъ". И въ этомъ, пожалуй, есть своя логика. Средства каждой соціальной группы, дѣйствительно, всегда соотвѣтствуютъ въ общемъ ея цѣлямъ, а тактическія воззрѣнія—этическимъ. И потому идеалы пролетаріата, точно такъ же, какъ его тактика и этика, вполнѣ гармонируя другъ другу, носятъ очень рѣзко выраженный классовый характеръ. А съ этимъ наши повара-идеалисты въ качествѣ приверженцевъ сверхклассовой этики „категорическаго императива" примириться, конечно, никакъ не могутъ.

Напомнимъ читателю хотя бы г. Петра Струве, который еще въ тѣ отдаленныя времена, когда его по недо-

*) *Н. Бердяевъ.* Новое религ. сознаніе, с. 63.

разумѣнію считали марксистомъ, ставилъ „передъ теоретиками новаго общества великую идеологическую задачу создать въ пролетаріатѣ моральное настроеніе и міровоззрѣніе, стоящее на высотѣ, во-первыхъ, его политическаго настроенія, во-вторыхъ, его историческаго общественнаго призванія, иначе говоря, вложить цѣнное моральное содержаніе въ его общественно-политическій идеалъ“ *). Ту же мысль варіировали, конечно, въ свое время и на свой ладъ и всѣ прочіе повара-идеалисты, шествовавшіе за г. Струве подъ общимъ знакомъ „критики“.

„Въ его прогрессивныя, соціально-политическія стремленія—заявлялъ, напримѣръ, г. Бердяевъ о пролетаріатѣ—еще нужно внести *идеальное нравственное содержаніе, которое, конечно, не можетъ быть классовымъ*“ **).

Задача, такимъ образомъ, была поставлена. И гг. „идеалисты“, высоко поднявъ свое „сверхклассовое“ знамя вѣчныхъ моральныхъ истинъ и естественныхъ правъ—знамя „Освобожденія“ — очень скоро въ исторической практикѣ доказали... метафизичность своего мышленія.

Прекрасная Дульцинея, цвѣта которой утвердилъ на „освобожденскомъ“ щитѣ г. П. Струве, гарцуя на своей метафизической Россинантѣ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалась, увы, вульгарнѣйшей дщерью трактирщика. Плевшійся за нимъ на ослѣ коллективный Санхо-Пансо съ обликомъ не то братьевъ Стаховичей, не то братьевъ Гучковыхъ безъ всякаго труда подставилъ въ туманныя формулы нашего рыцаря изъ Ламанча свое содержаніе,—и вотъ результаты этого историческаго анекдота уже на лицо.

„Вѣчныхъ истинъ“ г. Струве уже почти не различишь отъ классовыхъ идеаловъ отечественной дщери трактирщика. Его идеальное царство цѣлей вылилось въ царство цензовой плутократіи. И всѣ естественныя права человѣка

*) *Струве-Бердяевъ.* Субъективизмъ и Индивидуализмъ. Спб. 1901 г., с. LXXII.

**) „Проблемы Идеализма“, с. 127.

преблагополучно сводятся уже въ ней къ одному „неотъемлемому“ праву руководящихъ партій—праву пѣнкоснимательства.

Что же сказать о прочихъ рыцаряхъ печальнаго... то бишь, критическаго образа? Научились ли они чему нибудь изъ этого урока исторіи? Отказались ли они отъ своихъ расплывчатыхъ лозунговъ и безсодержательныхъ схемъ? О, нѣтъ. Они и теперь все такъ же высоко поднимаютъ свои окостенѣвшія метафизическія реликвіи и все такъ же внушительно потрясаютъ ими передъ лицомъ классовой пролетарской идеологіи.

Оно, положимъ, еще Помпонацій доказывалъ, что вліяніе реликвій зависитъ лишь отъ „воображенія вѣрующихъ, и такъ же хорошо воспослѣдовало бы, если бы это были даже собачьи кости“. А чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, метафизическія кости хуже собачьихъ. Но импонировать эти кости могутъ лишь тѣмъ, кто въ нихъ вѣруетъ. А мы не принадлежимъ къ ихъ числу. И потому гг. рыцари критическаго образа вызываютъ съ нашей стороны лишь улыбку, когда, побрякивая своими высохшими костями сверхклассовыхъ абстракцій, они думаютъ заглушить ими могучій набатъ классовой воли къ свободѣ.

Нѣтъ, не „малый разумъ“ логическихъ абстракцій диктуетъ человѣку содержаніе его идеала, а „большой“, то есть его попранныя инстинкты, его воля. Идеалы выковываются въ борьбѣ, а не навязываются путемъ духовно-нравственной проповѣди. И никакая проповѣдь не будетъ даже услышана, если къ ея голосу не сдѣлаютъ воспріимчивымъ ухо слушателей голодъ души и тѣла этихъ послѣднихъ.

Но можетъ ли стать, въ такомъ случаѣ, болѣе „цѣннымъ“ тотъ ,или другой идеалъ только потому, что вы ему присвоите *имя* общечеловѣческаго, сверхклассоваго, абсолютнаго? Вѣдь *содержаніе* его отъ этого не измѣнится Попираемые классовыми антагонизмами, инстинкты профа-

новъ требуютъ лишь устраненія этихъ антагонизмовъ и не больше. Но зато они требуютъ этого властно, во что бы то не стало. И стань поперекъ дороги этому требованію не только интересы, но даже самое *существованіе* паразитствующаго класса въ цѣломъ—профановъ это не остановитъ. А въ такомъ, хотя бы и совершенно гипотетическомъ случаѣ, классовый характеръ идеала профановъ становится болѣе даже, чѣмъ осязательнымъ.

Конечно, очень легко сказать: нашъ идеалъ *нынѣ* близокъ только одному классу, но *современемъ* этотъ классъ станетъ всѣмъ человѣчествомъ. И, стало быть, выражая интересы всего будущаго человѣчества, нашъ классовой идеалъ въ извѣстномъ смыслѣ и нынѣ можетъ быть признанъ — общеловѣческимъ. Но это будетъ совсѣмъ не то, чего отъ насъ хотятъ гг. повара-идеалисты.

Ихъ этическій абсолютизмъ требуетъ признанія во всякомъ человѣкѣ самоцѣли. Буржуа въ этомъ смыслѣ равноцѣненъ пролетарію — оба люди. И, если неправъ первый не признавая во второмъ самоцѣли, то, во всякомъ разѣ, и второй не въ правѣ устранить по пути къ своей цѣли перваго. И съ формальной точки зрѣнія это вполнѣ логично. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, пролетарій счелъ свою личность болѣе цѣнной по сравненію съ личностью своего классового врага, и, вообще, почему хотя бы цѣлый милліонъ угнетенныхъ цѣннѣе одного угнетателя? Въ дѣлѣ этическихъ нормъ ариѳметика не приложима. И съ точки зрѣнія категорическаго императива одна личность не можетъ быть принесена въ жертву ради спасенія милліона жизней, точно такъ же, какъ и наоборотъ.

Такова сверхклассовая мораль „идеалистовъ“. И, быть можетъ, мы признали бы за ней всѣ ея достоинства, живи мы въ сверхклассовомъ же обществѣ. Но этого, къ сожалѣнію, нѣтъ. Мы живемъ пока что въ классовомъ строѣ въ вѣчномъ круговоротѣ классовой борьбы и классовой же эксплоатаціи. И потому волей-неволей намъ приходится

признать, *для себя по крайней мѣрѣ*, полную непригодность всякой сверхклассовой морали.

Въ самомъ дѣлѣ. Требованія сверхклассоваго „долга“ вполнѣ категоричны. Они гласятъ: Ни одна личность не можетъ быть принесена въ жертву, хотя бы ради сотни милліоновъ. И мы ровно ничего не имѣли бы возразить на это, еслибъ не одно сомнѣніе: Но какъ же быть, спросимъ мы гг. поваровъ-идеалистовъ, если эта одна личность, какъ котъ уже помянутой басни, лишь слушаетъ вашу моральную проповѣдь да ѣстъ своего куренка? Неужели стряпать все новыя проповѣди?

Не должна ли тутъ ваша сверхклассовая мораль или фарисейски утвердить догматъ непротивленія слабѣйшихъ сильнѣйшимъ, или прямо и открыто стать на сторону той или другой борющейся общественной силы, то есть сдѣлаться моралью классовой.

Конечно, съ Котомъ-Васькой крыловскій поваръ могъ еще справиться, и не особо прегрѣшая противъ этическихъ обсолютовъ. Стоило лишь деликатно вышвырнуть его, взявши за шиворотъ, изъ кухни, и вся недолга. Но вѣдь съ тѣмъ котомъ, которому читаютъ свою мораль гг. Бердяевы, такъ не поступишь, ибо у него одного гораздо больше силы, чѣмъ у всѣхъ нашихъ этическихъ поваровъ, взятыхъ заразъ. Какъ же тутъ быть? Вступить съ нимъ въ борьбу не на животъ, а на смерть ради спасенія куренка — не этично. А совсѣмъ не препятствовать ему совершать свою трапезу куренкомъ—тоже какъ будто неловко съ точки зрѣнія „долга“.

Чтобы спасти мораль долга въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ есть только одно средство. Это стать утопистомъ и увѣровать въ возможность разрѣшенія всѣхъ жизненныхъ коллизій мирнымъ путемъ, безъ борьбы: Не путемъ „катаклизмовъ“, а путемъ „поправокъ“. И гг. „идеалисты“ дѣйствительно хватаются за эту возможность, какъ утопающій за соломенку. Такъ, напримѣръ, г. Бердяевъ

провозгласилъ свою теорію „поправокъ“ еще въ первой же книгѣ, съ которой онъ выступилъ передъ читающей публикой.

„Эти поправки, создаваемыя самимъ капиталистическимъ развитіемъ,—возвѣщалъ г. Бердяевъ своимъ читателямъ,—до тѣхъ поръ будутъ штопать дыры существующаго общества, пока вся общественная ткань не сдѣлается сплошь новой...“ *)

Не правда ли какая счастливая мысль! Однимъ росчеркомъ пера нашъ авторъ невозможное дѣлаетъ возможнымъ. Стоило лишь г. Бернштейну призвать насъ въ удачную минуту: „Назадъ, къ Ланге!“ и вотъ уже робкая мечта этого стараго утописта—превратить ради спасенія культуры „путь разрушительной революціи въ путь благодѣтельныхъ реформъ“ **)—стала живой дѣйствительностью... въ книгѣ г. Бердяева. Скажите же, не правъ ли онъ, отмѣчая „большое *этическое* значеніе“ ***) своего пониманія исторіи?

Правда, это пониманіе не вполнѣ согласуется съ евангельской притчей: „И никто къ вѣтхой одеждѣ не приставляетъ заплаты изъ небѣленой ткани, ибо вновь пришитое отдеретъ отъ стараго и дыра будетъ еще хуже“. Теперь уже нельзя сказать: „Никто не приставляетъ“, ибо г. Бердяевъ возвелъ такой образъ дѣйствія во всеобщій законъ исторіи и притча, стало быть, опровергнута. Но тѣмъ хуже для притчи. Правда и то, что „откровеніе“ г. Бердяева представляетъ собой не больше, какъ легонькое переложеньице или, если угодно, вольный переводъ съ нѣмецкаго. Но и это не важно. Заимствовалъ ли г. Бердяевъ свое пониманіе исторіи у г. Бернштейна, или у того другого гейневскаго нѣмца, который,

Шлафрокъ надѣвши и спальный колпакъ,
Штопаетъ дыры всего мірозданія,

---

*) *Н. Бердяевъ.* Субъективизмъ и Индивидуализмъ, с. 260.

**) *Ф. А. Ланге.* Исторія матеріализма. Т. II. Спб. 1883 г. с. 462.

***) *Бердяевъ.* Суб. и Инд. с. 260. Курс. автора.

за нимъ во всякомъ случаѣ остается заслуга удачнаго выбора своихъ заимствованій. Не всякому вѣдь удается заимствовать вещи столь „большого этическаго значенія“, какъ вѣра въ штопающую силу самого капиталистическаго развитія.

Да, сознаемся, эта вѣра весьма почтенная. Она позволяетъ своимъ адептамъ безъ малѣйшей краски въ лицѣ толковать объ общечеловѣческихъ идеалахъ и общечеловѣческой морали даже въ такіе острые моменты внутри общественной борьбы, когда противорѣчивость всѣхъ „общечеловѣческихъ“ фикцій становится до боли осязательной. Но, къ сожалѣнію, или вѣрнѣе, къ счастію, эта вѣра можетъ быть усвоена лишь морализирующими *свидѣтелями* жизненной драмы. Участникамъ же ея она психологически недоступна.

III.

Здѣсь умѣстно будетъ, однако, развить нѣсколько подробнѣе нашъ взглядъ на этическую проблему.

Идеалисты приписываютъ своей морали долга супранатуральную сущность. „Нравственный законъ — утверждаетъ, напримѣръ, г. Бердяевъ — есть непосредственное откровеніе абсолютнаго, — это голосъ Божій внутри человѣка, онъ данъ для міра сего, но онъ не отъ міра сего“ *). И потому немудрено, что они твердятъ намъ о вѣчныхъ и неизмѣнныхъ истинахъ, объ абсолютномъ добрѣ и тому подобныхъ надъисторическихъ фикціяхъ. Но мы, памятуя гераклитовское: „все течетъ“, не вѣримъ въ абсолюты и ко всякому явленію подходимъ, прежде всего, съ вопросомъ о его генезисѣ.

Нравственное чувство или, что то же, соціальный инстинктъ — несомнѣнный фактъ. Перерабатывается оно въ сознаніе „долга“ — это тоже фактъ, хотя и не всеобщій.

*) Проблеммы идеализма, с. 104.

Но эти факты несомнѣнно имѣютъ свою исторію. Заглянемъ же въ нее, хотя бы мелькомъ.

„Добро“ и „зло“—человѣческія оцѣнки. А человѣкъ—это „мѣра всѣхъ вещей“, по Протагору—представляетъ собою мѣру крайне измѣнчивую во времени и въ пространствѣ. Естественно поэтому, что и понятіе „добра“, соотносительное съ тѣмъ, для кого оно добро, — должно мѣнять свой смыслъ для разныхъ соціальныхъ группъ и въ разныя эпохи, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Для однихъ оно мыслится въ формѣ желаемаго (мораль воли), для другихъ—въ формѣ должнаго (мораль долга), не говоря уже о многоразличіи того конкретнаго содержанія „добра“, какое можетъ мыслиться и въ той, и въ другой формѣ. Но намъ пока важно отмѣтить только слѣдующее основное различіе:

Въ человѣческой дѣятельности, вообще говоря, различаютъ поступки эгоистическіе—добро для себя,—и альтруистическіе—добро для другихъ. Въ основѣ первыхъ лежитъ индивидуальный инстинктъ самосохраненія, въ основѣ вторыхъ—инстинкты соціальные, то есть такіе, которые направлены къ сохраненію того или иного соціальнаго *цѣлаго,* и притомъ зачастую даже въ прямой ущербъ самому дѣйствующему индивиду. Конечно, инстинкты дѣйствуютъ въ человѣкѣ за предѣлами его сознанія и опредѣляютъ его сознательную дѣятельность лишь такъ сказать, въ послѣднемъ счетѣ. Но это для насъ въ данномъ случаѣ не имѣетъ существеннаго значенія.

— Откуда же однако взялись въ человѣкѣ эти инстинкты?—спроситъ насъ читатель. Отвѣчая на этотъ сложный вопросъ по необходимости кратко, мы скажемъ: ихъ выковала борьба за существованіе.

Для того, чтобы жить и развиваться, человѣкъ долженъ реагировать на внѣшнія воздѣйствія не только цѣлесообразно, къ чему приводитъ опытъ и размышленіе, но и своевременно. Отличить вредное растеніе отъ полезнаго вы

должны не тогда, когда уже отравитесь имъ, а какъ только прикоснетесь къ нему языкомъ, или даже взглянете на него мелькомъ. „Отвращеніе“ къ этому растенію должно, стало быть, привиться уже вашему языку и вашему глазу. Точно такъ же въ десяти шагахъ отъ тигра некогда уже *обдумывать* планъ бѣгства, или защиты. Этотъ „планъ“ долженъ быть заранѣе готовымъ въ вашихъ ногахъ и рукахъ.

Иными словами, всѣ ваши чувства и органы должны реагировать, въ подобныхъ случаяхъ, уже рефлекторно, то есть безъ всякаго участія сознанія. А такая рефлекторность, или „машинальность“ извѣстныхъ дѣйствій достигается, какъ извѣстно, въ результатѣ частаго ихъ повторенія и вытекающей отсюда привычки. Этимъ путемъ возникаютъ всѣ наши привычныя акціи и реакціи, симпатіи и антипатіи. Привычка же, въ свою очередь, все усиливаясь и упрочиваясь въ рядѣ поколѣній, становится, наконецъ, наслѣдственной. И тогда ее называютъ инстинктомъ.

Само собой разумѣется при этомъ, что особи съ наиболѣе развитымъ инстинктомъ самосохраненія переживаютъ другихъ въ борьбѣ за существованіе и передаютъ его по наслѣдству въ нисходящія поколѣнія. Особи же, лишенныя его, гибнутъ, не оставляя потомства. Такимъ образомъ, этотъ полезный для жизни инстинктъ, зачатковъ котораго пришлось бы искать въ исторіи нашихъ наиболѣе отдаленныхъ зоологическихъ предковъ, непрерывно развивается и крѣпнетъ въ человѣкѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе. И хотя онъ очень давно ужъ не господствуетъ въ насъ безраздѣльно, его и понынѣ все же приходится считать важнѣйшей пружиной всѣхъ человѣческихъ дѣйствій.

Переставъ вполнѣ удовлетворять своему назначенію инстинктъ индивидуальнаго самосохраненія еще съ тѣхъ незапамятныхъ временъ, когда наши отдаленные предки стали впервые жить обществами. Каждому такому обществу приходилось, конечно, бороться и съ природой и съ дру-

гими враждебными обществами. Но для успѣха такой общественной борьбы за существованіе важнѣе всего сплоченность и солидарность всѣхъ членовъ общества. И потому именно инстинктъ *индивидуальнаго* самосохраненія становится тутъ ужъ не только недостаточнымъ, но иной разъ, пожалуй, даже гибельнымъ.

Представьте себѣ, напримѣръ, что на ваше племя напало другое, а вы, вмѣсто того, чтобы оказать ему дружный отпоръ, трусливо спрячетесь другъ за дружку ради личнаго спасенія. Цѣль эта, конечно, не будетъ достигнута, ибо въ результатѣ все ваше племя трусовъ погибнетъ цѣликомъ. Племя же, всѣ сочлены котораго сумѣютъ проявить максимумъ геройства и самоотверженія, наоборотъ, окажется побѣдителемъ. А это побудитъ его и впредь высоко цѣнить названныя качества и, старательно поощряя, культивировать ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе среди своихъ сочленовъ. Культивировать до тѣхъ поръ, пока эти традиціонныя доблести не войдутъ въ плоть и кровь всего племени, то есть пока онѣ не достигнутъ прочности инстинкта. Но тогда ужъ получится инстинктъ *соціальнаго* самосохраненія.

Какъ видимъ, альтруизмъ съ точки зрѣнія его происхожденія можно разсматривать просто, какъ исправленное и дополненное изданіе эгоизма. На извѣстной ступени развитія отстаивать свои интересы *въ одиночку* становится слишкомъ затруднительно. Тогда закрѣпленный въ инстинктѣ опытъ многихъ поколѣній принуждаетъ каждаго связывать свои интересы съ однородными интересами многихъ другихъ и отстаивать эти групповые интересы *сообща*. Въ идеалѣ, при наличности благопріятныхъ условій, этотъ унаслѣдованный собирательный опытъ расширяетъ личный эгоизмъ индивида, распространяя его на цѣлую группу лицъ, до предѣловъ эгоизма коллективнаго. И тогда, вмѣсто двухъ соперничающихъ и взаимно-ослабляющихъ другъ друга инстинктовъ, получается одинъ, мощ-

ный и цѣльный, который примиряетъ въ высшемъ единствѣ интересовъ солидарнаго цѣлаго и личныя, и соціальныя стремленія человѣка.

Творить добро своимъ ближнимъ составляетъ не обязанность, а потребность эгоиста этого рода. Отождествляя въ силу унаслѣдованнаго инстинкта общественные интересы со своими личными, онъ и на величайшіе подвиги самоотреченія идетъ безъ малѣйшей внутренней борьбы, безъ надрыва. А тѣмъ, кто вздумалъ бы усмотрѣть въ этомъ жертву съ его стороны, нашъ эгоистъ лишь улыбнется въ отвѣтъ: вы забываете, скажетъ онъ, что враги друзей и братьевъ моихъ—это мои враги, и что, расточая въ борьбѣ съ ними душу, я слѣдую лишь влеченію своего сердца. Я *для себя* это дѣлаю. Моя воля—вотъ мой верховный законъ. И если *она* ставитъ передо мной великія соціальныя задачи, то что могло бы заставить меня отступить передъ ними!.. Я сгину, или разрѣшу ихъ — car tel mon plaisir—ибо я такъ хочу!

Вотъ что называемъ мы моралью воли

Правда, въ извѣстномъ смыслѣ это пока еще только мораль будущаго. Субъективное чувство тождества своихъ интересовъ съ общечеловѣческими выростаетъ лишь на почвѣ дѣйствительной гармоніи этихъ интересовъ въ жизни. Высшаго своего развитія и всеобщаго распространенія мораль воли достигнетъ поэтому лишь въ соціалистическомъ строѣ. Только тамъ объективная гармонія личныхъ и соціальныхъ интересовъ всѣхъ и каждаго получитъ свое наиболѣе законченное выраженіе, только тамъ забота о наиболѣе полномъ и яркомъ расцвѣтѣ каждой отдѣльной личности станетъ первѣйшей заботой всего человѣчества.

Полная гармонія соціальныхъ и индивидуальныхъ инстинктовъ человѣка является пока, стало быть, дѣломъ будущаго. Но въ очень *значительной* степени она и теперь уже воплощается въ душахъ современныхъ носителей этого

свѣтлаго будущаго—въ душахъ борцовъ-пролетаріевъ. И это весьма понятно.

Съ тѣхъ поръ, какъ однородное общество эпохи первобытнаго коммунизма раскололось на два непримиримо враждебные лагеря поработителей и порабощаемыхъ, соціальные инстинкты и тѣхъ и другихъ должны были претерпѣть весьма существенное измѣненіе Междуплеменная борьба смѣнилась классовой. Вмѣсто племенной потребовалась, стало быть, классовая солидарность. А изъ нея мало по малу между молотомъ и наковальней классовой борьбы выковалась и новая разновидность соціальнаго инстинкта—инстинктъ классоваго самосохраненія.

При этомъ однородность интересовъ внутри каждаго класса и напряженность безпощадной борьбы между ними такъ велика, что и личный и классовый инстинктъ въ душѣ, скажемъ, каждаго борца-пролетарія безъ всякаго почти труда сливаются въ единый голосъ его цѣлостнаго и нераздѣльнаго „Я“. Геройскаго участія въ борьбѣ съ общимъ врагомъ отъ него требуетъ въ равной мѣрѣ и классовый и его собственный, личный интересъ. И потому, даже погибая, онъ не знаетъ ни раскаянія, ни сожалѣнія, ни на минуту не чувствуя себя „жертвой“.

А, впрочемъ, о чемъ бы ему и сожалѣть? Вѣдь, говоря словами пролетарскаго манифеста, терять ему въ этой борьбѣ нечего, кромѣ своихъ цѣпей, выиграть же онъ можетъ цѣлый міръ.

Представители воинствующей буржуазіи, конечно, въ меньшей степени, чѣмъ пролетаріи, нуждаются во взаимной поддержкѣ: каждый изъ нихъ и въ одиночку представляетъ собой весьма крупную силу. Соціальный инстинктъ у нихъ даже въ съуженныхъ рамкахъ *классовой* солидарности развитъ, вообще говоря, въ очень слабой степени. Но, такъ какъ все же этотъ классовый инстинктъ и у буржуа развивается обычно въ завидной гармоніи съ его личными аппетитами, то съ формальной точки зрѣнія

аналогія его классовой морали или, если угодно, классоваго эгоизма, съ моралью пролетарской — получается полнѣйшая. И та и другая съ равнымъ правомъ можетъ быть названа моралью воли.

Господа „идеалисты“ съ немалымъ злорадствомъ подчеркиваютъ иной разъ эту аналогію, не безъ ехидства отмѣчая „тотъ замѣчательный и знаменательный фактъ,что не въ книгахъ, а въ жизни и буржуазія и пролетаріатъ Западной Европы *оба* давно уже склонились въ пользу морали воли, а не долга“, что „пролетаріатъ падаетъ ницъ передъ идеей воли... въ трогательномъ согласіи съ буржуазіей“ и т. д. *). Но, говоря откровенно, насъ очень мало задѣваетъ злорадство подобныхъ сближеній.

Да и то сказать. Представьте себѣ, что кто нибудь отмѣтилъ бы съ ехидствомъ тотъ „замѣчательный и знаменательный“ фактъ, что Макіавелли лежитъ у него на книжной полкѣ въ самомъ „трогательномъ согласіи“ съ Л. Н. Толстымъ. оба въ совершенно одинаковыхъ коленкоровыхъ, а не бумажныхъ, переплетахъ. Знаменательный фактъ этотъ, можетъ быть, и вѣренъ, а цѣна ехидству сближенія все таки грошъ. Такъ и въ нашемъ случаѣ. И буржуа, и пролетарій, *оба* руководствуются въ своей общественной дѣятельности не вѣчными истинами прописной морали, а своими классовыми интересами, своей волей. Это такъ. Но вѣдь воля то ихъ при этомъ направлена въ діаметрально противоположныя стороны. Слѣдуя ей, буржуа примыкаетъ къ массовому локауту, а рабочій ко всеобщей стачкѣ; одинъ ратуетъ за перманентное пѣнкоснимательство, другой—за соціальную революцію. Въ чемъ же, стало быть, можно открыть здѣсь трогательное согласіе?

Очевидно лишь въ коленкоровыхъ переплетахъ, и только въ нихъ.

Таковъ „знаменательный фактъ“.

*) *Струве-Бердяевъ*. Субъективизмъ и Индивидуализмъ, сс. LXXI, LXXII.

IV.

Итакъ и пролетаріатъ, и буржуазія — эти полюсы современнаго общества — оба склоняются къ морали воли. Но между ними имѣется вѣдь еще довольно основательная прослойка мелкаго „трудового“ мѣщанства, которое цѣлой гаммой переходовъ соединяетъ между собой эти противоположные полюсы. Къ чему же склоняются эти посредствующіе слои мѣщанства?

О, конечно, къ морали долга.

И не трудно понять почему. Занимая въ соціальномъ отношеніи крайне ублюдочную позицію, представители этихъ промежуточныхъ слоевъ общества не въ состояніи замкнуть свои личные интересы въ рамки рѣзко выраженнаго классоваго эгоизма буржуазіи, или пролетаріата. Въ то же время, не ведя прямой борьбы въ острой формѣ ни съ однимъ изъ этихъ классовъ, они не имѣютъ достаточныхъ стимуловъ и для внутренней сплоченности съ цѣлью обособленія въ своей собственной средѣ. Такимъ образомъ, унаслѣдованное отъ предковъ соціальное чувство сохраняетъ у нихъ въ общемъ и въ наше время свою первоначальную форму внѣклассоваго инстинкта. Но у гражданъ эпохи первобытнаго коммунизма такой внѣклассовый характеръ соціальныхъ чувствъ былъ вполнѣ естественнымъ и очень важнымъ приспособленіемъ къ условіямъ существованія. А у современныхъ клейнбюргеровъ въ атмосферѣ вопіющихъ классовыхъ антагонизмовъ ихъ внѣклассовая мораль, по необходимости вырождается въ нѣчто до чрезвычайности жалкое и уродливое.

Мы уже не говоримъ, что внѣклассовый соціальный инстинктъ въ наше время долженъ, вообще говоря, представлять собою не болѣе, какъ весьма худосочный пережитокъ далекаго прошлаго, ибо современный классовый строй отнюдь не благопріятствуетъ дальнѣйшему его развитію и

процвѣтанію. Это бы еще съ полгоря. Горе современнаго клейнбюргера въ томъ, что его и безъ того ужъ худосочный соціальный инстинктъ находится еще къ тому же въ вѣчной и непримиримой распрѣ съ гораздо болѣе мощнымъ инстинктомъ его индивидуальнаго самосохраненія.

Соціальная трещина, расколовшая нашъ міръ на два враждующихъ лагеря, какъ видно, прошла, какъ разъ, черезъ душу трудовика-мѣщанина. Дисгармонія современной жизни, въ которой всякое личное благополучіе воздвигается за счетъ чьихъ либо страданій, сказалась въ душѣ этого мѣщанина рѣзкой дисгармоніей его личныхъ и соціальныхъ стремленій. И вотъ въ этой надтреснутой душѣ нескончаемо тянется монотонный діалогъ:

— И я хочу благополучія—звучитъ въ ней инстинктъ личнаго самосохраненія.

— Нѣтъ!..—возражаетъ на это соціальный инстинктъ представляющій въ душѣ мѣщанина чуждые ему интересы [illegible]лаго. Нѣтъ, ты долженъ отказаться отъ этого эгоистическаго желанія.

— Но я хочу!..—стоитъ на своемъ первый голосъ.

— Но ты долженъ!..—возражаетъ второй.

И это „я хочу“ въ перемежку съ „ты долженъ“ почти никогда не смолкаетъ въ мѣщанскихъ душахъ.

Такъ изъ душевной раздвоенности клейнбюргера родится его пресловутая мораль долга.

Чаще всего при этомъ личное „я хочу“ мѣщанина звучитъ въ немъ громко и властно, а соціальное „ты долженъ“—слабо и робко, подобно комариному писку. Борьба получается, стало быть, слишкомъ неравная. И хотя попираемый „долгъ“ неукоснительно мститъ за всѣ свои пораженія неотступными „угрызеніями совѣсти“, но на дѣлахъ или, точнѣе, дѣлишкахъ мѣщанина эти комариныя угрызенія, обычно, ни мало не отражаются.

Правда, если сравнить рядового клейнбюргера съ крупнокалибернымъ буржуа-хищникомъ, то и грязнѣйшія дѣ-

лишки перваго покажутся ничтожными передъ темными дѣлами второго. И все таки клейнбюргеръ совѣстится своихъ мизерныхъ дѣлишекъ, а крупный буржуа по поводу своихъ и ухомъ даже не ведетъ. Но попробуйте привести всѣхъ этихъ маленькихъ дѣльцовъ съ ихъ „дѣлишками“ и большихъ—съ ихъ „дѣлами“ къ одному знаменателю, и вы увидите, что вся разница между ними сводится къ той элементарной, какая наблюдается между совѣстливой свиньей и свиньей безсовѣстной.

— Какой же изъ нихъ отдать предпочтеніе?—спроситъ, пожалуй, смущенный читатель.

Это дѣло вкуса, конечно. Но, на нашъ взглядъ, безсовѣстная свинья, во всякомъ случаѣ, имѣетъ то несомнѣнное преимущество, что у ней, по крайней мѣрѣ, до конца выдержанъ стиль.

Совѣстливая свинья — это, такъ сказать, *нормальный* типъ клейнбюргера съ худосочнымъ, соціальнымъ и мощнымъ индивидуальнымъ инстинктами. Но возьмемъ даже лучшій случай. Представимъ себѣ мѣщанина, соціальный инстинктъ котораго развитъ выше средняго и болѣе, или менѣе уравновѣшиваетъ его индивидуальный инстинктъ. Что можетъ выйти изъ такого равновѣсія этихъ инстинктовъ при вѣчномъ ихъ антагонизмѣ?

Да одно изъ двухъ. Либо нашъ моральнѣйшій изъ мѣщанъ окажется совершенно не дѣеспособнымъ, либо онъ вѣчно будетъ метаться изъ стороны въ сторону, поддаваясь, попеременно, то своимъ индивидуальнымъ, то соціальнымъ стремленіямъ. А къ чему это приводитъ можно судить хотя бы по слѣдующему признанію Людвига Берне:

„Мое несчастіе,—жалуется онъ въ своихъ Парижскихъ Письмахъ,—состоитъ въ томъ, что я родился въ среднемъ сословіи, для котораго совсѣмъ не гожусь. Будь мой отецъ владѣтель милліоновъ, или нищій, будь я сыномъ знатнаго человѣка, или бродяги,—по всей вѣроятности я бы достигъ чего нибудь. Но я сдѣлался маятникомъ мѣщанскихъ стѣн-

ыхъ часовъ, качался вправо, качался влѣво и долженъ былъ постоянно возвращаться на середину".

Послѣднее то состояніе, какъ кажется, и составляетъ обычнѣйшій удѣлъ всѣхъ аристократовъ духа. „Надклассовое" витаніе этой своеобразной группы настолько сближаетъ ее съ междуклассовыми слоями мѣщанства, что почти все вышесказанное о развитіи душевной дисгармоніи и вытекающей отсюда морали долга у „трудового" мѣщанства можно бы повторить и объ аристократахъ духа. Правда, сопоставлять ихъ приходится не съ заурядными, а съ наиболѣе выдающимися въ моральномъ отношеніи мѣщанами, но это уже подробность. Существенно же то, что и аристократы духа въ общемъ „склоняются" къ морали долга, и притомъ склоняются къ ней „въ трогательномъ согласіи" съ мѣщанами.

Намъ возразятъ, что такую пеструю и разнокалиберную группу, какъ аристократія духа, нельзя подводить подъ одинъ общій ранжиръ. Намъ тотчасъ же назовутъ столь яркія „исключенія" изъ указаннаго нами правила, какъ имморалистъ Ницше, или эстетъ Гейне. Но мы останемся при своемъ утвержденіи. Внѣшняя пестрота и многообразіе жизни отнюдь еще не устраняетъ возможности и необходимости широкихъ обобщеній. А „исключенія" зачастую только подтверждаютъ правило. Въ особенности, если есть основанія считать ихъ кажущимися исключеніями.

Въ самомъ дѣлѣ. Возьмемъ хоть того же Ницше. Его сверхчеловѣкъ это, несомнѣнно, прежде всего, личность мощной и цѣльной творческой воли, которая не знаетъ надъ собой никакой узды долга. Несомнѣнно и то, что, отрицая долгъ, Ницше ратуетъ отнюдь не во имя узкаго личнаго эгоизма. Нѣтъ, его проповѣдь любви „къ дальнему",—любви къ „странѣ дѣтей", его призывы отказаться отъ современнаго мѣщанскаго благополучія во имя лучшаго грядущаго человѣчества,—все это несомнѣннѣй-

шій альтруизмъ. Да, это альтруизмъ, съ тою лишь одной особенностью, что отказъ отъ мѣщанскаго благополучія, согласно этому альтруизму, является не *обязанностью*, а элементарнѣйшимъ требованіямъ *вкуса*, и, стало быть, долженъ вытекать у человѣка изъ его собственныхъ наклонностей, а не изъ принужденія.

Однимъ словомъ, мораль „сверхчеловѣка“ это мораль, вытекающая изъ душевной гармоніи его соціальныхъ и индивидуальныхъ стремленій—это мораль воли. Но не надо забывать, что сверхчеловѣкъ—это лишь *идеалъ* Ницше. А ко всякому идеалу потому только и стремятся, что еще не обладаютъ имъ Иными словами, мы утверждаемъ, что Ницше такъ пылко стремился и тосковалъ по душевной гармоніи, именно, потому, что ея не было въ его собственной душѣ „Всѣмъ извѣстно,—сошлемся мы тутъ на свидѣтельство М. Невѣдомскаго,—что Ницше „въ жизни являлся до нельзя эффектной противоположностью своему ученію... Его мораль—несомнѣнно добыта путемъ „самовосполненія“, или „самоотрицанія“ *).

Такъ говоритъ одинъ изъ наиболѣе глубокихъ знатоковъ и цѣнителей Ницше. И это тѣмъ важнѣе, что Невѣдомскій отмѣчаетъ вышеприведенный фактъ, несмотря на свою склонность идеализировать Ницше въ качествѣ цѣльной и гармоничной личности... А, впрочемъ, о душевной раздвоенности Ницше можно заключить и безъ всякихъ свидѣтельствъ уже по тѣмъ безчисленнымъ противорѣчіямъ, или „качаніямъ“, какими онъ, уступая то своимъ соціальнымъ, то индивидуальнымъ влеченіямъ, переполнилъ всѣ свои писанія.

Въ самомъ дѣлѣ. Въ одномъ мѣстѣ онъ издѣвается надъ этими „лишними“ среди людей, „дурно пахнущими обезьянами“, которые стремятся къ богатству и власти, и восклицаетъ: „Братья мои, неужели вы хотите задох-

*) См. у *Невѣдомскаго* „Вмѣсто предисловія“, с. LXIV.

нуться въ чаду ихъ желаній?“ А въ другомъ—богатство уже превозносится, какъ условіе развитія людей „прекрасныхъ и благородныхъ“, а „стремленіе къ власти“ становится его собственнымъ лозунгомъ. Государство у него то злѣйшій врагъ личности, то покровитель. „Тамъ, гдѣ оканчивается государство, тамъ начинается человѣкъ, который не лишній“... провозглашаетъ, напр., Заратустра. Но едва лишь вы освоитесь съ этой мыслью, какъ оказывается, что „государство есть разумное учрежденіе для защиты индивидовъ другъ отъ друга“ и, ослабивъ его, „мы ослабимъ, даже погубимъ индивида, то есть разрушимъ основную и первоначальную цѣль государства“ *).

Но не стоитъ умножать примѣровъ подобнаго рода. Мы ужъ и выше видывали не разъ, какъ Ницше то возстаетъ противъ „всякаго деспотизма“, то воспѣваетъ русскій абсолютизмъ, то тоскуетъ по обществу „равныхъ“, то грезитъ о кастовомъ строѣ. Человѣку съ такими противорѣчивыми влеченіями естественно было жаждать душевной гармоніи. Но обладалъ онъ ею только въ грезахъ.

Еще меньше, однако, чѣмъ имморалистъ Ницше, можетъ претендовать на душевную цѣльность эстетъ Гейне. Амплитуда колебаній этого „маятника“ прямо поразительна.

Откачнувшись еще въ юности отъ вѣры влѣво къ невѣрію, онъ не щадитъ ничего въ своихъ адскихъ кощунствахъ. Затѣмъ слѣдуетъ большой размахъ вправо „къ старой вѣрѣ, къ личному Богу“ и мефистофельскій хохотъ смѣняется элегическими вздохами А затѣмъ,—вы помните читатель,—уже на смертномъ одрѣ этотъ старый грѣшникъ снова на призывъ къ покаянію отвѣчаетъ лишь кощунственнымъ хрипомъ:

Dieu me pardonnera, c'est son metier!

Не менѣе разительны его колебанія и въ политикѣ. Гимны Наполеону I-му, „лучезарно-мраморныя“ руки ко-

*) *Ницше* Такъ гов. Зар., с. 51, Человѣческое, отр. 479 и 235 и т. д.

тораго „связали многоголовое чудовище анархіи“ причудливо переплетаются у Гейне съ призывами:

„Шуми, греми, не унимайся,
Пока есть деспотъ хоть одинъ!“ *).

Среди самыхъ язвительныхъ нападокъ на идею равенства и ея носителей—этихъ „мрачныхъ разрушителей“ коммунистовъ—у Гейне вдругъ срывается признаніе, что этотъ „ужасный“ коммунизмъ, несмотря на все, производитъ на его душу „чарующее впечатлѣніе“. Затѣмъ онъ заявитъ вамъ въ вызывающемъ тонѣ: „я сторонникъ монархическаго принципа и признаю святость королевской власти“... Затѣмъ провозгласитъ своимъ принципомъ демократію. Да еще какую! Демократію, чуждую даже „дешевыхъ президентовъ“; „демократію равнопрекрасныхъ равносвященныхъ, равноблагодатныхъ боговъ!“ **). И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ.

Вполнѣ понятно, что при такой душевной неустойчивости, если *субъективно* типы, подобные Ницше, или Гейне, и могутъ быть очень далекими отъ признанія морали долга, то *объективно*—отъ собственнаго ихъ идеала гармоничной морали воли они стоятъ еще дальше. Въ извѣстномъ смыслѣ ихъ можно еще признать *переходными* ступенями отъ средняго въ соціальномъ и моральномъ отношеніяхъ типа изъ междуклассовыхъ, или „надклассовыхъ“ группъ къ типамъ полярнымъ—буржуа или пролетарія. Но не больше.

Опровергнуть наше „правило“ такія „исключенія“ не могутъ.

---

*) *Г. Гейне.* Сочиненія, т. I, изд. 1874 г. с. 203; т. XIV, с. 268.
**) Тамъ же, т. VIII, с. 11—12; т. X, с. 99, т. XV, с. 383.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Перейдемъ, однако, отъ „исключеній“ къ среднему, или преобладающему типу аристократіи духа. Обратимся къ гг. Бердяевымъ, Булгаковымъ и тому подобнымъ сверхклассовымъ созерцателямъ жизненной драмы.

Оговоримся, впрочемъ. Называя господъ „идеалистовъ“ *зрителями* жизненной драмы, мы отнюдь не хотимъ ихъ представить *безучастными* ея зрителями. Напротивъ. Отдавая имъ полную справедливость, мы охотно признаемъ за ними очень дѣятельное въ ней участіе: они очень громко кричатъ и весьма энергично машутъ руками. Все сочувствіе ихъ при этомъ, несомнѣнно, на сторонѣ пожираемаго куренка, а не глухо къ ихъ моральнымъ увѣщаніямъ кота. И далѣе. Эти господа не только ни бѣгутъ съ исторической сцены, чтобы не попасть въ свидѣтели творящейся тамъ уголовщины, но очень охотно сами предлагаютъ занести свои имена въ протоколъ исторіи. Вообще, это очень дѣятельные и весьма благородные люди. Все это такъ. И все же они только благородные свидѣтели, или „почтенная публика“, ибо не ихъ же въ самомъ дѣлѣ терзаетъ своими когтями символическій котъ.

Что же сказать намъ объ этой почтеннѣйшей публикѣ?

Своей „склонности“ къ морали долга они не только не отрицаютъ, но даже афишируютъ ее на всѣхъ перекресткахъ. Внутренняя раздвоенность, позволяющая господамъ „идеалистамъ“ вмѣщать въ себѣ, по-карамазовски, всевозможныя противоположности и вѣчно колебаться между идеаломъ Мадонны и идеаломъ Содомскимъ, эта психическая неустойчивость возводится ими даже въ особое достоинство. „Не подлецъ, а *широкъ* я!“ вотъ формула Достоевскаго для выраженія этой „доблести“. И, наоборотъ,

душевная твердость и цѣльность на языкѣ „идеалистовъ“ именуется ограниченностью и ограниченностью.

Созерцая изъ своего сверхклассоваго райка общественную арену борьбы, они поражаются варварской грубостью ея формъ и громко взываютъ объ этизаціи средствъ борьбы и искренно возмущаются „моральной буржуазностью“ профановъ.

„Какъ будто — замѣтимъ мы здѣсь словами Фр. Меринга — стойкость и упорство этой борьбы, сколько бы вызывающаго и неудобнаго въ ней не было, не есть все таки суровая и мужественная добродѣтель, а добровольное подчиненіе недостойному ярму не есть трусливый и бабій порокъ“ *).

„Но, нѣтъ, человѣкъ долженъ быть инымъ!“ стоятъ на своемъ возмущенные „моральной буржуазностью“ пролетаріата поклонники долга. Причемъ каждому такому „несчастному ханжѣ“,—употребляя выраженіе Ницше,—„извѣстно даже какимъ именно долженъ быть человѣкъ: онъ малюетъ на стѣнѣ собственную физіономію и говоритъ: Ecce Homo!“

Исходя изъ своего внутренняго опыта и обобщая антисоціальный характеръ своихъ личныхъ влеченій, они утверждаютъ, что *нравственной* можетъ быть лишь та дѣятельность, которая совершается „не изъ склонности, но по долгу“, ибо „нравственный законъ неизбѣжно обуздываетъ каждаго человѣка“ **).

И крайне характерно, что на этомъ обобщенномъ самонаблюденіи Иммануила Канта сошлись даже столь различные въ другихъ отношеніяхъ представители „внѣклассовой“ интеллигенціи, какъ Н. К. Михайловскій и г. П. Струве. „Нравственность безспорно начинается съ того момента,—замѣчаетъ первый изъ нихъ,—когда человѣкъ

*) *Ф. Мерингъ.* Исторія Герм. С.-Д., т. II, с. 382.

**) *И. Кантъ.* Основоположенія къ метаф. нравовъ и Крит. практ. разума, въ пер. Н. Смирнова. 1879 г., с. 30.

надѣваетъ на свое *я* какую бы то ни было *узду*"... А второй подтверждаетъ, что „нравственность основана на реальномъ несовпаденіи по содержанію хотѣнія и долженствованія", и заключаетъ, что необузданная мораль воли является, стало быть, ни болѣе ни менѣе, какъ „упраздненіемъ нравственности"*)

Выводъ, какъ видите, рѣшительный. И въ извѣстномъ смыслѣ весьма послѣдовательный. То психическое явленіе, которое на языкѣ внутренно-раздвоенныхъ аристократовъ духа и мѣщанъ зовется нравственностью, дѣйствительно чуждо цѣльнымъ борцамъ-профанамъ. Этимъ борцамъ въ ихъ общественной дѣятельности отнюдь не приходится идти наперекоръ своимъ личнымъ влеченіямъ. И, если признать вмѣстѣ съ Ницше, что все, совершающееся изъ любви, лежитъ по ту сторону добра и зла, то борцовъ-профановъ несомнѣнно придется признать упразднителями нравственности—аморалистами.

Чтобы удостоиться моральнаго одобренія гг. „идеалистовъ" этимъ профанамъ воистину пришлось бы развѣ изобразить въ лицахъ извѣстную эпиграмму Шиллера:

Gewissens scrupel

Gerne dien ich den Freunden, doch thu'ich es leider mit Neigung
Und so wurmt es mir oft, das ich nicht tugendhaft bin.

Entscheidung

Da ist kein anderer Rath, du musst suchen, sie zu verachten,
Und mit Abscheu alsdann thun, wie die Pflicht dir gebeut... **)

Въ самомъ дѣлѣ. Что такое „долгъ" гг. идеалистовъ? Моральный законъ, по Канту, повелѣваетъ: „ничего не ожидать отъ склонностей человѣка, но все отъ верховной власти закона и почтительнаго къ нему уваженія"... „Уваженіе къ закону связано" при этомъ у кантіанцевъ „*со*

*) *Н. Михайловскій.* Литер. восп. и соврем. смута, т. II, с. 390; *Струве-Бердяевъ.* Суб. и Индивидуализмъ, сс. LXX и LXXI.

**) „Дѣлать добро моимъ ближнимъ привыкъ я, но только, къ несчастью, дѣлаю это охотно, зане я сердечно люблю ихъ. Какъ же тутъ быть?—Ненавидь ихъ, и съ чувствомъ враждебнымъ и злобнымъ дѣлай добро, и тогда только будешь морально оправданъ".

страхомъ“, а дѣйствіе моральнаго закона „означаетъ *укрощеніе* или *усмиреніе*“. Вообще „законъ долга“, по ихъ ученію есть прежде всего „законъ нравственнаго *принужденія*“. Въ сознаніи людей такой долгъ является, молъ, несомнѣннымъ „игомъ“, но это иго, „*хотя и неохотно*, они должны все таки нести“. Такъ гласитъ практическій разумъ Иммануила Канта *).

И, если вспомнить, что такими штрихами гг. идеалисты малюютъ на стѣнѣ свою собственную моральную физіономію, то придется признать, что малюютъ они ее весьма правдоподобно:

Zwei zeelen wohnen, ach, in meiner Brust
Und eine will sich von der andern trennen! **)

Вотъ тотъ фаустовскій вздохъ клейнбюргера, изъ котораго, какъ изъ морской пѣны, рождается эта горькосоленая мораль долга... Правда, для человѣка больного достаточно хороша и наигорчайшая микстура. Хорошъ въ этомъ смыслѣ и „долгъ“ въ качествѣ противоядія, или точнѣе сказать, противовѣса антисоціальнымъ влеченіямъ людей съ раздвоенной душою. Но высоко-комическое впечатлѣніе производятъ эти люди, когда, съ усиліемъ и неохотой проглатывая свою противную микстуру, они съ кисло-сладкой гримасой соблазняютъ ею и здоровыхъ.

— Это, восклицаютъ они, такое чудеснѣйшее универсальное средство, оно такъ хорошо помогаетъ отъ всѣхъ болѣзней, что право же его слѣдуетъ признать общеобязательнымъ для всего человѣчества. Это, молъ, даже не микстура, а прямо небесная амброзія... И вотъ, упоивъ себя достаточной дозой божественныхъ уподобленій, они возводятъ очи горѣ, вооружаются тимпанами и кимвалами и молитвенно бряцаютъ на нихъ:

---

*) *И. Кантъ.* Крит. практич. разума, сс. 86, 78, 87, 90.

**) Ахъ! двѣ души живутъ въ груди моей, и одна хочетъ оторваться отъ другой.

*«Долгъ! о высокое, великое имя! Ты, который не содержишь въ себѣ ничего любимаго, что притягивало бы къ тебѣ, а требуешь подчиненія»... *) и т. д., и т. д.*

Чтобы уразумѣть всю соль пафоса подобныхъ гимновъ, нужно влѣзть въ шкуру одного изъ Кантовъ, или гг. Бердяевыхъ и оглянуться оттуда на своихъ сосѣдей. Въ душѣ каждаго изъ сихъ послѣднихъ вы усмотрите тогда цѣлый звѣринецъ хищныхъ индивидуальныхъ инстинктовъ. Вы почувствуете, что всѣ эти тигры и пантеры сосѣдскаго эгоизма дико рвутся на волю, лишь для того, чтобы растерзать и васъ, и все ваше достояніе. Но вотъ на аренѣ появляется стражъ общественнаго порядка, именуемый долгомъ, и, укрощая „звѣриные инстинкты" вашихъ ближнихъ, спасаетъ и васъ, и ваши „высшія цѣнности".

Какъ же тутъ не воспѣть ему хвалы вельми гласы.

Итакъ „долгъ" гг. идеалистовъ призванъ играть въ нѣкоторомъ родѣ роль особой внутренней полиціи. Сама по себѣ такая внутренняя полиція была бы, пожалуй, и не вполнѣ достаточной гарантіей противъ „звѣриныхъ инстинктовъ хаотической стихіи"—сосѣдей. Но, какъ помнитъ читатель, гг. Бердяевы не брезгаютъ ради спасенія своихъ „высшихъ цѣнностей" и содѣйствіемъ полиціи наружной. Они лишь „идеалистически" оговариваются, что рекрутироваться эта послѣдняя должна не изъ отбросовъ общества, Мымрецовыхъ, а изъ высшей породы—мудрецовъ и поэтовъ. Сути дѣла, однако, такія оговорки не мѣняютъ. И эта суть гласитъ: Оно, конечно, непріятно, когда какой либо грубіянъ-будочникъ „тащитъ и не пущаетъ" *насъ*, людей „высшаго призванія", но, если принять въ расчетъ, что тотъ же будочникъ укрощаетъ и обуздываетъ нашихъ *сосѣдей* и тѣмъ охраняетъ отъ нихъ наши „высшія цѣнности", то почему бы намъ и не возопить къ нему гласомъ веліимъ:

---

*) *И. Кантъ.* Крит. практич. разума, с. 92: цѣлый гимнъ долгу, исполненный курсивомъ.

Будочникъ! О, высокое, великое имя! Ты, который не содержишь въ себѣ ничего любимаго, и прочее, и прочее.

Примѣрно тоже можно бы повторить и о долгѣ. Его велѣнія не содержатъ въ себѣ ничего любимаго. Это вѣрно. Но вѣрно это лишь до тѣхъ поръ, пока велѣнія долга направлены противъ васъ Когда же имъ придается „общеобязательное“ значеніе и для всѣхъ вашихъ сосѣдей, тогда... О, тогда совсѣмъ другое дѣло. Тогда и долгъ пріобрѣтаетъ своеобразную охранительную прелесть—прелесть долга, споспѣшествующаго будочнику Мымрецову.

Господа „идеалисты“, конечно, не захотятъ согласиться съ такой оцѣнкой ихъ этическаго ученія. Но обратимся къ самому основоположнику этого ученія, Канту, и спросимъ: Къ чему, собственно, сводятся всѣ „категорическія велѣнія“ его общеобязательнаго закона долга?

По Канту всѣ они сводятся, какъ извѣстно, къ одному-единственному руководящему полуправилу - полувопросу. «*Хочешь ли ты, чтобы твоя максима была всеобщимъ закономъ? Если нѣтъ, то она никуда не годна*»... Какъ же понять это руководящее указаніе? „Очевидно—поясняетъ его самъ Кантъ,—что я не могу желать, чтобы, напримѣръ, ложь, или обманъ были всеобщимъ закономъ, такъ какъ *иначе мнѣ самому стали бы платить тою же монетой*“.

Итакъ, вотъ гдѣ зарыта собака. Категорическіе императивы гг. „идеалистовъ“ основываются на вполнѣ эмпирической предпосылкѣ: *Долгъ платежемъ красенъ!*.. Вотъ та „вѣчная и неизмѣнная“ истина „высшей морали“, къ которой приводитъ практическій разумъ Канта. И нужно ли говорить, что онъ приводитъ къ ней въ трогательнѣйшемъ согласіи съ коммерческой мудростью всякаго лавочника.

„Не дѣлай того другому, чего себѣ не желаешь!..“ гласитъ эта убогая прилавочная мудрость... Не большаго требуетъ отъ насъ, однако, и категорическій императивъ гг. „идеалистовъ“.

Мы уподобили роль „долга“, въ качествѣ укротителя хищныхъ наклонностей мѣщанина, полицейской роли будочника. Но, чтобы успѣшно охранять мѣщанскія цѣнности, нужно, разумѣется, имѣть полицію сильную и авторитетную. Недаромъ же г. Бердяевъ проектируетъ рекрутировать своихъ будочниковъ изъ той „высшей“ породы, которой, де, суждено править міромъ. За каждымъ „преступленіемъ“ полицейскихъ заповѣдей должно неизбѣжно слѣдовать соразмѣрное „наказаніе“; за всякимъ поруганіемъ „долга“— исполнительный листъ и соотвѣтствующая понудительная „расплата“. Если же исполнительные листы не всегда настигаютъ неисправныхъ должниковъ въ этомъ мірѣ, то *ради сохранности мѣщанскихъ цѣнностей* необходимо постулировать иной, потусторонній міръ и такого идеальнаго сверхбудочника, отъ авторитетнаго ока котораго нельзя было бы уже никуда укрыться. Таковъ одинъ изъ путей отъ „этическаго идеализма“ къ положительной религіи.

Оно, положимъ, всѣ пути ведутъ мѣщанина въ стѣны этого Рима. Но вышеуказанный логическій путь приводитъ туда, повидимому, всего скорѣе. И потому, вѣроятно, его избираютъ, зачастую, не только вульгарно-мѣщанскія, но и утонченно-аристократическія души.

Въ самомъ дѣлѣ. Возьмите хотя бы этическаго праотца нашихъ современныхъ каликъ перехожихъ отъ марксизма къ идеализму: обратитесь къ Канту Развѣ его религіозная мысль развивалась по иной схемѣ?.. Его отправная точка— это взглядъ на нравственные законы, какъ на особыя „обязательныя постановленія“, за нарушеніемъ которыхъ, неизбѣжно, должно слѣдовать строжайшее административное возмездіе. „Они не имѣли бы такого (обязательнаго) значенія,—откровенно поясняетъ эту мысль Кантъ,—если бы съ ними не связывались *a priori* нѣкоторыя послѣдствія, то-есть, если бы за ними не слѣдовали *обѣтованія* и *угрозы*“. „Такимъ образомъ,—продолжаетъ нашъ моралистъ—разумъ принужденъ: или предположить бытіе Творца и будущую

жизнь, или же смотрѣть на нравственные законы, какъ на созданія воображенія"... *) Но въ послѣднемъ случаѣ они, разумѣется, никого бы не обуздывали и ничего не охраняли, и „практическій разумъ" нашего философа безъ всякихъ колебаній избираетъ первое:

„Такимъ образомъ—заключаетъ Кантъ—нравственный законъ... приводитъ къ религіи, то есть познанію всѣхъ обязанностей, какъ божественныхъ заповѣдей"... Виновникъ міра при этомъ естественно „долженъ быть *всевѣдущимъ*, чтобы знать мое поведеніе до глубины моего настроенія во всѣхъ возможныхъ случаяхъ и во всякое время, долженъ быть *всемогущимъ*, чтобы воздавать каждому соразмѣрные результаты; точно такъ же *вездѣприсущимъ*, вѣчнымъ и т. д." **). Однимъ словомъ, виновникъ міра долженъ обладать всѣми пресѣкательно-предупредительными доблестями образцовой полиціи и при томъ взятыми въ превосходной степени. Таковъ идеалъ.

Резюмируемъ сказанное. Мораль долга—это мораль пресѣченія и предупрежденія. Въ ней нѣтъ ничего „любимаго". Но она необходима для мѣщанскаго благополучія. И потому „нелюбимому" долгу поется слава. Комариное жало этого долга, само по себѣ, однако, представляетъ обычно слишкомъ слабую защиту мѣщанскихъ „цѣнностей". И вотъ эту анемичную хромающую мораль подпираютъ метафизическими костылями. Для неисправныхъ должниковъ на ряду съ посюсторонним участкомъ созидается и потустороннее долговое отдѣленіе—адъ. Естественный соціальный инстинктъ возводится въ рангъ „сверхчувствен-

*) *И. Кантъ.* Критика чистаго разума, пер. М. Владиславлева. П. 1867 г. с. 599, курс. Канта.

**) И. Кантъ. Критика практ. разума, сс. 150, 164. Ср. у *Вл. Соловьева.* Критика отвлеч. началъ, т. II, с. 183: „лишь при утвердительномъ рѣшеніи вопроса о бытіи Божіемъ, безсмертіи и свободѣ человѣка можемъ мы признать возможность осуществленія нравственнаго начала".

ной“ идеи долга. И за поруганіе ея грозятъ уже не комариные уколы совѣсти, а супранатуральные бичи и скорпіоны всемогущаго и вездѣприсущаго сверхбудочника.

II.

— Все это можетъ быть и вѣрно въ примѣненіи къ мѣщанству... возразитъ намъ тутъ читатель Но причемъ же здѣсь аристократы духа? Причемъ тутъ идеалисты? Вѣдь заботы о личномъ благополучіи имъ совершенно чужды. и строить свою мораль „коньячку ради“ они, конечно, не способны. Это не эвдемонисты А если иной разъ они и взываютъ къ полицейской охранѣ цѣнностей отъ звѣриныхъ инстинктовъ толпы, то нельзя же забывать, что имѣютъ они въ виду при этомъ высшія цѣнности человѣческой культуры, а не какія либо бренныя движимости и недвижимости.

Намъ извѣстны, скажемъ мы на это, тѣ гримасы презрѣнія, съ которыми обычно говорятъ о счастіи и всѣхъ, кто ставитъ его себѣ цѣлью,—въ лагерѣ аристократовъ духа. Но вспомните ихъ собственный идеалъ общежитія. Развѣ этотъ идеалъ съ его кастовой организаціей труда и пропорціональной „справедливостью“ распредѣленія не проникнутъ насквозь заботой о максимумѣ благополучія того типа, какой представляютъ собой аристократы духа? А если это такъ, что несомнѣнно, то въ чемъ же *качественное* различіе „высшихъ цѣнностей“ гг. Бердяевыхъ отъ тѣхъ, какія обычно входятъ въ идеалъ мѣщанскаго благополучія. Мы, по крайней мѣрѣ, такого различія здѣсь не усматриваемъ.

Не усматриваютъ его, повидимому, и нѣкоторые изъ болѣе чистосердечныхъ „идеалистовъ“. Такъ, напр., родоначальникъ этой школы въ Россіи, Вл. Соловьевъ, говоритъ: „Нормальная цѣль практической дѣятельности есть достиженіе блаженства или счастливой жизни. Въ такомъ общемъ видѣ этотъ принципъ эвдемонизма, безъ сомнѣнія,

вѣренъ и, если устранить споръ о словахъ, то его одинаково признаютъ всѣ, самыя разнообразныя этическія ученія. Что послѣдняя цѣль нашей дѣятельности есть блаженство, это въ сущности одинаково допускается всѣми, и основное различіе въ этомъ пунктѣ состоитъ лишь въ томъ, что одни полагаютъ блаженство въ этой временной жизни, другіе полагаютъ его въ будущей жизни, въ другомъ абсолютномъ мірѣ", и т. д *).

Основное различіе, указанное здѣсь Вл. Соловьевымъ не такъ ужъ существенно. Тѣмъ болѣе, что за грезами объ абсолютномъ блаженствѣ, онъ самъ, какъ помнитъ читатель, не забывалъ и о блаженствѣ „временномъ". Его свободная теократія это вѣдь *земное* царство божіе. Хотя, конечно, въ виду елейныхъ вкусовъ своего творца это царство вышло бы гораздо болѣе постнымъ, чѣмъ то, о которомъ звучно пѣлъ въ свое время безбожникъ Гейне:

Wir wollen hier, auf Erden schon
Das Himmelreich errichten.

На болѣе существенное различіе въ отношеніяхъ къ счастію „идеалистовъ" и „эвдемонистовъ" намекаетъ Кантъ. Счастіе, по его ученію, представляетъ собой „высшее благо возможнаго міра", а нравственность—путь къ его достиженію. И вотъ въ то время, какъ эвдемонисты готовы были бы взять свое счастіе съ бою, Кантъ желаетъ лишь почтительнѣйше заслужить его. „Счастіе представляется (ему) какъ бы связаннымъ въ самой строгой пропорціи съ извѣстной степенью нравственнаго совершенства". И потому, заключаетъ онъ, „нравственность не есть собственно ученіе о томъ, какимъ образомъ намъ быть счастливыми, но какимъ образомъ мы должны быть *достойными* счастья" **).

О томъ, что за свои идеалы нѣтъ нужды бороться, а стоитъ лишь сдѣлаться достойными ихъ, чтобы дѣло было

---

*) *Вл. Соловьевъ*, т. II. Критика отвлеч. Началъ,. стр. 20

**) *И. Кантъ*. Крит. практ. раз., стр. 125, 150, 151.

въ шляпѣ,—мы уже слыхивали отъ гг. идеалистовъ. Встрѣчали мы уже у нихъ и самую строгую пропорцію въ распредѣленіи „счастія“ въ соотвѣтствіи съ моральными достоинствами претендентовъ. Вспомните хотя бы „экономическую справедливость“ въ теократіяхъ гг. Вл. Соловьева и Н. Бердяева. И теперь намъ нетрудно представить себѣ того кантовскаго сверхбудочника, который для того лишь и надѣленъ у него всевѣдѣніемъ и всемогуществомъ, чтобы въ „самой строгой пропорціи“ воздавать всѣмъ „соразмѣрные результаты“.

Но какъ далека эта прилавочная справедливость со счетами въ рукахъ и расчетами въ сердцѣ отъ той, евангельской, которая равно оплачиваетъ всѣхъ работниковъ безъ различія, призваны ли они въ первый или въ послѣдній часъ!.. Да, здѣсь то, въ этой прилавочной пропорціональности воздаянія, и обнаруживается—скажемъ мы еще разъ—воистину *трогательное согласіе*, но не буржуазіи съ пролетаріатомъ, а гг. идеалистовъ съ гг. лавочниками.

Вернемся однако къ анти-эвдемонизму гг. Бердяевыхъ.

Мы не беремъ на себя защиту эвдемонизма, но не можемъ не указать на слѣдующую черточку въ характерѣ его противниковъ. Счастіе—понятіе весьма условное, поддающееся всевозможнымъ истолкованіямъ. Но удивительная вещь. Никто не рисуетъ его себѣ въ болѣе грубоматеріалистическомъ видѣ, какъ чистѣйшіе идеалисты. Для нихъ оно всегда заключаетъ въ себѣ нѣчто животнонизменное, недостойное человѣка. И понятно, что, рисуя себѣ „счастіе“ въ видѣ просто на просто свинской сытости, пресыщенные всѣми благами аристократы духа должны питать къ этому слову непритворное отвращеніе.

А между тѣмъ бываетъ счастіе и счастіе.

„Истинно славно,—смакуетъ, напр., у Достоевскаго папа Карамазовъ,—что всегда на свѣтѣ есть и будутъ хамы да баре, всегда тогда будетъ и такая вотъ поломоечка, и всегда ея господинъ, а вѣдь *того только и надо*

для счастья жизни!“ Такъ же, примѣрно, рисуютъ себѣ всякое счастіе и гг. идеалисты, съ тою лишь разницей, разумѣется, что они не смакуютъ его при этомъ, а брезгливо отъ него отворачиваются. И, конечно, отъ такого барски-хамскаго счастія можетъ стошнить не однихъ лишь гг. идеалистовъ. Но возьмемъ другой образчикъ: „Никогда не доставлялъ я самъ себѣ такого *счастія*,—пишетъ Ницше о своемъ творчествѣ,—какъ въ самые больные и тяжкіе періоды моей жизни“ *). Итакъ возможно, стало быть, и не столь топорное счастіе, какъ карамазовское.

И пусть намъ не говорятъ, что ницшеанское пониманіе счастія брать здѣсь въ расчетъ не приходится, ибо Ницше — врагъ эвдемонизма. Да, онъ врагъ его. Это вѣрно. Но всякій, кто только способенъ судить безпристрастно, скажетъ, что всѣ великіе эвдемонисты отъ Эпикура до Дж. Ст. Милля были гораздо ближе въ своемъ пониманіи счастія къ этому врагу своему, чѣмъ къ Ѳедору Карамазову вкупѣ съ гг. „идеалистами“.

Эвдемонизмъ, пожалуй, въ извѣстномъ смыслѣ и несостоятеленъ. Но несостоятельность его заключается не въ низменности жизненной цѣли эвдемонистовъ—счастія, а въ томъ, что они ошибочно ставятъ его себѣ *цѣлью*, тогда какъ оно можетъ быть лишь *побочнымъ продуктомъ* творческаго стремленія къ тѣмъ, или другимъ цѣлямъ.

Дѣло въ томъ, что привлекаетъ насъ къ себѣ всегда не отвлеченное понятіе счастія, а тѣ, или иныя конкретныя цѣнности, будь то карамазовская поломоечка, или бердяевская теократія. И до тѣхъ поръ пока эти цѣнности не достигнуты, то есть пока соотвѣтственныя имъ потребности еще не утолены, конкретныя вещныя цѣнности становятся символами счастія вообще, отождествляются съ самимъ счастьемъ. Поломоечка—вотъ счастіе!.. грезитъ одинъ. Теократія—вотъ блаженство!.. снится другому. Но,

*) См. у *Ліхтенбергѣ*, стр. 105

конечно, такое отождествленіе не больше, какъ своеобразный фетишизмъ. На самомъ же дѣлѣ и наивысшія изъ возможныхъ цѣнностей сами по себѣ не составляютъ еще счастія, хотя обнаруживается это только послѣ ихъ достиженія.

Всякое желаніе, всякое стремленіе вытекаетъ изъ какой либо неудовлетворенной потребности духа или тѣла. *Неудовлетворенность*—вотъ что, стало быть, ставитъ передъ нами цѣли. Неудовлетворенность—вотъ что создаетъ цѣнности, къ которымъ мы стремимся. А если это такъ, то ясно, что *достиженіе* цѣли, устраняющее извѣстную потребность, вмѣстѣ съ тѣмъ обезцѣниваетъ и достигнутую нами „цѣнность", ибо дѣлаетъ насъ совершенно равнодушными къ ней.

Пессимисты поспѣшно заключаютъ отсюда о невозможности счастія вообще. Счастіе невозможно, говорятъ они, ибо человѣчество обречено, подобно Донъ Жуану, на мучительныя исканія идеала только для того, чтобы, достигнувъ его, тотчасъ же въ немъ разочароваться. И, если брать лишь конечные моменты: возникновеніе идеала и его достиженіе, то выводъ этотъ, пожалуй, покажется безспорнымъ. Возникаютъ идеалы, дѣйствительно, изъ страданій, а достиженіе ихъ сулитъ лишъ утоленіе этихъ страданій, то есть въ лучшемъ случаѣ—забвеніе нирванны.

Но вѣдь нельзя же между голодомъ и сытостью забывать промежуточный процессъ насыщенія. Отъ возникновенія идеала до его достиженія всегда лежитъ болѣе, или менѣе длинный путь достиганія. И, какъ насъ учитъ непосредственный опытъ, на этомъ творческомъ пути къ идеалу мы способны испытывать несомнѣннѣйшіе восторги борьбы и упоенія побѣды.

Возможность счастія не составляетъ, стало быть, для насъ вопроса. Но дается оно намъ *не съ достиженіемъ, а съ достиганіи* идеала, то есть въ творческомъ къ нему приближеніи. Содержаніе идеала можетъ при этомъ въ зависимости отъ классовыхъ вкусовъ и индивидуальныхъ

особенностей того, или другого лица какъ угодно мѣняться. Съ достиженіемъ однихъ конкретныхъ цѣнностей въ его понятіе войдутъ другія. Но самое понятіе идеала, или конечной цѣли не потеряетъ, разумѣется, никогда своего значенія въ этомъ процессѣ, ибо творческое стремленіе есть *цѣлесообразная* дѣятельность, а не безцѣльное топтаніе на мѣстѣ. Оно неизбѣжно предполагаетъ цѣль, или цѣли.

Итакъ счастіе можно обрѣсти лишь въ достиганіи. Достиганіе же, разумѣется, предполагаетъ цѣль. Но этой цѣлью не можетъ быть счастье, ибо поставить своею цѣлью счастье это значитъ *достигать достиганія*, или *стремиться къ стремленію*, въ чѣмъ не заключается никакого разумнаго смысла. Эвдемонисты не замѣчаютъ этого, благодаря чему и впадаютъ въ ошибку. Но, если нелогично ставить своею *цѣлью* счастье, то еще нелѣпѣе ханжески-лицемѣрно отворачиваться отъ него, какъ это дѣлаютъ многіе „идеалисты“.

Что касается насъ, то, прекрасно сознавая, что счастье всего легче достигается какъ разъ тогда, когда о немъ меньше всего заботятся, мы отнюдь не ставимъ его себѣ цѣлью. Но въ томъ счастіи, которое испытывается *попутно* на творческомъ пути къ идеалу не можетъ быть, на нашъ взглядъ, да и нѣтъ ничего позорнаго или унизительнаго для человѣческаго достоинства. Скорѣе даже наоборотъ. Въ такомъ счастіи можно видѣть лишь облагораживающіе и возвышающіе душу элементы. Вотъ наша точка зрѣнія.

III.

Вернемся, однако, къ морали долга. Укрощая цѣлый звѣринецъ антисоціальныхъ порывовъ въ раздвоенной душѣ аристократа духа, „долгъ-укротитель“ и самъ изнемогаетъ въ этой, почти всегда непосильной борьбѣ. И вотъ, въ результатѣ, съ одной стороны получается разслабленная воля, съ другой—больная, измученная совѣсть.

„Больная совѣсть"—это чрезвычайно любопытное явленіе. Но оцѣнивать его, разумѣется, намъ придется не съ той точки зрѣнія, съ какой его оцѣниваютъ обычно г.г. идеалисты.

Г. Булгаковъ усматриваетъ, напримѣръ, въ больной совѣсти „самую яркую и характерную черту русской интеллигенціи". И, узнавая въ ней „свою родную болѣзнь, составляющую наше національное отличіе", онъ, конечно, очень „любитъ и цѣнитъ" эту свою родную болячку *).

И мы, отнюдь, не удивляемся этому. Почему бы въ самомъ дѣлѣ не быть у г г. Булгаковыхъ *любимой* болѣзни совѣсти? Бываютъ же „любимые" мозоли... Посмотримъ, однако, въ чемъ же проявляется эта „удивительная", по выраженію г. Булгакова, болѣзнь, и въ какомъ смыслѣ она составляетъ „наше національное отличіе".

Между требованіями совѣсти и жизнью, — говоритъ г. Булгаковъ,—существуетъ, вообще говоря, огромное несоотвѣтствіе, страшный разладъ. „И отъ этого разлада мы и становимся больны". „Но степень этого несоотвѣтствія—продолжаетъ нашъ авторъ—можетъ быть различна, и въ Россіи это несоотвѣтствіе измѣряется разницей въ нѣсколько вѣковъ, ибо, тогда какъ интеллигенція идетъ въ своихъ идеалахъ въ ногу съ самой передовой европейской мыслью, наша дѣйствительность въ иныхъ отношеніяхъ на много вѣковъ отстала отъ Европы. Вотъ, почему, нигдѣ въ Европѣ жизнь такъ глубоко не оскорбляетъ на каждомъ шагу, не мучаетъ, не калѣчитъ, какъ въ Россіи. И вся эта нравственная скорбь отъ этого несоотвѣтствія въ сознаніи интеллигенціи *выражается въ чувствѣ нравственной отвѣтственности передъ народомъ*, къ полному и плодотворному соединенію съ которымъ мѣшаютъ тупыя, но пока еще не побѣжденныя силы" **).

*) *С. Булгаковъ.* Отъ марксизма къ идеализму. Очеркъ „Иванъ Карамазовъ" сс. 110—111.

**) Тамъ-же, с. 111.

Такъ излагаетъ дѣло г. Булгаковъ. И уже изъ этого изложенія ясно, что нашимъ національнымъ „отличіемъ“ больную совѣсть можно назвать лишь въ томъ условномъ смыслѣ, въ какомъ его составляютъ и „тупыя силы“ русскаго общественнаго строя.

Разладъ между требованіями совѣсти и жизнью—это тѣ противорѣчія, какія возникаютъ изъ столкновенія соціальнаго инстинкта съ требованіями инстинкта самосохраненія въ той, или другой средѣ. Но подобными противорѣчіями богата не только русская жизнь. И потому больная совѣсть въ большей или меньшей степени присуща извѣстнымъ слоямъ всякой національности.

Какимъ же слоямъ она болѣе всего присуща?

У г. Булгакова, какъ мы видѣли, рѣчь идетъ объ интеллигенціи. Но о какой? „Чувство нравственной отвѣтственности передъ народомъ“—это чувство человѣка, живущаго надъ народомъ и при томъ живущаго за его счетъ. Интеллигенція г. Булгакова это „кающіеся дворяне“ и прочіе деклассированные должники народа — это аристократія духа. И ей, конечно, какъ нельзя болѣе приличествуютъ скорбные вздохи о тѣхъ,

Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно „намъ“
Погружаться въ искусства, науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ.

У Глѣба Ив. Успенскаго имѣются чудныя страницы, посвященныя этимъ болящимъ совѣстью „неплательщикамъ“. Ихъ совѣсть, дѣйствительно, вѣчно томится и ноетъ, какъ подгнившій, трухлявый зубъ со свищомъ. Подобно „телячьему студню“ отзывается она чуткимъ трепетомъ на всякое чиханіе. Но .. но жизнь, то бишь съ одной стороны „тупыя силы“, а съ другой—„жена, дѣти“, какъ то всегда расходится у неплательщиковъ въ своихъ требованіяхъ съ требованіями ихъ болѣющей совѣсти. Вы спросите: какой же исходъ избираютъ они изъ этого несоот-

вѣтствія? Да никакого. Они добросовѣстнѣйшимъ образомъ упекаютъ „по закону“ на каторгу какого нибудь „врага“ общественнаго порядка и потомъ сами же чуть не ревмя ревутъ о немъ, или либерально стонутъ о кровавыхъ жертвахъ коммуны, а черезъ полчаса, развлеченія ради, отправляются на пикникъ „топить кобеля“...

Таково *правило жизни* неплательщиковъ въ изображеніи Успенскаго. Правда, у него же вы найдете и исключенія изъ этого правила. Иной, слишкомъ ужъ замученный совѣстью, Тяпушкинъ удавится или самоотверженно бросится „во имя общей гармоніи“ подъ колесо размалывающей человѣческія кости кофейницы „тупыхъ силъ“. Но и тутъ скажется его родство съ прочими неплательщиками.

Тяпушкинъ аскетически отречется отъ всего личнаго, покинетъ на произволъ судьбы любимую жену и ребенка и съ лозунгомъ: „намъ самимъ ничего не надо“ постарается „пропасть“ за что либо его лично совершенно „не касающееся“. Но почему такъ? Да потому, что отъ общаго дѣла къ своему личному и Тяпушкинъ, подобно всѣмъ прочимъ неплательщикамъ, не видитъ не только дороги, но и тропинки. А при такихъ условіяхъ ему дѣйствительно гораздо легче *умереть* во имя общей гармоніи въ геройскомъ подвигѣ самоотверженія, чѣмъ *жить* во имя этой гармоніи и отстаивать ее *для себя*.

Нужно сказать, что больная совѣсть и Глѣбу Успенскому казалась нашимъ отечественнымъ явленіемъ. Но онъ, по крайней мѣрѣ, не умилялся по поводу этого національнаго „отличія“, подобно г. Булгакову. Нашимъ „неплательщикамъ“, оплакивавшимъ передъ пикникомъ коммунаровъ, онъ противополагалъ прямолинейныхъ версальцевъ, разстрѣливавшихъ этихъ коммунаровъ безъ жалкихъ фразъ и какихъ либо сомнѣній. Аскетамъ же Тяпушкинымъ онъ противоставлялъ европейскихъ блузниковъ и, вообще, такихъ борцовъ, которымъ и дома, и для себя, и для семьи нужно то же, что на митингѣ или въ парламентѣ.

Европейскіе нравы казались при этомъ Успенскому чрезвычайно грубыми и даже жестокими. И все же грубымъ блузникамъ и жестокимъ версальцамъ онъ безъ всякого раздумья отдавалъ предпочтеніе передъ нашими замученными совѣстью Тяпушкиными и всѣми либерально-слезливыми любителями пикниковъ. Къ сожалѣнію, Успенскій не дожилъ до нашихъ дней и не ознакомился съ нравами нашихъ отечественныхъ блузниковъ и версальцевъ 1905 года. Въ противномъ случаѣ онъ увидѣлъ бы, что его противопоставленіе Россіи Европѣ и въ этомъ отношеніи уже устарѣло, и что, стало быть, больная совѣсть „неплательщиковъ“ представляетъ собою не столько національное, сколько соціальное „отличіе“ промежуточныхъ въ классовомъ отношеніи группъ. Но, тѣмъ менѣе, конечно, нашелъ бы онъ тогда поводовъ для умиленія нашими прекраснодушными представителями болящей совѣсти.

Типъ гражданина, въ душѣ котораго воля обуздывается долгомъ, а долгъ парализуется волей, такой типъ представляетъ собою, прежде всего, *минимумъ активности и силы.* И уже по одному этому, какимъ бы „ореоломъ нравственнаго мученичества и чистоты“ его не окружали гг. Булгаковы, такой типъ не заслуживаетъ иного чувства, кромѣ чувства жалости.

И какъ ни пессимистична такая оцѣнка, она отнюдь не субъективна Вопросъ объ относительной цѣнности разныхъ типовъ морали мы рѣшаемъ съ точки зрѣнія ихъ *жизнеспособности.* А это и есть наиболѣе объективный изъ возможныхъ критеріевъ. Мораль долга слѣдуетъ признать мертвенной и мертвящей, ибо нѣтъ лучшихъ признаковъ жизненности, какъ активность и сила, чего какъ разъ и недостаетъ разслабленнымъ внутренней борьбой адептамъ морали долга.

IV.

Что мораль долга, обуздывая волю, разслабляетъ ее, въ этомъ едва-ли могутъ быть сомнѣнія. Но, конечно, гг. идеалисты подкрашиваютъ эту горькую истину слащавыми фразами о „*свободномъ* подчиненіи воли закону, (И. Кантъ), о „морали *свободно* выполняемаго долга“ (П. Струве), и т. п. Не трудно, однако, замѣтить, какъ имъ приходится злоупотреблять при этомъ словомъ „свобода“.

Свободными мы чувствуемъ себя, вообще говоря, лишь постольку, поскольку не наталкиваемся ни на какія препоны къ проявленію нашей воли. Но нѣтъ большаго заблужденія, какъ мысль, будто такими препонами могутъ быть лишь преграды матеріальнаго свойства—желѣзныя цѣпи и каменныя стѣны. Вспомните строки:

Онъ скованъ былъ. Металлъ его цѣпей
Давно истлѣлъ
И въ прахъ разсыпался-бъ, когда-бъ сильнѣй
Рвануть онъ смѣлъ.
Но помнилъ онъ, какъ нѣкогда была
Та цѣпь крѣпка,
Какъ разорвать ни разу не могла
Ее рука.
И снова цѣпь свою рвануть сильнѣй
Онъ ужъ не смѣлъ.
А крѣпкій нѣкогда металлъ цѣпей
Давно истлѣлъ.

Такого узника удерживаетъ ужъ не объективное желѣзо, а субъективное сознаніе своего внѣшняго ограниченія и только оно. Ограниченіе это является къ тому же чистѣйшей иллюзіей, маревомъ, кошмаромъ мертвящихъ традицій. И все же это не дѣлаетъ узника болѣе свободнымъ.

Или возьмемъ привычнаго раба. Его руки свободны отъ тлѣнныхъ цѣпей, но его воля скована цѣпями нетлѣнными. Она скована сознаніемъ своей подчиненности и страхомъ возмездія со стороны господина. Но не то же ли сознаніе подчиненности, связанное со страхомъ возмездія, характе-

ризуетъ собою и всѣхъ привычныхъ рабовъ долга? А если это такъ, что безспорно, то, очевидно, и эфирнѣйшая фикція категорическаго императива ограничиваетъ свободу человѣка не въ иномъ смыслѣ, чѣмъ реальнѣйшія цѣпи каторжника.

Конечно, при желаніи каламбурить, можно говорить и о „свободномъ подчиненіи“. У привычнаго раба не возникаетъ и мысли о бунтѣ. Онъ даже на конюшню за привычнымъ воздаяніемъ слѣдуетъ самъ, вполнѣ „добровольно“, то есть не дожидаясь, пока его поволокутъ туда волокомъ. Однимъ словомъ, такой рабъ подчиняетъ свою волю закону господина совершенно „свободно“. Такъ „свободно“, какъ будто бы на мѣстѣ этого господина возсѣдалъ самъ олицетворенный категорическій императивъ. Но, скажите, пожалуйста,—кому,—кромѣ развѣ самыхъ отчаянныхъ „идеалистовъ“,—кому придетъ въ голову принимать въ серьезъ и идеализировать такую рабскую свободу!..

Въ конечномъ выводѣ мы утверждаемъ слѣдующее: всякое лишеніе свободы всегда есть лишеніе, и противополагать въ этомъ смыслѣ моральныя ограниченія свободы физическимъ нѣтъ достаточныхъ основаній, тѣмъ болѣе, что поскольку свобода есть субъективное состояніе сознанія, она и вообще можетъ быть ограничена лишь такими же субъективными состояніями сознанія, то есть психологически, а не физически.

Дѣло въ томъ, что всякое внѣшнее воздѣйствіе, будь то чужая воля, или силы природы, не прямо детерминируетъ нашу волю, а *посредственно*, претворяясь предварительно во внутреннее состояніе нашего сознанія, то есть, напримѣръ, въ видѣ субъективнаго чувства страха, или ожиданія награды и т. п. Такимъ образомъ, можно бы сказать, что въ концѣ концовъ мы всегда поступаемъ сообразно лишь *нашимъ* же собственнымъ симпатіямъ и антипатіямъ, надеждамъ и опасеніямъ. Иными словами, мы, молъ, *сами* и при томъ вполнѣ „самозаконно“ опредѣляемъ

нашу дѣятельность. И однако же въ однихъ случаяхъ эту дѣятельность сопровождаетъ, какъ насъ учитъ непосредственный опытъ, радостное чувство *свободы*, въ другихъ—гнетущее сознаніе *принужденія*.

Отчего же зависитъ то и другое? И каковъ истинный смыслъ этихъ понятій?

Чтобы понять эт вспомнимъ, что каждая мышца нашего организма имѣе своего „антагониста", то есть другую мышцу, дѣйствующу въ противоположномъ направленіи. Такъ, напримѣръ, если одна мышца служитъ для сгибанія колѣна, то другая пр особлена для ихъ разгибанія, если одна поднимаетъ руку, то соотвѣтствующая опускаетъ ее и т. д.

И вотъ, если мы ѣемъ дѣло съ гармоничнымъ сознаемъ и цѣлостно лей, то всѣ ея импульсы направляю ный моментъ къ одной и той же опредѣле мышцѣ силивая другъ друга. Вся энергія мышцъ затрачив ри этомъ цѣликомъ на преодолѣніе одного лишь *внѣш* сопротивленія, напримѣръ, вѣса поднимаемаго тѣла. движенія совершаются съ наименьшей затратой силъ п тношенію къ достигаемому эффекту. Сопротивленія прео ваются легко и быстро. И въ результатѣ—радостное о еніе полноты силъ, ощущеніе свободы.

Но представимъ себѣ соз ie дисгармоничное, въ которомъ каждой надеждѣ против оитъ какое либо опасеніе, всякому желанію—сомнѣніе, кому „я хочу"—„ты долженъ". Чѣмъ должна сказаться ая дисгармонія сознанія въ двигательныхъ импульсахъ? очевидно, тѣмъ, что импульсы эти будутъ направляться новременно и къ тѣмъ, или инымъ мышцамъ, и къ ихъ агонистамъ. Каждой двигающей мышцѣ придется при этомъ преодолѣвать, кромѣ сопротивленія внѣшней силы, еще бо е, или менѣе значительное напряженіе своего антагониста. полезный эффектъ работы будетъ, стало быть, пропорці а-

ленъ лишь *разности* напряженій дѣйствующихъ мышцъ при общей затратѣ энергіи, пропорціональной *суммѣ* этихъ напряженій. А это значитъ, что движенія или совсѣмъ не послѣдуетъ, или оно будетъ происходить весьма вяло, сопровождаясь: объективно—непроизводительной растратой и упадкомъ силъ, а субъективно—ощущеніемъ неудовлетворенности и усталости въ связи съ сознаніемъ внутренней связанности или внѣшняго принужденія.

Такимъ образомъ вопросъ о сравнительной жизнеспособности той или иной морали ставится на твердую почву общаго принципа экономіи жизненной энергіи. И съ этой точки зрѣнія гармоничная мораль воли должна неизбѣжно развиваться и стать единственной моралью будущаго не потому, что намъ этого хочется, а потому, что она въ наибольшей степени удовлетворяетъ принципу наименьшей траты жизненныхъ силъ, и, стало быть, наиболѣе приспособлена къ сохраненію вида Homo sapiens, что въ сущности и является назначеніемъ всякой морали.

Всякая иная мораль, будь то эвдемонизмъ съ его „балансомъ счастія“, или мораль долга съ ея разсудочными „максимами“, не удовлетворяетъ своему назначенію съ этой общей точки зрѣнія. И не только съ ней.

Въ самомъ дѣлѣ Пусть бы природа вложила въ каждаго изъ насъ самого Бентама и поставила передъ нимъ задачу въ видѣ утопающаго. Эвдемонистъ, конечно, рано или поздно разсчиталъ бы съ точки зрѣнія своего ариѳметическаго идеала „максимальнаго счастія наибольшаго числа людей“—слѣдуетъ ли ему рискнуть своей жизнью ради жизни чужой, или не слѣдуетъ. Но въ виду сложности задачи—рѣшеніе ея, навѣрное, послѣдовало бы скорѣе поздно, чѣмъ рано.

То же самое будетъ, однако, если мѣсто Бентама въ нашей душѣ займетъ хоть самъ Кантъ. Рѣшая ту же задачу Кантъ, правда, будетъ соображать не о пользѣ вида, а о томъ можетъ ли правило: „спасай утопающаго“ стать

максимой всеобщаго законодательства. Но рѣшеніе отъ такой замѣны едва ли ускорится. А, стало быть, утопающему не поздоровится и отъ категорическаго императива въ той же мѣрѣ, какъ и отъ всякаго иного принципа мѣщанской добродѣтели.

Не такова должна быть мораль будущаго. Эта мораль будетъ не разсудочной, а инстинктивной, какъ любовь матери къ своему ребенку Ея импульсовъ не задержитъ и не ослабитъ никакой рефлексъ, ибо они должны быть не только сильными, но и мгновенными.

Конечно, мы знаемъ, что такая упраздняющая нравственность гг. идеалистовъ мораль будущаго предполагаетъ прежде всего мощную и цѣльную волю, какая возможна лишь въ гармонично настроенныхъ душахъ. Знаемъ мы и то, что такія души для полнаго своего расцвѣта нуждаются всего сильнѣе въ полной гармонизаціи жизни, что еще далеко отъ осуществленія. Но это, отнюдь, не смущаетъ насъ. Объективная взаимозависимость между нашимъ соціальнымъ и этическимъ идеалами лишь роднитъ и сливаетъ ихъ и субъективно въ нашихъ душахъ. И въ качествѣ борцовъ за эти наиболѣе жизненные идеалы мы смѣло бросаемъ вызовъ всѣмъ нашимъ противникамъ:

„Если мы дѣйствительно являемся носителями жизни,—скажемъ мы словами Ницше,—а противники наши—носителями начала смерти, то побѣда неизбѣжно останется за нами!..“

V.

Въ заключеніе намъ хочется еще разъ подчеркнуть слѣдующую мысль. Противоставляя этическій идеалъ аристократіи духа идеалу пролетарскому, мы ставимъ между ними рѣзкую границу. Но это теоретическая лишь грань. Въ жизни же всѣ рѣзкія грани смягчаются тысячами незамѣтныхъ нюансовъ и переходовъ, „уклоненій“ и „исключеній“. Такъ, напримѣръ, среди аристократовъ духа можно

указать не мало лицъ съ очень замѣтнымъ уклономъ въ сторону морали воли. И, наоборотъ, поклонники долга найдутся и среди идеологовъ, формально числящихся въ противоположномъ лагерѣ.

Присматриваясь однако къ этимъ „уклоненіямъ“ внимательнѣе, мы убѣждаемся, что они не только не опровергаютъ, но иной разъ даже еще ярче оттѣняютъ правильность нашихъ обобщеній... Съ „уклоненіями“ этого рода изъ среды аристократовъ духа мы уже имѣли дѣло. Приведемъ же хоть одинъ образчикъ и изъ противоположнаго лагеря.

Вотъ передъ нами авторъ, искренно желающій быть самымъ ярымъ марксистомъ. Пишетъ онъ спеціально „о пролетарской этикѣ“ *) и выступаетъ проповѣдникомъ морали долга. Но вслушайтесь въ его идеалистически-сверхклассовую фразеологію.

Классовой морали онъ, повидимому, вовсе не признаетъ. Знаетъ онъ лишь болѣе, или менѣе „жестокій классовый эгоизмъ“, изъ „узкихъ рамокъ“ котораго и стремится вывести своего читателя. „Этично, по его опредѣленію, то, что жизненно, но жизненно не для меня, не для другого, не для того, или другого класса, а для всѣхъ, для всего человѣчества“ **).

Итакъ, запомнимъ это, для нашего марксиста не существуетъ классовыхъ противорѣчій, обращающихъ „жизненное“ для буржуазіи въ мертвящее для пролетаріата и обратно. Но послѣдуемъ дальше.

Категорія *должнаго*—вотъ „объективно-этическій принципъ“ нашего автора. „Подъ магическое (!) вліяніе должнаго подпадаютъ“, по его словамъ, даже представители самаго „анти-этичнаго“ класса—буржуазіи. Итакъ буржуазія въ цѣломъ—антиэтична. Но и „пролетаріатъ, какъ

*) См. брошюру подъ этимъ заглавіемъ въ изд. „Колокола“ подъ ред. Н. А Рожкова. М. 1906 г.

**) Тамъ же, сс. 28, 29, 34, 38.

классъ, чуждъ этическаго смысла", и пролетаріатъ, какъ классъ, пропитанъ буржуазной идеологіей". Вообще проводниками „высшаго альтруизма", по словамъ нашего автора, являются пока лишь „исключительныя личности", „въ массѣ же, напротивъ, царствуетъ самый бездушный эгоизмъ" *).

Объясняется все это у нашего автора, конечно, чрезвычайно просто. „Безнравственность буржуазіи основана, де, на томъ, что она неспособна возвыситься до *истиннаго пониманія* интересовъ всего человѣчества"—слѣдовательно на извѣстныхъ логическихъ дефектахъ буржуазнаго мышленія. Что же касается моральной буржуазности пролетаріата, то „вина" за нее возлагается на... соціалдемократовъ: Пролетаріату необходимо, дескать, „привить" этическое сознаніе, а „ марксизмъ на эту сторону мало обращалъ до сихъ поръ вниманія". Взять, молъ, хоть Германію. Тамъ „въ настоящее время пользуется большимъ (?) вліяніемъ христіанскій соціализмъ". А почему? Да по „винѣ соціалдемократовъ" **).

И вотъ, чтобы загладить эту вину, нашъ авторъ декретируетъ „законъ соціализирующаго воздѣйствія личностей",—правда, не критически-мыслящихъ, а „активно-этическихъ", но, судя по всему, термины эти вполнѣ равнозначущи. Въ качествѣ же цѣли соціализирующаго воздѣйствія этихъ личностей устанавливается слѣдующее положеніе: „Для борьбы съ буржуазной идеологіей, съ буржуазной этикой, религіей, эстетикой и пр. пролетаріату надо создать свою этику, свою эстетику, свою религію"... ***).

Даже религію свою!.. Это для конкурренціи съ христіанскимъ соціализмомъ, что-ли?.. Вотъ что значитъ стоять на хорошемъ, торномъ пути! Эту дорожку у насъ про-

*) Тамъ же, сс. 8, 46, 33, 27.

**) Тамъ же, сс. 35, 12.

***) Тамъ же, сс. 41, 33.

торили еще гг. Струве, Булгаковы и Бердяевы, которые тоже числились когда то „марксистами". И нужно сказать, что нашъ авторъ стоитъ уже довольно далеко на этомъ пути, усматривая „даже въ борьбѣ, въ отношеніяхъ современныхъ классовъ другъ къ другу... нѣкоторую смягченность" и привѣтствуя ее какъ „большой успѣхъ" *). Мы его можемъ поздравить съ этимъ „успѣхомъ". Онъ его несомнѣнно получитъ въ лагерѣ притупляющихъ классовыя противорѣчія оппортюнистовъ.

Само собой, что при такихъ взглядахъ мораль воли для нашего активно-этическаго автора—китайская грамота. „Для насъ, говоритъ онъ, важно этическое пониманіе смысла *жертвъ*". И важно потому, что „практическое (?) пониманіе можетъ удовлетворить только тамъ, гдѣ нѣтъ *самопожертвованія*, гдѣ нѣтъ *отреченія*". Человѣкъ, молъ, „хочетъ знать, что значатъ тѣ *противорѣчія*, которыя сѣютъ въ его душѣ жизнь? Что значитъ, что она зоветъ его въ одно и то же время и къ мирному (!) личному счастію, и къ бурной общественной борьбѣ? Куда идти, спрашиваетъ онъ, и во имя чего? Сердце сознательнаго человѣка *полно тревоги*; онъ всегда „ищетъ", онъ всегда стремится къ душевной гармоніи"... „Посмотрите съ какой стойкостью, съ какимъ *самоотреченіемъ* борцы за идею отказываются отъ семейнаго счастья, отъ спокойной (!) и уютной (!) жизни!" **).

Какова фразеологія! Жертвы, самопожертвованіе, отреченіе, самоотреченіе, душевныя противорѣчія, тревога... Все это срисовано, конечно, съ натуры. Но только—съ мелкобуржуазной натуры. И дѣло идетъ, стало быть, не о „сознательномъ" человѣкѣ вообще, а объ одной лишь особой его разновидности, имя которой—радикальный мѣщанинъ Тяпушкинъ.

---

*) Тамъ же, с. 23.

**) Тамъ же, сс. 10, 24.

И въ самомъ дѣлѣ. Сознательному *пролетарію* отъ „спокойной", да еще „уютной" жизни и тому подобныхъ мѣщанскихъ прелестей отрекаться не приходится уже потому, что онъ ими вовсе не располагаетъ. Его соціальное положеніе таково, что передъ нимъ нѣтъ выбора: или мирное личное счастье, или борьба. Для него „счастіе" доступно только въ одной формѣ—въ формѣ общественной борьбы. Лишь въ ней можетъ онъ найти свое *бурное* личное счастіе. Но, какъ разъ по этому для борца-пролетарія не можетъ быть и рѣчи о какихъ бы то ни было жертвахъ и самоотреченіяхъ.

Въ его душѣ не можетъ быть никакой дисгармоніи, никакихъ колебаній. Дисгармонія для пролетарія существуетъ лишь *внѣ его*, въ самой жизни. И чѣмъ меньше силъ приходится ему затрачивать на водвореніе внутренней, душевной гармоніи, тѣмъ съ большей полнотой энергіи бросается онъ въ водоворотъ общественной борьбы со всѣми внѣшними силами, мѣшающими гармонизаціи жизни.

Понять это не трудно. Это азбука для всякаго, кто усвоилъ себѣ пролетарскую точку зрѣнія. И если нашъ „марксистъ", взявшійся писать о пролетарской этикѣ, все-таки не понялъ этого, то выводъ отсюда ясенъ Значитъ ему еще совершенно чужда пролетарская психика. Значитъ, несмотря на свои соціальныя симпатіи, онъ въ духовномъ отношеніи всецѣло еще витаетъ надъ пролетаріатомъ, въ аристократическомъ лагерѣ „неплательщиковъ".

Вотъ откуда, значитъ, принесена имъ эта чуждая душѣ пролетарія тревога и тоска по „спокойной и уютной жизни", которую онъ съ такой наивной категоричностью возводитъ чуть ли не въ особое общечеловѣческое достоинство. Но въ качествѣ неплательщика, ему, разумѣется, было бы гораздо труднѣе *отрѣшиться* отъ мѣщанской морали „исключительныхъ личностей"—морали долга, чѣмъ *встать на ея защиту* противъ „лишеннаго этическаго смысла" и „пропитаннаго буржуазной идеологіей" рабочаго класса.

Итакъ все, стало быть, въ порядкѣ вещей. „Исключительная личность“ нашего автора отнюдь не представляется загадочной. И ужъ во всякомъ разѣ классовой теоріи морали съ этой стороны ничто не угрожаетъ. Но мы уже чувствуемъ, какъ на насъ поднимается гроза съ другой стороны.

— Какъ!—негодующе воскликнетъ тутъ какой-нибудь „другъ народа“. Какъ, вы отрицаете у пролетарія способность къ жертвамъ! Вы хотите представить его сухимъ и черствымъ эгоистомъ, который просто на просто защищаетъ *свои* интересы и при томъ даже безъ всякаго риска, ибо „терять ему нечего, кромѣ своихъ цѣпей“. Нѣтъ, это гнусная клевета на пролетаріатъ. И я самъ, де, слышалъ отъ своихъ знакомыхъ рабочихъ, что они возмущаются этимъ оскорбительнымъ для нихъ лозунгомъ коммунистическаго манифеста и негодуютъ на своихъ обидчиковъ соціалдемократовъ. Нѣтъ, пролетарій, конечно, бѣднякъ. Но тѣмъ дороже ему то немногое, что у него еще остается, и тѣмъ тяжелѣе, стало быть, для него терять это немногое. И однако же онъ не щадитъ ничего и приноситъ свою лепту вдовицы на жертвенникъ идеи съ такимъ же самоотверженіемъ, какъ и лучшіе революціонеры изъ интеллигенціи.

Какъ ни курьезно это обвиненіе, смѣемъ, однако, увѣрить читателя, что оно не нами придумано. Вычитали мы его какъ то въ одной изъ книжекъ народолюбиваго „Русскаго Богатства“, и хотя за приведенную нами редакцію не ручаемся, но за смыслъ переданнаго можемъ вполнѣ поручиться.

Что же намъ возразить по существу на подобныя обвиненія! Это трудная задача, ибо говоримъ мы съ критически-мыслящими личностями изъ „Русскаго Богатства“ на разныхъ языкахъ. Поймутъ ли они насъ, если они еще не поняли, что для *сознательнаго* пролетарія нѣтъ и не можетъ быть ничего *дорогого* въ мірѣ мѣщанскихъ цѣнностей?

Калѣча пролетаріатъ и физически,
жуазный міръ развиваетъ въ душѣ такого пролетарія столь жгучую къ себѣ ненависть, что въ концѣ концовъ съ его стороны возможна лишь одна „жертва“ Это отказъ отъ проявленія въ борьбѣ своихъ чувствъ къ мѣщанскому міру.

„Лишь въ качествѣ бойцовъ—можетъ онъ повторить слова Ницше—получаемъ мы право на существованіе въ наше время,—въ качествѣ борцовъ за грядущій вѣкъ“. „Ибо вѣдь въ концѣ то концовъ всѣ мы страдаемъ такъ глубоко и мучительно, что вынести это можно только въ крѣпкомъ бою съ мечемъ въ рукахъ“ *).

*) „Переписка Ницше“ Рус. Бог. 1901 г. III, с. 84.

Приложеніе.

СИМВОЛИКА

„Черныхъ масокъ“

Л. Андреева.

СИМВОЛИКА
„Черныхъ масокъ“

Л. Андреева.*)

Въ ряду произведеній Л. Андреева „Черныя Маски“ по замыслу являются едва ли не самымъ загадочнымъ. Напоминая по манерѣ композиціи наиболѣе причудливыя созданія расточительной фантазіи Эдгара По,—вспомните хотя бы его Маску Красной Смерти,—Черныя Маски заключаютъ въ себѣ несомнѣнно и не менѣе богатую символику. Но символика эта слишкомъ глубока и значительна, чтобы быть разгаданной съ перваго же взгляда. Ее необходимо основательно продумать, ее приходится расшифровывать. А это не столь ужъ легкая задача. По крайней мѣрѣ, въ томъ пріемѣ, какой оказанъ пьесѣ въ широкой публикѣ, чувствуется весьма изрядная доза затаенной досады на автора, предъявляющаго, какъ видно, слишкомъ большія требованія къ этой публикѣ.

Обнажить идейный остовъ красочной символики Черныхъ Масокъ въ данныхъ условіяхъ является на нашъ взглядъ дѣломъ далеко не лишнимъ. Но, приступая къ выполненію этой задачи, начнемъ съ оговорки. Конечно, въ толкованіи всякаго символическаго произведенія совершенно неизбѣженъ извѣстнаго рода субъективизмъ. Очень

*) Настоящій очеркъ, явившійся результатомъ коллективнаго чтенія „Черныхъ Масокъ“ и совмѣстнаго истолкованія ихъ группой лицъ, можетъ, какъ намъ кажется, послужить далеко не лишней иллюстраціей къ нѣкоторымъ положеніямъ нашей основной темы объ аристократіи духа.

вѣроятно, что то пониманіе, какое мы вкладываемъ въ символы Л. Андреева, отнюдь не единственно возможное. Быть можетъ оно чуждо даже самому автору. Для насъ, однако, то, что онъ фактически далъ въ своемъ произведеніи, гораздо важнѣе того, что онъ, быть можетъ, намѣревался лишь дать. И потому, принимая опредѣленное истолкованіе данныхъ художественныхъ образовъ, мы прежде всего и больше всего заботились о томъ, чтобы оно соотвѣтствовало этимъ образамъ. Насколько же намъ удалось это, пусть судитъ читатель.

Съ внѣшней стороны пьеса Андреева можетъ показаться просто высоко-художественной картиной человѣческаго безумія въ процессѣ его развитія. Легко подобрать даже спеціальные медицинскіе термины для характеристики всѣхъ проявленій глубокой душевной болѣзни бѣднаго Лоренцо. Но вглядитесь повнимательнѣе и въ безуміи Лоренцо вы откроете столько прозорливости и всесокрушающаго аналитическаго ума, а въ его галлюцинаціяхъ столько отвратительно-горькой, но все же реальнѣйшей правды, что у васъ невольно встанетъ вопросъ: да ужъ не символической ли маской въ общемъ маскарадѣ символовъ Андреева слѣдуетъ признать и это роковое безуміе герцога Спадары?

Что же скрывается за этой трагической маской безумія?

Герой пьесы, „безумецъ“ Лоренцо, рисуется намъ прежде всего, какъ „великій артистъ“ (с. 28). Онъ поэтъ, композиторъ и мыслитель, онъ художникъ-творецъ. Вообще это поистинѣ „рыцарь Св. Духа“, символизирующій въ себѣ, быть можетъ, цѣлую соціальную группу. Ту группу, которой съ наибольшимъ правомъ можно бы присвоить имя *аристократіи духа*. Но это только одна сторона. Въ области духа Лоренцо, несомнѣнно, личность царственнаго происхожденія, но по плоти онъ продуктъ той же глубоко-низменной соціальной среды, что и всѣ друзья его. Эта среда—коллективный Хамъ нашего времени—мѣщанство. Вуль-

гарно-тупая и жестоко-ограниченная въ своемъ паразитарномъ существованіи, среда эта не могла, разумѣется, не оставить своихъ губительныхъ слѣдовъ и на выросшемъ въ ней Лоренцо. Выражая все это въ одномъ символѣ, авторъ говоритъ намъ, что Лоренцо—причудливый плодъ преступной связи „королевы“ и „конюха“ (25 и 37).

И, дѣйствительно, въ душѣ Лоренцо непрерывно сталкиваются царственное и хамское или, если угодно, божеское и сатанинское начало. Сталкиваются и порождаютъ страшную психологическую трагедію, не лишенную, однако, и глубокаго соціальнаго смысла.

Трагедія эта развивается, правда, не сразу. Враждебныя начала довольно долго уживаются въ душѣ Лоренцо безъ всякой борьбы. „Трогательный, довѣрчивый и благородный“, онъ безъ раздумья отдается тихимъ радостямъ и нѣжной печали своего творчества. Его душа—„заколдованный замокъ“, въ которомъ нѣтъ мѣста для прозы жизни. Въ немъ—„свѣтитъ ли солнце въ высокія окна—изъ лучей золотыхъ оно ткетъ золотистые сны. Глядитъ ли печально луна въ туманныя окна—въ серебристыхъ лучахъ серебристые сны“ (33).

Правда, въ „нѣжные, безоблачно-ясные, мягкіе аккорды“ этой лирики рѣзкимъ диссонансомъ то и дѣло врываются грубыя, барскія нотки. Одного изъ своихъ слугъ герцогъ ди-Спадаро грозитъ „посадить на колъ“, другого—„вздернуть“ на стѣнѣ своего замка... Правда и то, что уже самые источники безоблачныхъ вдохновеній Лоренцо должны бы быть отравлены скорбными стонами тѣхъ „черныхъ тѣней“. что окружаютъ его сказочный замокъ. Но кость отъ кости и плоть отъ плоти своей среды, въ которой все это столь обычно, Лоренцо очень долго даже не замѣчаетъ этихъ рѣжущихъ диссонансовъ въ душѣ своей. Онъ не слышитъ проклятій и стоновъ тѣхъ черныхъ тѣней, чьей кровью и потомъ питается его изысканное творчество. Онъ не ви-

дитъ на чьихъ черныхъ костяхъ воздвигается это пышное убѣжище феодаловъ ума,—его сіяющій замокъ культуры.

Но вокругъ Лоренцо уже носятся въ воздухѣ зловѣщіе шорохи стоновъ: „Онъ выпилъ всю мою кровь.. Онъ убиваетъ тѣхъ, кого любитъ“ (23).. Рано или поздно эти стоны должны были дойти до чуткаго слуха Лоренцо.

„И освѣтилъ онъ свой замокъ огнями“ (33).

Смыслъ этого символа ясенъ. Вспомните Лоренцо, склонившагося надъ пыльными манускриптами старинной библіотеки въ замковой башнѣ. Лоренцо освѣтилъ свою душу, „и вотъ только два раза обернулось солнце вокругъ земли, а онъ уже старикъ, и подъ бременемъ страшныхъ испытаній, ужасной правды о дѣлахъ человѣческихъ и божіихъ, горбится его молодая спина“. „Если,—встаютъ передъ нимъ роковые вопросы,—если все правда въ этихъ пожелтѣвшихъ листкахъ, то кто же властитель міра Богъ или Сатана? И кто же я, что называлъ себя Лоренцо, герцогомъ Спадары? Ужасна правда дѣлъ человѣческихъ. Полна печали моя юная душа“ (37).

Герцогъ ди-Спадаро ярко освѣщаетъ свой замокъ, и сзываетъ гостей, и снова берется за лютню. Но „печальная лютня“ Лоренцо не заглушитъ ничьихъ ужъ рыданій.

— „Что случилось съ моею душою?... звучатъ въ ней новыя нотки. Черныя тѣни побѣжали къ горамъ—и вернулись чернѣе. Кто рыдаетъ? Кто стонетъ такъ тяжко въ черной тѣни кипарисовъ? Кто пришелъ на мой зовъ?“ (33).

Лоренцо не узнаетъ своихъ гостей, хотя въ ихъ средѣ находятся всѣ друзья его. И это понятно. Вѣдь онъ впервые лишь видитъ ихъ въ этомъ яркомъ, въ ихъ истинномъ свѣтѣ. А между тѣмъ въ новомъ освѣщеніи лица этой „толпы господъ“ поистинѣ „отвратительны и страшны“. Здѣсь неожиданно выступаетъ передъ нимъ кровожадный паукъ, на зыбкихъ колеблющихся ногахъ. Тамъ нудно болтается, какъ болотная лихорадка, „что то сѣрое и безпомощное“—несомнѣнный символъ мѣщанской скуки. По-

всюду безобразные уроды и безформенныя чудовища. Повсюду мертвецы и калѣки. Ихъ веселье и остроты омерзительно грубы и пошлы, а ихъ страсти. . Ихъ страсти, безъ сомнѣнія, такъ же юны и пылки, какъ тѣ семь сморщенныхъ, горбатыхъ старухъ, что бродятъ межъ ними съ „видомъ стыдливыхъ и смущенныхъ невѣстъ“ (20—30).

Признать въ этихъ жалкихъ уродахъ не только своихъ друзей, но даже „вмѣшавшихся въ толпу господъ“ слугъ своихъ—рыцарь духа, Лоренцо, разумѣется, никакъ не можетъ. И не потому, что они всѣ вдругъ оказались подъ масками. О, нѣтъ. Мѣщанство никогда не снимаетъ съ себя маски лицемѣрія. Но теперь Лоренцо сумѣлъ заглянуть къ нему въ душу даже чрезъ эту маску. Заглянулъ и ужаснулся, ибо подъ масками не оказалось лицъ. Тамъ была лишь сплошная безличность. На имя какого-нибудь одного Петруччіо—Лоренцо слышитъ изъ этой толпы сразу десятокъ откликовъ. И онъ могъ бы ихъ услышать хоть сотню, ибо имя безличности—легіонъ.

Все это и само по себѣ ужасно. Но ужасъ Лоренцо усугубляется съ каждой минутой тѣмъ, что во всѣхъ этихъ парадирующихъ передъ нимъ символахъ мѣщанства онъ невольно узнаетъ и свои собственныя душевныя качества. Да, да. Какъ это ни трудно ему признать, но Лоренцо чувствуетъ, что и въ его сердцѣ свивалъ свое гнѣздо „этотъ черный мохнатый паукъ, это отвратительное чудовище“. Да, и эта „длинная, сѣрая“ мѣщанская тоска, она тоже не чужая ему, конечно. А душевный холодъ? Развѣ въ немъ самомъ мало было того трупнаго холода, какой его такъ отталкиваетъ въ этихъ ужасныхъ маскахъ. А его „очаровательное, какъ мечта и нѣжное, какъ серебристый лучъ луны“, творчество? Развѣ оно не было до сихъ поръ только „прекрасной ложью“, хотя онъ и „ненавидѣлъ ложь“? Да, да. Все это было. И тщетно Лоренцо отмахивается еще отъ этихъ уродливыхъ призраковъ. „Черная змѣя“ сомнѣній уже заползла въ его сердце и жалитъ его, и жалитъ его безпощадно.

Пытаясь заглушить въ своей душѣ рой всплывающихъ въ ней мучительныхъ диссонансовъ гармоніей „томной и нѣжной грусти“ своего былого творчества, Лоренцо „начинаетъ пѣть что то красивое“ (27). Но, увы, „старое прекрасное вино“ его безоблачныхъ вдохновеній уже отравлено. „Оно стало красно, какъ кровь Сатаны, и дурманитъ голову, какъ змѣиный ядъ“ (22). Адскимъ огнемъ жжетъ оно его горло и вмѣсто „лучезарной и чистой мелодіи“ въ его груди рождается „что то дикое, гдѣ одновременно звучитъ злой смѣхъ, крики отчаянія и боли и тихо жалуется чья то печаль“ (24). Почувствовавъ у себя въ головѣ „вмѣсто мозговъ—расплавленный свинецъ“. Лоренцо „испуганно обрываетъ“ эту дикую музыку.

Какъ же, однако, относятся къ этому его друзья и гости? О, конечно, до душевныхъ мукъ Лоренцо имъ нѣтъ никакого дѣла. Господа мѣщане чувствуютъ себя не гостями, а хозяевами въ сіяющемъ замкѣ Лоренцо—замкѣ человѣческой культуры. „Мы твои хозяева, Лоренцо. Этотъ замокъ нашъ“—заявляютъ они увѣренно (27). Мѣщане знаютъ, что если вся эта культура создавалась и не ихъ руками, то создавалась она все же только для нихъ однихъ, на ихъ паучью потребу и ихъ мѣщанскій вкусъ. Въ каждомъ носителѣ творческой идеи, въ каждомъ подлинномъ аристократѣ духа они видятъ поэтому, прежде всего, своего „расторопнаго слугу“ (23). И когда Лоренцо перестаетъ забавлять ихъ своими муками, они властно призываютъ его къ порядку:

„Что же ты замолкъ, Лоренцо!.. Мы приготовились тебя слушать... Мы требуемъ, Лоренцо. Пой!“ (28).

Несчастному Лоренцо измѣняетъ все—и друзья, и творчество. Но у него остается еще великая любовь его, донна Франческа. Благородный рыцарь духа, онъ романтически свято любитъ свою даму сердца—Истину, и ее призываетъ онъ къ себѣ на помощь въ тяжелую минуту. О, конечно, его любовь не скроется отъ него и подъ маской. „Изъ

тысячи тысячъ женщинъ я узнаю мою возлюбленную по ея глазамъ"—восторженно восклицаетъ Лоренцо (28). И вотъ, о ужасъ! Онъ замѣчаетъ, что ошибся. Вотъ передъ нимъ уже другая донна Франческа, вотъ третья... Которая же изъ нихъ его любовь? Гдѣ Истина?.. Прежняя оказалась фантомомъ, какихъ много, а новая?.. Гдѣ она?

Послѣднее разочарованіе переполняетъ чашу страданій Лоренцо. Вмѣсто былой наивной гармоніи онъ ощущаетъ теперь въ душѣ своей настоящій адъ сомнѣній и пытокъ. Теперь тамъ воистину Діаволъ съ Богомъ борется. Но, если и съ внѣшнимъ адомъ не примирилась бы чуткая душа Лоренцо, то внутренній адъ для нея совершенно непереносимъ. Лоренцо не можетъ долѣе мириться съ мыслью что у него, рыцаря Св. Духа, гдѣ то тамъ, „въ черной глубинѣ его сердца" зиждется престолъ Сатаны. И вотъ онъ „быстро бѣжитъ вверхъ", на башню и убиваетъ въ себѣ „Бывшаго Лоренцо".

Но, увы, этотъ бывшій Лоренцо слишкомъ живучъ. И нашъ рыцарь духа возвращается назадъ къ своимъ гостямъ—только со свѣжей раной въ груди, но съ прежней дисгармоніей въ сердцѣ. Съ ужасомъ замѣчаетъ онъ тутъ что и на немъ не живое лицо. а мертвая маска. „Одна изъ тѣхъ отвратительныхъ масокъ" мѣщанской окаменѣлости, какія онъ видитъ вокругъ себя на своихъ гостяхъ. Въ Лоренцо, однако, достаточно силы и рѣшимости, чтобы рано, или поздно сорвать ее съ себя. „Я сдеру тебя, проклятая маска, съ мясомъ и кровью я сорву тебя!"—въ бѣшенствѣ стонетъ Лоренцо (47). И, дѣйствительно, изъ послѣдующихъ сценъ вы видите, что онъ не думаетъ щадить себя.

Вспомните хоть сцену съ „добрыми поселянами" у гроба „Бывшаго Лоренцо". Передъ духовными очами Лоренцо не случайно дефилируютъ здѣсь эти живые укоры его прежней паразитарной жизни.

— „Не разъ съ твоими охотниками—скорбно звучитъ въ его душѣ—ты топталъ мои посѣвы, а то, что оставляли нетронутыми подковы твоихъ коней, то добиралъ твой управляющій, лишая хлѣба меня и мою семью...

— Ты отнялъ у меня мою маленькую дочь для твоей герцогской забавы, и моя дочь погибла...

— Ты еще только собирался освобождать гробъ Господень, герцогъ Лоренцо, а на твоей службѣ уже забили на смерть моего сына“ .. (51).

Въ этихъ укорахъ печальный итогъ своему прошлому подводитъ, „стискивая зубы“, Лоренцо. И подводитъ онъ его лишь для того, чтобы разъ на всегда съ этимъ прошлымъ покончить. „Горькая правда“ страшныхъ укоровъ относится уже къ лежащему въ гробѣ мертвецу. И хотя этотъ мертвецъ онъ самъ, но Лоренцо не долго ужъ имъ будетъ. „Перестань быть мертвымъ“!.. ужъ взываетъ къ нему маленькій дружокъ его Экко. „Перестань быть мертвымъ, возьми мечъ и мы вдвоемъ пойдемъ съ тобою, какъ два рыцаря“... по пути новаго идеала... „къ Господу Богу“ (53). И этотъ призывъ не остается безъ отклика.

Но причемъ же тутъ Экко?—спроситъ, пожалуй, читатель. Развѣ идеалъ „рыцаря духа“ можетъ быть на одномъ пути съ идеаломъ „шута“?

Да, можно отвѣтить на это. Конечно, рыцарь духа, Лоренцо, является, по замыслу автора, коллосальнымъ образомъ носителя творческой идеи. Это создатель *новыхъ* цѣнностей въ области духа. А маленькій шутъ Экко—это символъ критической, разрушительной способности человѣческаго духа, не больше. И все же этотъ маленькій горбатый уродецъ правъ, называя великана духа, Лоренцо своимъ братомъ. Можно бы сказать даже больше. Вѣдь бываютъ моменты когда и творческій геній долженъ, прежде всего, вооружиться мечемъ разрушенія, чтобы расчистить

себѣ имъ дорогу къ свободному творчеству. А если это такъ, то, быть можетъ, Экко даже болѣе, чѣмъ братъ,— онъ нераздѣльная часть души самого Лоренцо.

Какъ видно изъ пьесы, этотъ духъ отрицанія, Экко, былъ когда то только „смѣхомъ Лоренцо". Онъ пытался тогда „заглянуть подъ маски" уродливаго мѣщанства, отрицая его лишь своимъ сатирическимъ словомъ. Но въ этихъ попыткахъ бѣдный Экко наталкивался только на предательскіе удары и равнодушный смѣхъ „сѣрой" толпы пошляковъ.

— „Что за странная игра, сеньоры?.. срывалось иной разъ стономъ у Экко: Я шутъ и почти плачу, а вы надъ кѣмъ я долженъ смѣяться, улыбаетесь" (23). Правда, Экко былъ только маленькимъ шутомъ. Но развѣ и многіе изъ великихъ сатириковъ, бичевавшихъ своимъ горькимъ смѣхомъ мѣщанство, не могли бы сказать про себя того же!.

Андреевскій Экко не останавливается, однако, въ своемъ отрицаніи на первой ступени. Онъ былъ смѣхомъ своего Лоренцо. Былъ онъ и его слезами. Но теперь онъ станетъ его „огнемъ" (60). Да, огнемъ. Тѣмъ самымъ огнемъ, которымъ уже грозилъ міру другой отрицатель Л. Андреева—Савва Огнемъ, въ которомъ сгинетъ весь огромный міръ мѣщанской культуры и мѣщанскаго бытія Очистительнымъ огнемъ, сквозь который долженъ пройти и самъ Лоренцо, прежде чѣмъ онъ возродится въ своихъ преемникахъ отъ духа Истины, прежде чѣмъ онъ возродится въ новомъ мірѣ для новаго творчества.

Этимъ то разрушительнымъ огнемъ очищенія, въ качествѣ финальнаго аккорда, и заканчивается пьеса Андреева: Ярко пылаетъ, заженный рукою Экко, замокъ герцога ди Спадаро. Торжественно привѣтствуетъ Лоренцо „грохотъ и ревъ торжествующаго огня". Въ экстазѣ разрушенія и смерти онъ обрѣтаетъ, наконецъ, въ себѣ цѣльную, гармоничную личность. И невольно заражаясь этимъ послѣднимъ экстазомъ Лоренцо, вы радостно внимаете его

гордому завѣренію „У Лоренцо, герцога Спадары, нѣтъ въ сердцѣ змѣй“. Но тутъ огонь охватываетъ и его. И... „все рушится“ (70).

На этомъ мы могли бы и кончить. Но въ пьесѣ Андреева имѣется еще одинъ весьма характерный символъ, о которомъ стоитъ поговорить особо. Въ сіяющій замокъ Лоренцо, какъ помнитъ читатель, кромѣ званой толпы господъ являются и незваные гости. Въ отличіе отъ прочихъ масокъ авторъ называетъ ихъ „черными“. Такъ вотъ кто же онѣ, эти загадочныя „Черныя маски“? И для чего собственно онѣ понадобились Андрееву?

„Лохматыя и черныя съ низу до самой головы,—рисуетъ намъ ихъ самъ Андреевъ,—похожія не то на орангутанговъ, не то на тѣ чудовищныя мохнатыя насѣкомыя, что ночью прилетаютъ на огонь—онѣ виновато, съ видомъ конфузливымъ и нѣсколько растерянным пробираются у стѣнъ и прячутся по угламъ. Но любопытство превозмогаетъ: крадучись осторожно, онѣ разсматриваютъ вещи, близко поднося къ глазамъ, трогаютъ лохматыми черными пальцами бѣлыя мраморныя колонны, берутъ въ руки драгоцѣнные кубки и какъ то безпомощно роняютъ ихъ. Другія маски, прежде явившіяся, видимо, боятся ихъ“ (40)

Уже на основаніи этой ремарки, невольно, возникаетъ догадка, что если сіяющій замокъ Лоренцо символизируетъ собой свѣтлое царство культуры, а званые въ немъ гости—такъ называемое просвѣщенное общество, то незваныя черныя маски — это попросту „непросвѣщенная чернь“. Та самая „голодная чернь“, которую и въ „Царѣ-Голодѣ“ Л. Андреевъ вполнѣ послѣдовательно рисуетъ себѣ въ видѣ „какихъ то косматыхъ, полуголыхъ чудовищъ“. И эта догадка сразу же объясняетъ многое, почти все. Но обратимся къ пьесѣ.

Съ первымъ же появленіемъ на сценѣ черныхъ масокъ всѣ остальныя приходятъ „въ непонятное безпокойство“ и взволнованно обмѣниваются такими, примѣрно, репликами:

Голосъ. Кто это? Насъ было меньше.

Испуганный голосъ. Идутъ незваные. Идутъ незваные.

Третій голосъ. Они летятъ на огонь.

(Пытается сорвать черную маску съ лица неизвѣстнаго и въ испугѣ отскакиваетъ). Кричитъ—

На немъ нѣтъ маски, синьоры! (35)

И въ другомъ мѣстѣ·

— Они летятъ на свѣтъ.. Кто ихъ звалъ?

— Ихъ не звали Они пришли сами по освѣщенной дорогѣ.

- - Но можетъ быть это наши?

-- Нѣтъ, нѣтъ,—это чужіе.

— Все это сдѣлалъ огонь на башнѣ. Какой ужасъ! (41).

— Необходимо погасить на башнѣ огонь. (45).

Прежняя маска къ черной. Кто вы? Кто пригласилъ васъ сюда?

Черная маска. Я не знаю, кто я. Кто то зажегъ на башнѣ свѣтъ и мы пришли сюда. У насъ очень темно. И очень холодно у насъ. (41).

Паукъ къ черной маскѣ. Вы отъ Сатаны?

Черная маска. Кто такой Сатана?

Паукъ (недовѣрчиво). Ты не знаешь Сатаны? Кто же васъ прислалъ сюда?

Черная маска. Я не знаю. Мы сами пришли. (45).

Лоренцо къ черной маскѣ. Кто вы синьоръ? У васъ такой странный и грубый голосъ и, мнѣ кажется, я не звалъ васъ.

Черная маска. Это ты зажегъ огонь?

Лоренцо. Да, мой очаровательный незнакомецъ, это я приказалъ освѣтить мой замокъ.

Черная маска. Ты разбудилъ всю ночь. Тамъ все зашевелилось. Ночь идетъ сюда. Ничего, что мы пришли къ тебѣ?

Хочетъ обнять Лоренцо. Тотъ съ силою отталкиваетъ его.

Маски. Лоренцо, твой замокъ въ опасности. Пришли незваные. Прикажи спустить мостъ и наглухо закрыть всѣ двери.

Голосъ. Мостъ уже спущенъ. Но они лѣзутъ черезъ стѣны... (43).

...Тѣмъ временемъ наплывъ черныхъ масокъ продолжается... раздается трескъ разломанныхъ рамъ, окна распахиваются и въ нихъ лѣзутъ тѣ же черныя маски. Нѣсколько Черныхъ масокъ взбираются на хоры къ музыкантамъ, хватаютъ трубы и дико трубятъ. Голоса:

— Слышите? Они трубятъ. Они сзываютъ своихъ.

— Спасайтесь. Они лѣзутъ въ окна.

— Къ оружію!

— Мечи безсильны противъ нихъ.

— Спасенія нѣтъ. Мы погибли. Безумный Лоренцо. Онъ погубилъ всѣхъ насъ. (46-48).

Какъ видитъ читатель, символика приведенныхъ сценъ въ свѣтѣ сдѣланной нами догадки становится болѣе, чѣмъ прозрачной. Очевидно, передъ нами вырисовывается борьба „господъ“ просвѣщенныхъ мѣщанъ съ непросвѣщенной „чернью“, рвущейся къ свѣту. Но крайне характерно, что аристократъ духа, Лоренцо, вызвавшій эту борьбу своими огнями, стоитъ какъ бы совсѣмъ внѣ ея.

— „Какъ это очаровательно, синьоры“... замѣчаетъ онъ только „любуясь происходящимъ“. „Мнѣ еще никогда не доводилось видѣть такой интересной борьбы между тьмою и свѣтомъ“. (45)

Еще характернѣе, однако, то, что гасителями свѣта по пьесѣ Андреева являются не столько господа мѣщане, сколько ихъ антагонисты. „Они любятъ огонь — и тушатъ его. Они летятъ на огонь, и огонь гаснетъ“... увѣряетъ насъ авторъ (44). И намъ приходится ему вѣрить на слово.

Въ „Царѣ-Голодѣ“ Л. Андреевъ даетъ, правда, болѣе удобопонятную версію этого огнегасительства „черни“. Оспаривая безсиліе „любимыхъ дѣтей“ своихъ причинить

вредъ верхамъ общества, Царь-Голодъ восклицаетъ тамъ: „Вы безсильны... Да развѣ теперь, спокойно сидя здѣсь въ подвалѣ, вы не являетесь тѣмъ *мракомъ, который гаситъ ихъ огни?* Развѣ, издыхая, не источаете вы ядъ, который отравляетъ ихъ? Вы почва города, вы первооснова ихъ жизни, вы щиплющійся коверъ, къ которому прилипаютъ ихъ ноги. Великій мракъ идетъ отъ васъ, дѣти мои, и безнадежно трепещутъ во мракѣ ихъ жалкіе огни". Припомнивъ, что рѣчь въ данной сценѣ идетъ, собственно, только о той разновидности „голодной черни", которая состоитъ изъ „госпожъ проститутокъ и стервъ, господъ хулигановъ и сутенеровъ" и т. п. пасынковъ культуры, глубоко ненавидящихъ свою мачеху,—понять приведенную тираду не трудно. Эта „чернь", такъ охотно заявляющая въ „Царѣ-Голодѣ" свою готовность „уничтожить *ихнія* книги" и впрямь является великимъ мракомъ, угрожающимъ современной культурѣ Но вѣдь Черныя Маски Андреева, очевидно, олицетворяютъ не эту люмпенпролетарскую, а нѣкую другую, *рвущуюся къ свѣту* разновидность черни. Вѣдь онѣ *любятъ* огонь и *летятъ* на него. Такъ отчего же и онѣ должны непремѣнно тушить его?

А, впрочемъ, манера изображать даже стихійно рвущіяся къ свѣту темныя массы въ зловѣщемъ видѣ какихъ то страшныхъ полулюдей-полуживотныхъ, угрожающихъ культурѣ, давно ужъ намъ знакома. Вѣдь лохматые „Орангутанги" изъ Черныхъ Масокъ, это, безъ сомнѣнія, родные братья тому сиволапому „Гориллѣ", который уже фигурировалъ въ свое время у Андреева въ Царѣ-Голодѣ. Сродни эти Оранги, конечно, и „Грядущимъ Гуннамъ" Валерія Брюсова. Сродни они, навѣрное, и тому „Готентоту", варварски врывающемуся въ царство культуры, о которомъ намъ недавно повѣдалъ г. Чуковскій. Все это—новыя погудки на старый ладъ. И любопытно здѣсь лишь одно: что манерой живописать эти грядущія къ свѣту массы въ такихъ зловѣще-мрачныхъ тонахъ пользуются не только

трепещущіе за свое паразитарное бытіе рядовые мѣщане, но и столь замѣтно возвышающіеся порою надъ мѣщанствомъ аристократы духа, какъ тотъ же, хотя бы, Л. Андреевъ.

Какъ видно, и духовный аристократизмъ представляетъ собой очень слабую гарантію противъ извѣстныхъ предразсудковъ мѣщанства.

Важнѣйшія опечатки.

стран.	строка	напечатано.	слѣдуетъ:
31	9 сн	выказываетъ	выковываетъ
31	7 „	законъ	закалъ
67	—	gue nous Sommes	bue nous sommes
81	14 св.	усиленія	усиленіе
87	19 „	Аркачеева	Аракчеева
116	1 сн.	развил.	развили
120	17 „	коллективны	коллективныхъ
125	8 св.	объектвино	объективно
129	—	носителмии	носителями
144	8 св.	лошь	сплошь
149	17-18 „	ca el	car tel
160	2 „	низостью	узостью
184	5-6 сн.	„сознательномъ	„сознательномъ“
184	3 „	Тяпушкинъ“	Тяпушкинъ.

Содержаніе.

Стр.
Вмѣсто вступленія 3
ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ. Аристократія духа.
Глава первая 9
Глава вторая 35
ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ. Идеалъ „профановъ“.
Глава первая 69
Глава вторая 97
ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ. Двѣ этики.
Глава первая 131
Глава вторая 159
Приложеніе. „Символика Черныхъ масокъ “Л. Андреева . 188

Книгоиздательство „НОВЫЙ МІРЪ".

С.-Петербургъ, Перекупной, 9.

1.	К. Марксъ. Нищета философіи	30 к.
2	Его-же Рѣчь о свободѣ торговли. Изд. 2-е . . .	4 „
3	Фр. Энгельсъ. Людвигъ Фейербахъ	20 „
4	К Каутскій. Этика и матер. пониманіе исторіи	30 „
5	В Засуличъ Элем. идеализма въ соціализмѣ	20 „
6.	К Марксъ. Революція и контръ-революція въ Германіи	25 „
7.	К. Марксъ. Классовая борьба во Франціи . . .	20 „
8.	К. Каутскій и Ф Мерингъ Шиллеръ .	10 „
9	В. Либкнехтъ. Къ юбилею март. революціи . .	30 „
10	К. Пажитновъ. Положеніе рабочаго класса въ Россіи	1 р. — „
11.	К. Каутскій. Республика и с.-д во Франціи .	30 „
12.	Его-же Аграрный вопросъ Ч I	80 „
13.	Его-же. Аграрный вопросъ Ч II	40 „
14.	Его-же. Аграрный вопросъ. Обѣ части . . .	1 р. 10 „
15	Г. В Плехановъ. Наши разногласія	1 р. „
16	М. Легіенъ. Отчетъ международн. бюро проф союзовъ 1903-1904 г	1 р. — „
	„ Отчетъ за 1905 г. готовится къ печати	
17.	П. Масловъ. Развитіе народн. хозяйства и аграрн. программа	40 „
18.	Эритье. Исторія француз революціи 1848 г. и второй республики	90 „
19.	Олигеръ. „Судный день"	70 „
20.	Парвусъ Колоніальн. политика и крушеніе капиталист. строя	1 р. — „
21.	Будинъ. Теоретическая система К. Маркса въ свѣтѣ новѣйшей критики	1 р. 50 „
22.	Святловскій. Мобилизація земельной собствен.	1 р. — „

1) Книгоиздательство **„Новый Міръ"** высылаетъ книги только по полученіи 10% задатка, за наличн. расчетъ (налож. платежемъ).

2) Книж. магазины пользуются скидкой въ размѣрѣ 30%.

3) Пересылка на счетъ покупателей. Упаковка безплат.

4) Библіотеки и частныя лица, выписыв. изъ главнаго склада **полный комплектъ** изданій **„Новаго Міра"** пользуются скидкой 50% и пересылкой и упаковкой за счетъ издательства.

5) Частныя лица, выписывающіе изъ главнаго склада на 2 р. и больше, за пересылку не платятъ.

6) Каталоги высылаются по первому требованію.

Тип Д. П. Веневрузя

Городская бесплатная
БИБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
имени Н. В. ГОГОЛЯ